

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«Россия готова
к стратегическому
рывку»

ТАК И ДО ЗАПРЕТА ПУШКИНА ДОЙДЕТ?

В НЕКОТОРЫХ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ РУССКИЙ ЯЗЫК с самого начала обретения ими независимости стал вопросом острополитическим. Ограничение его использования виделось непрременной составной частью утверждения новой национальной идентичности и государственности. Прежде всего таким подходом отличались страны Балтии. После распада СССР прошло уже четверть века, но страстность в борьбе против русского языка (а у некоторых – так и против всего русского вообще) не стихает.

Недавно новоизбранный президент Латвии Раймонд Вейонис получил строгое предупреждение от главы Комиссии по государственному языку Андрея Вейсбергса: мол, будучи президентом, Вейонис обязан говорить лишь на латышском. А он, понимаешь ли, позволяет себе по-русски отвечать на вопросы русскоязычных журналистов, а посещая для покупок местный рынок, разговаривает с русскими продавцами на том же русском языке, как и с другими русскоязычными жителями. Которых в Латвии более трети населения (этнических русских, согласно последним статистическим данным, 26 процентов). Правда, не все из них граждане Латвии. Значит ли это, что с ними можно вообще ни на каком языке не разговаривать? А еще Вейонис публично признался, что вырос на сказках Пушкина, которые ему в детстве читала мать. Пушкина тоже под запрет?

Только в этом году латвийские власти приняли целый ряд постановлений, касающихся тех или иных ограничений на использование русского языка в повседневной практике. Этим маленькая, 2-миллионная, страна, конечно, сильно выделяется на общем европейском фоне. Если говорить о странах ЕС, где все же подобная проблема нетерпимого отношения к языкам национальных меньшинств отошла в прошлое. Хотя еще на XX век (в Средневековье, где такое случалось сплошь и рядом, даже и залезать не надо) пришлось такие эпизоды, как запрет каталонского языка после гражданской войны в Испании. И еще более жест-

кий запрет режимом Франко языка басков. Самый, пожалуй, свежий акт подобного рода – это запрет на использование албанского языка в Автономном крае Косово правительством Сербии в 1991 году. В том числе даже в медицинской сфере при оказании услуг носителям албанского языка. Чем такая политика кончилась для Югославии, мы все отлично помним. 📌

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-нального фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 По всем фронтам

08 «Россия готова к стратегическому рывку»

16 «Складываем Русь по крупицам»

ИСТОРИЯ

20 Великая Сибирская

28 «Жили такой тесной, дружной жизнью»

42 Всё держат юноши коней

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

48 Повесть о русской бороде

МУЗЕИ

56 Человек, пароход и святой

РЕПОРТАЖ

62 И только Пушкина не встретить

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

72 Неудобные люди

78 Возвращение святыни

82 Попасть в переплет

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВ / РИА НОВОСТИ

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Великая каша

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Галина УЛЬЯНОВА
Дмитрий УРУШЕВ
Ирина ШЕВЧЕНКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
Александра КОРНЕЕВА

ФОТО АВТОРА

стал своего рода сигналом: после него началось сильнейшее давление на лидеров русской общины Латвии. Некоторые из них подверглись необоснованным задержаниям и обыскам с изъятием компьютерной техники. «Эти люди объявляются врагами Латвии, против них ведет борьбу весь репрессивный аппарат, чтобы подавить русскую общину, лишить ее актива и потом с ней свободно расправиться, – уверен Александр Гапоненко, подвергавшийся задержаниям и обыскам. – Этих людей обвиняют в том, что они отстаивают право учиться на родном языке, а это, по мнению Полиции безопасности, уже является преступлением. Преступление – выступать в российских СМИ с критикой происходящего в стране и в Евросоюзе. Подобные оценки нашей деятельности, опубликованные в латышской прессе, формируют общественное мнение. Из нас делают врагов латышского государства, Эйнара уже обещали убить, а мне периодически предлагают убраться из Латвии». Гапоненко считает, что власти таким образом пытаются вызвать ненависть к лидерам русских организаций среди латышей. «Почему сейчас репрессии усилились? В Латвии разместили вооруженные силы НАТО не только для того, чтобы воевать с Россией, а чтобы нас всех запугать, заставить бояться и ассимилироваться. Недавно подписи собирали в виртуальном пространстве за то, чтобы всех русских поселить в гетто. Кое-кто считает, что не стоит об этом говорить, не надо злить власти. Или вот в Юрмале наклеили листовки: «Смерть русским оккупантам!» Опять не обращать внимания? Это же дети? А ведь мы видели, как было на киевском Майдане. Поэтому давайте консолидируемся и четко выскажем свое мнение: не надо так с нами обращаться!» – призвал соотечественников Александр Гапоненко. Уже после конференции пострадавшие

ФОТО АВТОРА

Российский посол Александр Вешняков поблагодарил соотечественников Латвии за активную работу

АВТОР
АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

**ЖИВУЩИЕ
В ПРИБАЛТИЙСКИХ
ГОСУДАРСТВАХ РУССКИЕ
СТАНОВЯТСЯ УДОБНЫМ
ОБЪЕКТОМ ДЛЯ ПРОВОКАЦИЙ
В ИНФОРМАЦИОННОЙ
ВОЙНЕ, РАЗВЯЗАННОЙ
ПРОТИВ РОССИИ. ОБ ЭТОМ
ЗАЯВИЛА ДЕПУТАТ
ЕВРОПАРЛАМЕНТА
ТАТЬЯНА ЖДАНОК
НА 8-Й ЕЖЕГОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКИХ
СОТЕЧЕСТВЕННИКОВ
ЛАТВИИ.**

ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ КОНФЕРЕНЦИИ, чрезвычайный и полномочный посол РФ Александр Вешняков, также выразил озабоченность предвзятым отношением властных структур Латвии к активистам русскоязычных общественных движений. Российский посол поблагодарил общественные организации Латвии за огромную работу по организации достойного празднования 70-летия Победы. Поскольку конференция соотечественников проходила под лозунгом «Мы помним! Мы гордимся!», о минувшей войне говорили многие выступающие. В том числе и лидер молодежного движения Маргарита Драгиле – один из организаторов акции «Бессмертный полк в Риге», прошедшей в латвийской столице с небывалым размахом. Активисты решили создать вир-

туальную «Книгу Памяти», в которой уже опубликована информация о 500 героях великой Победы.

От войны прошедшей участники конференции перешли к войне нынешней – информационной. Гость рижской конференции, директор Московского Дома соотечественника Владимир Лебедев, затронул тему «крестового похода» против славянского мира. «Мы сейчас много говорим о русском языке, но и в Брюсселе тоже решили за него взяться, а именно – поддерживать «правильные» СМИ, создать свой информационный пул, который будет распространять по миру нужную информацию. Реально – это новая информационная война, и мы не должны оставаться в стороне», – считает Лебедев. Он рассказал о прошедшем в Москве Всемирном конгрессе русской прессы, на котором было объявлено о начале деятельности Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой. Фонд будет оказывать поддержку русскому языку и русскоязычным журналистам за рубежом. Еще один фронт, если уж придерживаться военной терминологии, развернулся в правозащитной сфере. Об этом на конференции говорили исполнительный секретарь Латвийского комитета по правам человека Александр Кузьмин и лидер «Конгресса неграждан» Александр Гапоненко. Ситуация обострилась после публикации в местных СМИ ежегодного отчета Полиции безопасности, которая расширила свой традиционный список неблагонадежных, включив в него активистов «Конгресса неграждан», лидеров движения «За русский язык!», политолога Эйнара Граудиньша, редактора нового новостного портала на русском языке baltnews.lv и даже евродепутата Татьяну Жданок! Опубликованный черный список

от действий спецслужб общественники решили учредить свою организацию – «Лигу узников совести», за что инициаторы тут же были вновь задержаны полицией, пока – для дачи пояснений...

Правозащитник Александр Кузьмин продолжил примеры ограничения демократии в Латвии, самый яркий из которых – наличие огромного числа людей с фиолетовыми паспортами неграждан. За минувший год натурализовались только 1000 человек, таким образом, на 1 января 2015 года в стране проживало 263 тысячи неграждан. Еще примеры: запрет мероприятий «Мир в Донбассе», митинга «Конгресса неграждан», преследование тех, кто собирает гуманитарную помощь жителям Донецка и Луганска, отказ в регистрации как СМИ portalу «Русская Заря». Законодатели тоже не остались в стороне от «боевых» действий. Так, были приняты противоречивые дополнения в закон об электронных СМИ, заставляющие ряд радиостанций перейти на вещание только на латышском языке, ужесточились штрафы телерадиокомпаний за превышение допустимого объема вещания на языках нацменьшинств. Ну и, наконец, самое скандальное: в июне латвийский парламент большинством голосов принял поправку к закону «Об образовании», которая гласит, что «работать педагогом имеет право лицо, лояльное Латвийской Республике и Сатверсме» (Конституции). Поскольку неизвестно, каковы критерии этой пресловутой лояльности, ничего хорошего от нововведения учителя русских школ Латвии не ждут. Но, как считает известный латвийский правозащитник Владимир Бузаев, юридических перспектив у новой нормы практически нет.

На конференции большое внимание уделили обсуждению проблемы образования на русском языке в странах Балтии. Борьба за сохранение русских школ в Прибалтийских странах ведется на протяжении последних двадцати лет. Все эти годы Латвия опережала своих соседей по накалу страстей и сомнительным школьным реформам, которые в итоге привели к падению качества образования в стране. Надо признать, что и соседняя Литва в этом отношении уже догоняет латвийских коллег. Об этом говорил гость рижан – доктор философии, педагог, председатель Клайпедской ассоциации учителей русских школ Литвы Андрей Фомин. По его убеждению, от того, как мы будем воспитывать наших детей и внуков, какое им дадим образование, в большой степени и будет зависеть судьба русских общин в странах Балтии. В Литве

ФОТО АВТОРА

Лидер молодежной латвийской организации «ПЕРОМ» Маргарита Драгиле

положение русских школ драматично: если в 1990 году их было 85, то в 2014-м – уже 32, а число школьников, обучающихся в русских школах, сегодня едва превышает 14 тысяч человек. Процесс деградации образования на русском языке проходил в Литве в несколько этапов. Сначала изменялись образовательные программы, изымались курсы русской истории, заменялись мифологическими интерпретациями ее отдельные фрагменты. Сильнейшие удары пережила русская школа в 2009–2011 годах, когда все обучение в Литве пытались перевести на государственный язык, а несколько лет назад власти заставили выпускников школ нацменьшинств сдавать госэкзамен по литовскому языку наравне с литовскими учащимися. «Миссия русской школы может быть реализована только при наличии следующих факторов: обучение на родном языке, изучение русской литературы, русской истории, приобщение к различным элементам русской культуры и к этносу с его традициями, общим психологическим укладом и присущим ему менталитетом, – поделился доктор философии с латвийскими коллегами своим видением проблемы. – Наши власти стремятся уничтожить обучение на родном языке, и тогда автоматически отпадет и все остальное. После этого миссия русской школы в формировании образованных, культурных людей, интегрированных в современное общество, но в то же время являющихся носителями русской культуры, будет решена и осуществлен процесс ассимиляции». Но власти в Балтийских странах натываются на сопротивление национальных меньшинств, для которых русские школы – это своего рода «наш Сталинград», как было написано на плакатах во время митингов протеста. Поэтому власти начали действовать хитрее, во всех трех странах пробуют разные варианты, в зависимости от ситуации и силы сопротивления общины. В Литве, например, пошли путем нападков

на русскую историю, преподнесения ее как истории варварского народа, тем самым в юных душах формируется восприятие России как непредсказуемого и опасного соседа. «Убрав из образовательного процесса компоненты национального и этнокультурного воспитания, их заменили интенсивным изучением литовского языка и литовской культуры, – посетовал Андрей Фомин. – Причем объем изучения литовского языка зашкаливает! Сейчас он превышает объем изучения родного языка в средней школе на 120 часов в каждом классе. Все силы брошены на изучение литовского языка и литературы, которые, надо честно сказать, не несут того богатства, нравственного, культурного и исторического опыта, которыми обладает русская литература». В этом году в нескольких школах Вильнюса были проведены обыски в связи с тем, что небольшие группы учеников на каникулах выезжали в спортивно-оздоровительные лагеря в Россию и Киргизию. Андрей Фомин назвал чудом, что на этом неблагоприятном фоне в течение 25 лет учителям все же удается сохранять в своих учениках любовь к Отечеству.

Об этом говорили и участники дискуссии по вопросам образования, которую вели учитель русского языка и литературы Пушкинского лицея Риги Андрей Ефремов и директор рижской частной гимназии Елена Матякубова. По итогам дискуссий и пленарных заседаний Конференция организаций российских соотечественников Латвии призвала правительство РФ активизировать работу по подготовке латвийско-российского договора по вопросам образования, который гарантировал бы сохранение в Латвии образования на русском языке. Соотечественники предлагают вернуться к разработке и скорейшему принятию концепции «Русская школа за рубежом». Конференция в итоговой резолюции предложила уделить особое внимание поддержке школ дополнительного образования при организациях соотечественников. Соотечественники также обратились к Министерству образования и науки России с просьбой оказать содействие русскому образованию в Латвии посредством увеличения количества мест для подготовки учителей в вузах России.

В связи с поправками к закону «Об образовании» участники рижской конференции решили направить письмо Верховному комиссару ООН по правам человека, Верховному комиссару ОБСЕ по делам национальных меньшинств и ряду других официальных лиц. ■

«РОССИЯ ГОТОВА К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ РЫВКУ»

БЕСЕДОВАЛ

ГЕОРГИЙ БОВТ

О ТОМ, КАК ВОСПИТАТЬ
ЧИНОВНИКОВ-АЛЬТРУИСТОВ,
КАК ИСПРАВИТЬ ОШИБКИ
В СИСТЕМЕ ЕГЭ, КАК С ПОМОЩЬЮ
«МЯГКОЙ СИЛЫ» ПРОТИВОСТОЯТЬ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ,
РАЗВЯЗАННОЙ ПРОТИВ РОССИИ,
ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU»
РАССКАЗЫВАЕТ ГЛАВА КОМИТЕТА
ГОСДУМЫ ПО ОБРАЗОВАНИЮ, ДЕКАН
ФАКУЛЬТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ МГУ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ.

— В *ЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ, КОГДА ВО-
семь лет назад появился фонд
«Русский мир» и термин «Русский
мир» вошел в информационное про-
странство, не было еще проекта «Новороссия»,
Крым еще не воссоединился с Россией. И термин
этот в глазах западного обывателя не имел той,
во многом отрицательной, коннотации, которой
отличается сейчас. Создается пугающее впечат-
ление: что мы ни делаем, все это будет воспринято
извращенно, не будет понято и принято. И как
в этих условиях работать фонду «Русский мир»?*

— Идея Русского мира будет жить в любом случае. Когда она возникла, было очевидно, что ее будут дискредитировать всеми возможными средствами. Что, кстати, и начало сразу происходить в Прибалтийских республиках, на Украине при Ющенко. Сейчас против России — а значит, и против Русского мира — ведется гораздо более широкомасштабная кампания. Но есть важный момент: эта кампания ограничена странами-членами НАТО плюс Япония и Австралия. И это — все. И заметьте, в каждой стране, примкнувшей к кампании, есть немало людей, которые абсолютно не воспринимают антироссийскую пропаганду. Последние выборы в Европейский парламент четко продемонстрировали расклад сил: тех, которые занимают антироссийские позиции, и тех, кто нам,

скорее, симпатизирует. Можно предположить, что приблизительно две трети Евросоюза настроены антироссийски, а треть — пророссийски.

Кроме того, немало государств охотно поддерживают отношения с Россией, и в них, соответственно, никаких проблем для деятельности фонда нет. Должен сказать, что в целом с особыми трудностями мы почти нигде не сталкиваемся. Есть проблемы в Прибалтийских странах, но они те же, что и были всегда. Есть ухудшающаяся ситуация на Украине, где работе фонда активно препятствуют. Возникли проблемы в Англии. По существу, британская сторона приняла решение о закрытии нашего центра в Оксфорде. Во всех других странах возможности для работы фонда существуют.

— *В России действует немало организаций, занятых работой с соотечественниками и связями с Русским миром за рубежом. Нет ли на этом поле излишней толкотни?*

— Никакой толкотни нет, потому что количество организаций, занятых такой работой, мизерное. В Соединенных Штатах на поле общественной дипломатии действует приблизительно 15 тысяч некоммерческих организаций, и некоторые из них могут похвастаться бюджетом не меньшим, чем бюджет Министерства иностранных дел Российской Федерации. До 70 процентов всех средств, которые возвращаются в неправительственном секторе Соединенных Штатов, — это деньги, имеющие государственное происхождение. Они поступают в основном из Государственного департамента и из десятков существующих американских разведок.

— *Простите, вы сказали — десятков?*

— В Америке по-разному считают, сколько там разведок. Директор ЦРУ является директором национальной разведки.

— *То есть сеть?*

— Да. Разведывательные структуры есть практически у всех министерств, есть Агентство национальной безопасности, есть немало других аналогичных ведомств. По разным источникам, в США насчитывается 25–28 разведывательных структур. И они все поддерживают инструменты американской «мягкой силы». Так вот, если сравнивать российские методы работы с американскими, то наши методы просто стерильны.

– А может быть, пора отказаться от стерильных методов?

– Для этого должны действовать другие организации, их должно быть гораздо больше, и финансироваться они должны соответствующим образом – сопоставимо с американскими. Российские организации за рубежом не готовят боевиков для майданов. Российские организации не финансируют создание национальных учебников, как это делал Фонд Сороса в нашей стране, на Украине и в других республиках. Российские организации не оказывают воздействия на систему национальных СМИ. А американские фонды, например, готовили подавляющее большинство нынешних украинских журналистов, которые проходили курсы «правильной» журналистики.

Еще раз подчеркиваю: те методы, которые применяют западные неправительственные организации, кардинально отличаются от работы российских организаций и тем более фонда «Русский мир», который занимается вопросами культуры и языка.

что происходит сейчас, начало длительного процесса, который еще не вполне проявился?

– Я думаю, вернее всего последнее. Процесс начался в результате Майдана, спрогнозировать его развитие трудно. Ясно одно: в Новороссии у людей пробудился национальный дух, весьма отличающийся от того духа, который охватил Киев после Майдана. Де-факто Новороссия существует, возможность ее функционирования де-юре – под вопросом. Трудно себе представить, как могут практически существовать Донецкая и Луганская народные республики в составе Украины с ее нынешним режимом. Слишком многое их разделяет: абсолютно противоположные ценности, пролитая кровь... Никто никогда не забудет этого.

При этом понятно, что процесс будет развиваться и дальше, причем в разных направлениях. С одной стороны, существуют Минские договоренности, предусматривающие шаги Киева по интеграции Донецка и Луганска в правовое, эко-

«Сегодня многие говорят, что у России плохой имидж, но у Америки имидж, по большей части, еще хуже, чем у России. Особенно в последнее время, когда все больше людей замечают, что мировые проблемы во многом созданы самими Соединенными Штатами».

– Вячеслав Алексеевич, более года назад Крым стал частью России и вполне успешно проходит процесс интеграции с нашим государством. А перспектив его международного признания пока не видно...

– А здесь не нужно никакое международное признание. Ни в чьем признании Россия в данном случае не нуждается. Крым наш, и точка. И в то же время я не могу себе представить, чтобы, к примеру, Соединенные Штаты в какой-то момент взяли и признали, что Крым – наш.

– Теоретически можно представить, что они могут разменять это признание на что-то?

– Вряд ли. Соединенные Штаты ничего разменивать не будут. В политическом истеблишменте США есть два течения. Представители одного считают, что сейчас нужно выйти из сложившегося кризиса в отношениях с Россией с помощью каких-то разменов. Представители другого исходят из убеждения, что Россию, поскольку она слаба, надо наконец-то раздавить и решить исторический спор раз и навсегда. То есть уничтожить российскую государственность. К сожалению, в американской политической элите преобладают представители второго направления.

– А что вы думаете о проекте «Новороссия»? Можно ли считать его состоявшимся? Или то,

номическое и социальное пространство Украины. С другой – в Новороссии складывается своя государственность, свои политические институты, своя идеология, культурная и образовательная среда.

– Но создается впечатление, что действующая власть в Новороссии не справляется с формированием государственных институтов. Пока это больше смахивает на квазигосударство...

– Так и есть на самом деле. В подобных условиях формирование государственных институтов идет не так быстро, как это происходит в том случае, когда со статусом государственности все понятно. Государственные институты ДНР и ЛНР формируются медленно, экономические – еще медленнее, в первую очередь потому, что республики существуют в условиях экономической изоляции со стороны Украины.

Пока трудно сказать, как ситуация будет развиваться дальше. Минские соглашения предполагают, что миротворческому процессу помогут внешние силы, в частности Германия и Франция. Но есть проблема: Минские соглашения по-разному интерпретируются странами-участниками процесса. Ну, и, честно говоря, я не очень себе представляю ситуацию, в которой нынешняя киевская власть стала бы выполнять обязательства, связанные с выплатой пенсий,

АЛЕКСАНДР КОРНЕЕВ

зарплаты бюджетникам в ДНР и ЛНР, тем более что эти расходы даже не предусмотрены в бюджете Украины.

По сути, Минские соглашения держатся только на моральном авторитете крупных мировых лидеров – глав Германии, Франции и России. И если бы не этот фактор, то вообще ни один пункт соглашений не был бы выполнен, как это уже было с «Минском-1».

– *Есть ли у России какой-то готовый план относительно Украины или вся политика там – это сплошная импровизация?*

– Политика – это искусство возможного. Я не думаю, что в Москве есть какой-то детально прописанный по дням план того, что будет делаться на украинском направлении. Происходит что-то на Украине – следует реакция Москвы.

Определить цель политики всегда сложно. Конечно, с одной стороны, кажется, все просто: цель – дружественная России Украина. С другой – сегодня трудно представить возможность реализации этой цели с помощью каких-то тривиальных сценариев.

Кроме того, сама Украина, несмотря на всю западную помощь, вызывает опасения: вряд ли она сможет долго сохраняться как государство, учитывая текущие экономические, политические и социальные проблемы.

– *Сегодня, в условиях сокращения расходов госбюджета, как бы вы обосновали сохранение или увеличение средств на российскую «мягкую силу»?*

– Обоснование очень простое. Если бы эти средства были израсходованы в свое время на ту же Украину, то сейчас в Донбассе не рвались бы снаряды, а России не пришлось бы столкнуться с санкциями.

– *А чем бы мы могли заниматься на Украине?*

– Да с теми же самыми журналистами работать, к примеру. Почему США могут возить журналистов в Европу и в Америку, а мы не можем пригласить их в Москву? Уровень знаний украинских журналистов о России довольно дремуч, но в то же время он аналогичен тому, который существует, скажем, в Америке. Журналисты в Вашингтоне, а не в Москве узнают о том, что им писать о России. То же самое можно сказать о контактах с Украиной в образовательной сфере, которые можно было бы возродить после Ющенко.

– *Вы имеете в виду обучение в наших вузах?*

– И обучение в наших вузах, и многое другое, чему, к сожалению, не уделялось внимания. Понимаете, речь не только о сокращении расходов. Речь о том, что из-за изменения обменного курса вся международная деятельность сейчас оказывается под серьезными ограничениями. Затраты в значительной степени ведь валютные. Это касается, кстати, и Министерства иностранных дел, и Россотрудничества – всех, кто так или иначе работает на международной арене.

– *На международной арене та же Америка вполне успешно пропагандирует или, если хотите, продает свой образ жизни и ценности. Что может противопоставить этому Русский мир?*

– Безусловно, Америка пытается продавать свой образ жизни. Не могу сказать, что у нее это здорово получается. Сегодня многие говорят, что у России плохой имидж, но у Америки имидж, по большей части, еще хуже, чем у России. Особенно в последнее время, когда все больше людей замечают, что мировые проблемы во многом созданы самими Соединенными Штатами. Откуда взялось Исламское государство? Что происходит на Украине? Что творится в Афганистане? Что произошло после американского вмешательства в Ливии? Что происходит в Сирии? Видно, что США больше создают проблем, чем решают. Имидж Америки заметно пошатнулся, тем более что и экономические позиции США уже не такие, как раньше. Сегодня на долю США приходится менее 20 процентов мирового ВВП. Это уже не те 60 процентов, которыми могла похвастаться Америка после Второй мировой войны.

Что может предложить Россия? Россия уже предлагает. Россия предлагает свою систему ценностей, которые основаны на общих гуманистических принципах, записанных в Священных Писаниях мировых религий. Грубо говоря, она предлагает десять заповедей, о которых забыли

АЛЕКСАНДР КОРНЕЕВ

на Западе. Россия предлагает свободу, понимаемую не как экспорт американской демократии, а как возможность суверенного развития для каждой страны. Россия предлагает справедливость, не в юридическом смысле, а справедливость как правду. Россия предлагает незашоренный взгляд на мир. Мы предлагаем смотреть друг на друга не через оружейные прицелы.

Россия предлагает приверженность международному праву, причем тому международному праву, которое записано в Уставе ООН, а не его вашингтонским интерпретациям.

Россия предлагает невмешательство в дела других государств. Россия предлагает иметь дело с теми правительствами, которые есть в мире, а не с теми, которые надо посадить, свергнув ради этого законно избранные. Россия предлагает достоинство и честь, основанные на понимании собственных национальных интересов и на своей силе.

– В наше время фактор знаний и технологий приобрел решающее значение. Система образования – это то, что привлекает в Америку десятки тысяч человек ежегодно. И приходится с сожалением констатировать, что современный российский уровень образования вызывает пессимизм. Не знаю, можно ли его уже называть критическим. Какие-то усилия предпринимаются, но, на мой взгляд, решающего перехода к экономике зна-

ний, к меритократизму пока не произошло. Или я не прав?

– Конечно, меритократия – это не то, что когда бы то ни было отличало Россию. Это отдельная тема. Что касается уровня образования... Тут, как говорится, надо понимать, что с чем сравнивать. Вот вы говорите – Америка... Если оставить в стороне университеты, то по всем рейтингам наше образование лучше, чем в Америке. Если брать дошкольное образование, то российская система в числе лучших. Если брать начальные классы, то по всем международным рейтингам мы – в первой тройке.

– Но в старших классах, видимо, происходит что-то не очень хорошее...

– Что-то не очень хорошее происходит в старших классах в значительной степени из-за того, что не решена проблема стимулов для учеников. Но и при этом наши старшеклассники все-таки выигрывают международные олимпиады.

Я считаю, что введение системы ЕГЭ дестимулировало детей прежде всего в том, чтобы заниматься по всем предметам, – ведь выбор уже сделан учеником в пользу тех дисциплин, по которым он будет сдавать Единый госэкзамен. Еще один минус состоит в том, что ЕГЭ не стимулирует детей к тому, чтобы учиться правильно писать и хорошо говорить. Потому что для сдачи ЕГЭ это не нужно. Отменять ЕГЭ уже поздно, да это и не продуктивно. Сейчас нужно перестроить эту систему так, чтобы

исправить ошибки. Именно поэтому в школу вернулись сочинения. Но потребуется время для того, чтобы дети научились их писать. Потребуется время для того, чтобы дети снова научились хорошо владеть устной речью. И для этого придется ввести в ЕГЭ устный компонент. Кроме того, необходимо введение среднего балла аттестатов, чтобы стимулировать учеников заниматься всеми предметами. Вот те направления, которые, на мой взгляд, могут создать благоприятную систему стимулов для учащихся.

Что касается уровня высшего образования, то здесь, действительно, американцы здорово вырываются вперед. Прежде всего за счет ведущих 200 университетов из тех нескольких тысяч, что у них есть. Эти 200 обеспечивают очень высокий уровень образования, причем даже не столько на уровне бакалавриата, сколько на уровне post graduate – магистерском и особенно PhD. Наш бакалавриат сопоставим с западным, но мы проигрываем в продвинутых уровнях образования. То есть наша аспирантура – это достаточно формальная вещь. Люди

– *А почему их нельзя сократить?*

– Сейчас эта работа идет. Это не такая уж простая процедура, она связана с серьезными юридическими сложностями. Недавно мы приняли закон, который несколько упрощает эту судебную процедуру. Для лучшего понимания объясню суть проблемы: раньше для лишения вуза лицензии надо было в течение полугода выиграть два судебных процесса у этого вуза по месту его нахождения. А если учесть, что местный судья нередко является выпускником этого самого вуза, то можете себе представить перспективы дела. Сейчас необходимо одно судебное решение, а для лишения аккредитации вообще не нужно обращаться в суд, поскольку аккредитуются образовательные программы. Поэтому сегодня количество вузов в стране заметно сокращается.

– *В нынешней международной ситуации зарубежное образование для россиян стало деликатной темой. Между тем обмен знаниями не прекращался даже во времена Советского Союза. А сегодня? Идея подвергается сомнению?*

«Россия предлагает невмешательство в дела других государств. Россия предлагает иметь дело с теми правительствами, которые есть в мире, а не с теми, которые надо посадить, свергнув ради этого законно избранные. Россия предлагает достоинство и честь, основанные на понимании собственных национальных интересов и на своей силе».

там не учатся, они сдают минимум и пишут диссертации. И то, сейчас уже даже и диссертации писать не надо. А в Америке – наоборот. Это тот уровень, когда лучшие профессора начинают учить лучших студентов.

– *Но это вопрос денег в том числе.*

– Да, в том числе – вопрос денег. Но есть и другая сторона этого вопроса: есть ли такие профессора, которые способны чему-то научить аспирантов?

– *Тогда нужно купить профессоров! Но опять-таки – мало денег в системе образования.*

– Консолидированный федеральный бюджет сферы образования сегодня превышает 3 триллиона рублей. Это немало. Да, недофинансирование сферы образования существует, хотя сейчас ситуация гораздо лучше, чем была десять, а тем более двадцать лет назад.

Но проблема с высшим образованием даже не в этом, а в том, что у нас до сих пор количество высших учебных заведений в Российской Федерации вчетверо больше, чем было в РСФСР. Появилось огромное количество вузов и филиалов, которые, к сожалению, много чем занимаются, кроме учебной деятельности.

– Почему же? Студенты ездят за рубеж, у большинства университетов действуют программы по обмену. Санкции на этом процессе никак не сказались. Сказалось только падение обменного курса рубля. Но связи не нарушились. Напротив, я бы сказал, что со стороны западных государств, может быть, даже увеличился интерес к подобного рода обменам...

– *В подрывных целях?*

– Ну, во-первых, в подрывных целях, а во-вторых, для того, чтобы возродить собственную школу русистики. Ведь выяснилось, что Россию никто не понимает на Западе. Там после окончания холодной войны все программы образования на русском языке и по советологии, которые финансировались Пентагоном, Госдепом, ЦРУ и так далее, были свернуты. Поэтому сейчас в этом отношении там царит печальная картина. Общий уровень понимания России близок к нулю. Отсюда и многие неправильные решения. Здесь же, думаю, нужно искать истоки совершенно самоубийственной политики, связанной с желанием раздавить Россию с помощью экономических и других санкций. На самом деле санкциями добиваются прямо противоположных целей. Россия начинает усиливаться, вместо того чтобы капитулировать или развалиться.

Так что программы по обмену продолжаются. Прекращать их никто не собирается. Я напомним, академическая и студенческая мобильность является одним из критериев оценки деятельности вузов. Кроме того, благодаря Интернету существует и дистанционное образование, которое присутствует практически во всех ведущих западных университетах. А мы сейчас предпринимаем усилия для продвижения дистанционного образования для желающих изучать русский язык. Я имею в виду программу Института русского языка имени А.С. Пушкина.

А вот если говорить о каких-то зарубежных прорывных технологиях, то тут России ждать нечего. Впрочем, эта сфера для нас всегда была закрыта. Ничего нового в этом нет. Разговоры о том, что России передадут какие-то высокие технологии, о чем без устали твердили в 90-е годы, так и остались разговорами. Никто никаких высоких технологий России не дал и никогда не даст.

– Технологии, конечно, не дадут, но некоторые практики могут быть полезны. Как не допустить такую ситуацию, чтобы мы в противостоянии с нынешним Западом не скатились в ретроградство, в том числе в обучении управленческих кадров?

– Здесь я как раз проблемы никакой не вижу. У нас управленческие кадры нуждаются не в западном образовании. Они просто нуждаются в образовании. Я, честно говоря, не вижу большой разницы.

Но не это главная проблема. Главная проблема в том, что у нас подавляющее большинство нынешних управленцев не имеют соответствующего образования. Что неудивительно, ведь, собственно, управления в Советском Союзе не было. На руководящие посты приходили юристы, экономисты, философы, физики, математики.

Неслучайно в МГУ была организована программа подготовки кадров правительственного резерва. К нам приходят молодые госслужащие, которых направляют министры и губернаторы, поскольку считают их перспективными специалистами. Из них готовят резерв правительственных кадров.

– И они возвращаются на госслужбу?

– Конечно. И, кстати, наше общение с ними во время программы заставляет нас очень хорошо понять, какие знания им нужны. А затем использовать этот опыт в учебном процессе на факультете, чтобы наши студенты уже получили те знания, которые необходимы на достаточно продвинутых уровнях государственной службы.

– Вячеслав Алексеевич, факультету госуправления МГУ исполнилось двадцать лет. Когда он создавался, госслужба не считалась престижной. А сейчас социологи отмечают резко возросший интерес именно к госслужбе. Люди хотят рабо-

«Консолидированный федеральный бюджет сферы образования сегодня превышает 3 триллиона рублей. Это немало. Да, недофинансирование сферы образования существует, хотя сейчас ситуация гораздо лучше, чем была десять, а тем более двадцать лет назад».

– Вы руководите факультетом государственного управления МГУ. Можете поделиться своими впечатлениями о том, какими будут наши будущие управленцы?

– Наши студенты хорошо подготовлены. Как правило, лучше, чем на Западе. По одной простой причине: на Западе public administration – это только магистратура, а у нас еще и бакалавриат. У нас уровень подготовки получается выше. И мы используем в обучении наших студентов все, что есть ценного в западной управленческой науке. Однако есть одно «но»: говорить о том, что все зарубежные методы полностью применимы в России, невозможно. Это совершенно иная психология и иная управленческая культура. Хотя в России многие считают иначе. Например, глава Сбербанка Герман Греф любит даже лекции читать на эту тему – о том, что все управленческие технологии универсальны. Я с этим не согласен. У нас своя специфика, свои мотивации, свои стимулы.

тать чиновниками, и в этом кое-кто подозревает корыстный интерес. Вы общаетесь со своими студентами. Как вы считаете, кого среди них больше: тех, кто хочет служить общественному делу, или тех, кто мечтает о карьере ради денег?

– Как показывает опыт, большинство выпускников факультета государственного управления все-таки идут на работу в бизнес, а не на государственную службу. Прежде всего потому, что в бизнес-структурах больше начальная заработная плата. Тех из наших выпускников, кто идет на государственную службу, можно смело назвать альтруистами, потому что госслужба оплачивается хуже, чем работа в бизнесе. Естественно, никаких коррупционных возможностей у них быть не может – они мало что решают. Здесь действуют стимулы чисто морального свойства. Это, как правило, люди, которые стремятся сделать даже не чиновничью, а политическую карьеру. Их достаточно много, кстати, и в аппарате Государ-

АЛЕКСАНДР КОРНЕЕВ

ственной думы, и в аппарате Совета Федерации, и в разных министерствах. Они хорошо подготовлены и достаточно быстро продвигаются по служебной лестнице.

– *Можно ли надеяться, что процент альтруистов на государственной службе будет расти?*

– Безусловно, если их воспитывать должным образом. Государственная служба – очень ответственное дело. Мы привыкли рассматривать госслужащих как бездельников или коррупционеров. Но вот возьмите, к примеру, аппарат Государственной думы. Это сотни людей, которые работают над законопроектами. Что здесь коррупционного может быть, кроме скрепок и бумаги? Причем это работа действительно очень серьезная, требующая высокого профессионализма. Порой, когда идут какие-то серьезные законопроекты, люди на работе сидят круглосуточно. При этом получают относительно небольшие деньги. Гораздо меньше, чем получают в бизнес-структурах.

– *А на чем, по-вашему, может основываться этот новый русский альтруизм? Если вспомнить о советском альтруизме, то он имел под собой комму-*

нистическую идею – построение светлого будущего. А новые русские альтруисты – они про что?

– Они – про то же. Про светлое будущее страны. Про справедливость, про свободу, про великую Россию. Про то, за что поколения наших предков погибали столетиями. Эти ценности не рождаются при коммунистах и не умирают при капиталистах. Они – вечны. Это – национальный дух, это – честь, это – вера, если хотите.

– *Вячеслав Алексеевич, как страна и как цивилизация мы готовы к рывку в будущее или мы все еще находимся в каком-то болезненном состоянии?*

– Как страна – готовы. Как цивилизация – готовы. Но я не уверен, что все члены нашего правительства мыслят такими категориями. Я уже не раз это говорил и повторяю снова: главная проблема корпорации под названием «Россия» заключается в том, что стратегию развития в ней определяет не совет директоров, а бухгалтерия. А когда бухгалтерия определяет стратегию развития, то эта стратегия сводится к одной формуле: чтобы деньги были в бухгалтерии. Вот с этим действительно надо кардинально что-то делать, если мы хотим, чтобы стратегический рывок был наконец осуществлен. **■**

«СКЛАДЫВАЕМ РУСЬ ПО КРУПИЦАМ»

БЕСЕДОВАЛ

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

КОНСТАНТИНА РУМЯНЦЕВА

АНСАМБЛЬ ДРЕВНЕРУССКОЙ МУЗЫКИ «СИРИН» ВОСКРЕШАЕТ ГОЛОС ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ. НА СЦЕНЕ, В АРХИВЕ, В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ. МУЗЫКАНТЫ ВЧИТЫВАЮТСЯ В ЛЕТОПИСИ И ВСЛУШИВАЮТСЯ В ГОЛОСА СОВРЕМЕННИКОВ – ТАКОВА МЕТОДИКА. «РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ», – ПИСАЛ МИХАИЛ БУЛГАКОВ. «НИЧТО В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НЕ ПРОПАДАЕТ БЕССЛЕДНО», – СЧИТАЕТ СОЗДАТЕЛЬ И БЕССМЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ АНСАМБЛЯ АНДРЕЙ КОТОВ.

З А ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА «СИРИН» ДАЛ БОЛЕЕ тысячи концертов и подготовил десятки программ, объехал с гастрольями половину земного шара и осенил дыханием подлинности несколько исторических кинофильмов и спектаклей лучших театров страны.

– А 25-летний юбилей вы планируете отмечать?
– Вообще-то коллектив был создан в 1989 году, тогда же мы начали первые репетиции. А первое выступление прошло в Сочельник – 6 января 1990 года. Рождение «Сирина» было задокументировано телевизионщиками. По какой-то чудодейственной причине на нашем первом кон-

церте оказалась съемочная группа российского телевидения, и наше выступление было снято на пленку. И эта запись у нас есть, разумеется. К юбилею мы приурочили серию концертов в Москве, а 25-летний юбилей встретили с нашими слушателями и зрителями.

– В период становления ансамбля «Сирин», который явно не вписывался в русло официального искусства, как к вам относились власти – мешали, помогали или просто не замечали?

– Проблем нам точно никто не создавал. В разгаре была перестройка, а с 1988 года стали проходить фестивали православной музыки. Отлич-

Духовные стихи и церковные песнопения «Сирин» исполнял и исполняет по всему миру – от Израиля до Великобритании

но помню первый московский международный фестиваль. Повторюсь, препон не было, напротив, была эйфория вокруг православной музыки и православного искусства. Появилось множество хоров, исполняющих духовные песнопения, в том числе коммерческих коллективов. Эта музыка вдруг оказалась очень востребованной, причем не только в Москве, но и по всей России. Более того, нас были рады видеть во многих странах. Например, в Европе очень хорошо принимали коллективы подобного рода. Сегодня из того обилия хоров остались единицы. Прочие перестали существовать в тот момент, когда исчезла конъюнктура.

– *Наверное, стоит вспомнить первый состав «Сирина». Сколько было тогда в ансамбле человек и кто были эти люди?*

– Поначалу нас было всего восемь человек – пять мужчин и три женщины. Сейчас в ансамбле поют четверо из первого состава, и это большая удача. Сегодняшний «Сирин» – это четырнадцать человек.

До создания «Сирина» я десять лет работал в ансамбле Покровского, и моими темами там были как раз духовные стихи и старообрядческая культура. О древнерусской музыке тогда – в 70-е и 80-е годы – было известно крайне мало. Это была закрытая и узкоспециализированная дисциплина, которой занимались единицы. Разницу между старообрядческим пением и древнерусской духовной музыкой, скажем XVI века, тогда мало кто понимал. Впрочем, сегодня ситуация почти не изменилась. Но я, как говорится, ушел в сторону. В первый состав «Сирина» я собирал музыкантов, которые были готовы на некий прорыв, на то, чтобы заняться чем-то абсолютно для них незнакомым, но очень интересным. От них требовалось полюбить что-то совершенно неведомое.

– *То есть «Сирин», если можно так выразиться, родился птенцом и оперялся в процессе?*

– Да, родился неоперившимся птенцом. Для большинства участников ансамбля древнерусская музыка была чистым листом. Но они были готовы на искренний поиск, чем мне и приглянулись. Первое время мы много пробовали, искали ключ к искусству, которого не существует и каким оно было – непонятно. Мы пытались соединить мертвые рукописи с живой певческой традицией. Наш опыт, знания и вкус помогали нам определить, в какой степени все это могло сочетаться с эстетикой XVI–XVII веков. В отличие от Западной Европы в России сохранилось очень мало источников, связанных с музыкальной теорией и эстетикой того времени. Остались крохи и крупницы, но, когда ты соберешь их, общая картина начинает вырисовываться.

– *Читал, что вы открыли самостоятельную студию при ансамбле «Сирин». Зачем?*

– У людей нет возможности собираться, чтобы попеть вместе то, что им нравится, и то, что им интересно. Да и вообще, поводов для того, чтобы собраться вместе, у современных людей все меньше и меньше. Мы предоставляем такую возможность. При этом у нас нет задачи сделать из всех, кто приходит к нам, профессионалов. Раньше существовала художественная самодеятельность, кружки по интересам, которые помогали человеку найти свой малый круг общения. А еще раньше эту функцию выполняла деревенская община.

– *Музыку можно записать на бумаге – вспомним древнерусские крюки и знамена. Но как отразить певческую манеру?*

– Ничто в истории и культуре не пропадает бесследно. Интонации, которые когда-то пытались фиксировать певческими знаками, мы находим в народном пении, в языке, в церковных обрядовых произведениях. Иногда отголоски древней традиции слышатся там, где их не должно быть, но они там по какой-то причине сохранились. Важно не успокаиваться в поисках и иметь, как говорится, открытые глаза и уши. Нам в наших поисках помогает целая лаборатория, созданная при ансамбле, – теоретики, композиторы, профессиональные регенты и педагоги. Это настоящая научная искусствоведческая работа. Кроме того, мы дружим со всеми, кто занимается древней христианской музыкой.

– *То есть поющая бабушка из деревни может дать информации не меньше иной летописи или исторической монографии?*

– Вне всяких сомнений. Мир верующего человека – традиционно верующего – разрушить или изменить практически невозможно. Сохранились аудиозаписи исполнителей духовных стихов, для которых вера являлась естественной частью их жизни. Они поют по-другому и говорят по-другому. И о другом. Слушая подобные записи, ты начинаешь представлять, как могли петь четверста или пятьсот лет назад. И через это многое узнаешь о жизни русских людей той эпохи.

– *Мы, обыватели, представляем Древнюю Русь в основном по фильмам: вот бородатый воин в кольчуге, а вот гусляр в посконной рубахе. Это несколько лубочное восприятие хотя бы отчасти близко к историческим реалиям?*

– Я считаю, что по большому счету для современного человека Древняя Русь – неизвестная страна. И чтобы открыть ее для массового сознания, нужно очень многое сделать. Фильмы существуют, художественные и документальные, начиная с «Андрея Рублева» Андрея Тарковского и заканчивая «Расколом» Николая Досталь, который мы, к слову, озвучивали. В каждом есть свои плюсы и минусы, но по-настоящему оживить на экране подлинную Древнюю Русь вряд ли кому-то удалось. Удивляет, когда люди неверующие

или не знающие религиозной культуры берутся за написание сценариев и наделяют персонажей такими качествами, которых у русского человека XVI века просто не могло быть. Многие приукрашивается, многое не по праву заостряется, иногда «ура-православие» демонстрируется с такой чрезмерностью, что само по себе выглядит неправдоподобно.

– Как же тогда говорить об эпохе, которая почти никому не известна? Может быть, и не стоит – меньше лжи?..

– Говорить нужно, и музыку играть нужно. Но всегда следует помнить о том, что стопроцентного попадания в эпоху быть не может. Музыка – это искусство «здесь и сейчас». Ее не существует в прошлом, даже записи по-настоящему не передают прошлого. Исполнитель, который представляет то или иное понимание, пропускает его через себя и создает образ. Да, со сцены звучат песнопения XVII века, но их пою я, современный человек со своими личностными особенностями. Пение – это процесс организованного эмоционального, когда через звук человек передает свои чувства и мысли. Получается, я могу петь только о том, что знаю и чувствую. Все, что мы можем сделать, это из той информации, которую мы переварили, создать на сцене некий образ. Но говорить о том, что именно так и пели в XVII веке, ни один честный человек не станет. А если станет, прослышет шарлатаном. Попытка убедить кого-то в том, что ты – подлинник, а не подделка, всегда выглядит смешно. Хочется сказать: «Ты бы сначала подумал, о чем говоришь».

– Какой из штампов фильмов и книг о Древней Руси кажется вам наиболее неправдоподобным?

– Например, когда показывают человека той эпохи отсталым дикарем. Между тем доказано, что в XV–XVI веках здесь было мощнейшее государство и культура, сопоставимая с западной, а иногда и превосходящая ее. Когда Париж, извините, вонял нечистотами, на Руси налагался штраф за то, что ты выбросил золу на улицу. В наших городах царили чистота и порядок, люди часто ходили в баню, пили чистую воду. Степень грамотности была очень высока среди городского населения, домашние библиотеки существовали в Древней Руси не только у богатей. Конечно, бывало всякое, как и в других государствах эпохи Средневековья.

– Неподготовленному человеку ваша музыка доступна для восприятия?

– Что-то доступно, а что-то нет. Поэтому мы в своих программах стараемся чередовать условно простые стихи и песни и условно сложные. И, смешивая произведения в определенной пропорции, пытаемся вывести восприятие слушателя через простое к сложному.

– В одной из статей о «Сирине» вас назвали лирником, бродячим музыкантом вроде шарманщика, который играет и поет за милостыню. Не обидно?

– Нет, что вы. Довольно верное сравнение. Я пою духовные стихи под аккомпанемент колесной лиры, наследуя традицию лирников. А если принять во внимание географию наших гастролей, то и бродячими музыкантами нас тоже можно назвать. Лирники пользовались огромным авторитетом и обладали большим влиянием на культуру той или иной эпохи. Вот только их произведения ушли вместе с ними – ни нот, ни рукописей у лирников не было. Устная традиция. Уже в новой и новейшей истории фольклористам удалось записать ряд произведений и даже выпустить несколько лирных сборников.

– Вы часто выступаете за рубежом. Как воспринимают древнерусскую музыку сегодня там, когда, как вы говорите, конъюнктура ушла и интерес к России несравним с перестроечным?

– Отлично воспринимают, никакого снижения интереса мы не ощущаем. Наше искусство привлекает в первую очередь тех людей, кому интересно то, что стоит за этой музыкой и этими стихами. А такие люди есть во всем мире. Они очень разные, но в чем-то очень похожие. Нас повсюду хорошо принимают, барьеров у нас нет. Часто мы для зарубежных гастролей переводим духовные стихи на другие языки и публикуем их в программах. В этих строчках есть слова, которые заставляют кое о чем задуматься, и после наших выступлений зрители задают вопросы – нам или священнику.

– Насколько ваш репертуар канонически безупречен? Выше вы сказали о старообрядческих стихах и песнях. Исполняете ли вы апокрифические произведения или произведения из канонов других конфессий?

– Оговорюсь сразу, сектантские вещи мы не поем, поскольку, с нашей точки зрения, они

Андрей Котов создал «Сирин» 25 лет назад, жанру древнерусской духовной музыки ансамбль никогда не изменял

«Сирин»
начинали восемь
музыкантов,
сегодня полный
состав ансамбля
включает
четырнадцать
исполнителей

неправильные. Старообрядческие духовные стихи исполняем, но никакого противоречия тут нет. Большую часть нашего репертуара составляют богослужебные песнопения XVI–XVII веков. Многие из них сегодня поются по-другому, даже варианты текстов менялись, но это не является нарушением канона и искажением сути. Что касается апокрифических стихов... Традиция их, как правило, не сохраняет. Об апокрифах много говорят, но сохранилось их очень мало, да и вокруг сохранившихся много споров и путаницы. То, что им уделяют так много внимания, говорит о простом незнании истории, традиции, канона.

– Являясь, по сути, светским человеком – художником, исследователем, музыкантом, – вы выглядите как священник: борода, длинные волосы, похожий на рясу сценический костюм. Когда сложился этот образ?

– Он всегда был таким и практически не менялся. Бороду я отпустил давно, еще до существования ансамбля «Сирин». Ребенок первый родился, забот стало больше, а времени меньше, я пожертвовал бритьем. Поверьте, над своим имиджем я специально не работал. Да и волосы тоже. Растут и растут, подстригаю время от времени. Мне так удобно. Если бы что-то мешало, я бы это поменял.

– Вы упомянули о своей колесной лире. У инструмента есть своя история?

– Это копия, причем довольно новая. Лирников не стало, а колесная лира живет. В конце XIX века на Украине на изготовлении этих инструментов специализировалось множество артелей. У нас в России балалайки клепали, а у них – лиры. До середины 30-х годов прошлого века лиры не были редкостью – по городам и весям ходили лирники, бандуристы и кобзарь. А потом их репрессировали. Была страшная история: в 1935 году в Харькове прошел съезд лирников и кобзарей, которых не один год собирали в одном месте. Они же странники и одиночки, и встречаются нечасто. Около пяти сотен лирников и кобзарей из России, Белоруссии и с Украины собралось. Съезд прошел, и после этого их никто больше не видел. И документов никаких не нашли, хотя многие их до сих пор ищут. О конференции упоминаний много, в том числе в газетах тех лет, а о судьбе ее участников – тишина. Чем мешали бродячие музыканты? Они ходили по стране, пели о разрушенных храмах и приходе последних времен, а подобная «живая газета» была не нужна власти.

– Спрошу о другом вашем инструменте – о гусях. По звучанию они отличаются от гуслей, к примеру, из фильма «Садко». Вы воскресили тот самый оригинальный звук?

– Нет «того самого звука», это – миф. Звучание гуслей зависит от размера доски, из которой их сделали, и от количества струн. В Средневековье гусли были бытовым инструментом, на них играли так, как сейчас бренчат на гитаре.

На семиструнных гусях я научу вас играть за полчаса. Вы дома сядете и будете брать эти три аккорда, под которые можно исполнить любую песню. На Руси под гусли не пели и былин не сказывали, под них плясали, как правило. Но в руках мастера гусли и звучали мастерски. И мелодии исполнялись в более сложном варианте, скоморохи тоже на них играли, а они были высокопрофессиональными музыкантами.

– Для вас важно, чтобы как можно большее число людей услышало древнерусскую музыку или это искусство не может быть массовым?

– Вы правы, эта музыка немассовая. И концерты в огромных залах мы давать не можем. Когда в зале более 500 слушателей, для нас это плохо. Это искусство требует, чтобы мы дотянулись живым звуком до каждого человека, который пришел на концерт. Повторюсь – непременно живым звуком. Микрофоны создают другой образ – как и записи, кстати, даже высококачественные, – а потому мы предпочитаем работать без участия техники. Но нам доводилось выступать и в залах на тысячу мест и более – всегда что-то придумывали. За модой мы не гонимся, но живых выступлений не оставим. Как любая традиция, это может передаваться только через живое общение и живой звук. ♪

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВЕЛИКАЯ СИБИРСКАЯ

Генеральная
карта России
1745 года

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ХОТЯ СО ВРЕМЕНИ ЭКСПЕДИЦИИ ПРОШЛО УЖЕ БЕЗ МАЛОГО ТРИСТА ЛЕТ, ИССЛЕДОВАТЕЛИ ВСЕ ЕЩЕ НЕ МОГУТ ДО КОНЦА ОПРЕДЕЛИТЬСЯ С ЕЕ НАЗВАНИЕМ: ИЗНАЧАЛЬНО ОНА ЗВАЛАСЬ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ, НО УЖЕ В ХОДЕ ЭКСПЕДИЦИИ СТАЛО ЯСНО, ЧТО ИМЯ ЭТО УЗКО ДЛЯ НЕЕ: НА ПРОТЯЖЕНИИ ДЕСЯТИ ЛЕТ ПЯТЬ ОТРЯДОВ РАБОТАЛИ, КАРТИРУЯ ПОБЕРЕЖЬЕ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА, ОТРЯД БЕРИНГА ПЛЫЛ В АМЕРИКУ, А ОДИН – ОБСЛЕДОВАЛ КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА, НЕИЗВЕСТНУЮ ЗЕМЛЮ ИЕЗЗО (ЯПОНИЮ) И САХАЛИН. ВОСЬМЫМ СЧИТАЛСЯ ОТРЯД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АКАДЕМИИ.

НАЗВАНИЕ «ВЕЛИКАЯ Сибирская экспедиция» появилось уже тогда, в XVIII веке. Современные исследователи до сих пор вносят уточнения: «Великая Се-

верная», «Сибирско-Тихоокеанская» и др. Однако суть не меняется: это было мероприятие столь грандиозное по масштабам, что повторить его не удалось ни в XIX веке, ни даже в эпоху СССР.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ С ПРАВОМ ПЕРЕПИСКИ

Великая Сибирская экспедиция началась в царствование Анны Иоанновны, продолжалась в краткосрочное правление Анны Леопольдовны и закончилась только при Елизавете Петровне. По этому случаю Пушкин заметил язвительно: «Ничтожные наследники северного исполина (Петра I. – Прим. авт.), изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения». Однако если бы все решали Анна Иоанновна или Анна Леопольдовна, Россия рухнула бы. Но не рухнула же! Россия, в основу которой Петр самого себя положил как краеугольный камень, после его смерти не обрушилась, несмотря на мышиный кругозор и ограниченные двором интересы царствующих

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вид города
Тобольска.
Гравюра,
раскрашенная
акварелью.
Третья четверть
XVIII века. ГИМ

МОСКОВИЯ И ТАРТАРИЯ

На появившихся после экспедиции картах, как российских, так и европейских, пространство Сибири часто именуется «Великой Тартарией». Что дает повод некоторым любителям истории, переосмысленной в духе Глеба Носовского и Анатолия Фоменко, утверждать, что ни Сибири, ни России на ее просторах не было, а была Великая Тартария, что звучит незыблеме, чем Золотая Орда. Однако «тартария» — понятие отнюдь не этническое, не политическое, а космогоническое. Оно имеет прямое касательство к древнегреческим представлениям об устройстве мира. А по этому поводу греки думали вот что: существует благодатный мир, увенчанный Олимпом и сонмом обитающих на нем божеств, мир избыточный и плодотворный, согретый теплом солнца, — и существует Тартар — дно или даже изнанка мира, жилище Ночи, Мрака и Холода. В Тартаре неизбежно попадают самые худшие, деградирующие существа: здесь пребывают титаны, низвергнутые Зевсом, и древние боги Олимпа. Тартар — это как бы нижняя сторона земного диска, на которую никогда не проливается живительный солнечный свет, небо над Тартаром — это вечно темное нижнее небо «страны без возврата». В Тартаре залегают корни земли и моря, все концы и начала, все, попавшее сюда, атомизируется и затем вновь вбрасывается в круг творения...

Разумеется, картографы XVIII столетия знали, что Земля имеет форму шара, а не диска. Однако мифологические представления живучи. «Великая Тартария» могла бы как метафора обозначать пространство за полярным кругом («страна холода и мрака»), но помимо скверного климата, долгой полярной ночи и холода подлинность «тартарианского» удостоверяют живущие в этом пространстве «примитивные» народы, «ужасный» характер несвойственного цивилизованной Европе быта, «грубость и темнота» местного населения. Любопытно, что по этой логике «Тар-

сразу после него особ. Сохранилась Академия наук, влиятельные люди в Сенате и Адмиралтейств-коллегии, Морская академия, навигацкие школы, сохранилась, наконец, насущнейшая для молодой империи задача: знать свои пределы, свои хотя бы очертания.

Великая Сибирская экспедиция определила не только характер научных исследований первой половины XVIII века, но и, в прямом смысле слова, жизнь всей России за Уралом. Она продолжалась десять лет (1733–1743) и стала событием такого политического, экономического и культурного масштаба, что кто-то заметил, что по своему размаху экспедиция эта может сравниться только с древним плаванием финикийцев вокруг Африки и с географической съемкой китайской империи при императоре Канси (1661–1722). С той, однако, оговоркой, что китайцы картировали территорию несравненно меньшую, чем пространства России за Уралом.

В экспедиции участвовало около тысячи человек. Было создано восемь отрядов, каждый из которых основывал в Сибири свою базу и строил на месте экспедиционные корабли. За отрядами, действовавшими на Крайнем Севере, местные жители гнали «табуны» оленей. Подати на пропитание экспедиции сильно подогрели недовольство малых народцев: кое-где вспыхнули бунты, но были усмирены. В результате десятилетней работы было вычерчено все северное побережье России, от горла Белого моря до Тихого океана и «Большой Земли» (Америки), собраны коллекции, учреждены фактории. Архив экспедиции, значительная часть которого погибла в Тобольске во время пожара, до сих пор до конца не разобран — одних только карт экспедиция составила 62, положив начало картографическому архиву Морского ведомства; судовые журналы, путевые записки, дневники и даже научные наброски многих участников ждут своего исследователя.

Тартария
на карте Азии,
составленной
Иоганном
Кристофом
Гоманном
(1703–1730)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тарией» можно было бы считать все заполярные территории в Канаде, Гренландии или Антарктиде. Однако англичане не были бы довольны, если бы кто-то назвал северную Канаду «Тартаром». В Сибири же тартарианский миф оказался очень живучим. Он жив до сих пор. Как только я слышу, что жить в Сибири невозможно, что самое целесообразное – воткнуть куда надо нефтяную трубу и ездить проверять ее вахтовым способом, я понимаю, что речь по-прежнему идет о «Великой Тартарии». Сталинские лагеря несомненно принадлежат тартарианскому мифу. К нему же относятся некоторые современные геополитические построения: раз уж Тартар непригоден для обитания человека, следует разделить его между всем мировым сообществом, чтобы каждый мог воткнуть здесь свою трубу

и ездить к ней вахтовым способом... Канада при этом вновь как бы естественно выпадает из поля зрения...

Участники Великой Сибирской экспедиции на 90 процентов были выходцами из плодородных губерний Европейской России и в этом смысле происходили с окраин благодатной, обжитой человеком земли: если не апельсины и маслины, то уж, по крайней мере, наливные яблоки и груши вызревали для них под солнцем Верхнего мира. Однако никто из участников экспедиции (включая немецких академиков) никогда не позволил себе назвать Сибирь «Тартарией». Хотя в исследованиях побережий Северного Ледовитого океана им случалось преступать границы возможного, добираясь до крайних пределов империи, расположенных далеко за полярным кругом.

Карта
Российской
империи
1786 года
с делением на
наместничества

ПО СЛЕДАМ, ОСТАВЛЕННЫМ НА КАРТЕ

Как коротко рассказать об экспедиции? Ей посвящены горы литературы – от научных исследований до исторических романов, но и они не открывают всего. Ни событийной и приключенческой канвы экспедиции, ни ее пафоса, ни героизма людей, отдавших ей десять лет жизни. Мы отвыкли и от таких медленных темпов, и от героизма почти неправдоподобного, явленного в полной безвестности, без малейшей надежды, что сии подвиги будут увековечены и показаны по ТВ, как удачно забитый гол, или хотя бы пропечатаны в газетах. Информационные технологии (книгопечатание, газеты) медленно вызревали в подвижный век мануфактур и, в сущности, еще ничего не определяли. Для капитана или командира экспедиционного отряда куда важнее была должностная инструкция. Согласно таковой каждый из отрядов экспедиции должен был описать строго определенный участок арктического побережья: скажем, от Печоры до Оби, от Оби до Енисея, от Лены до Колымы и так далее. На каждой из великих сибирских рек в то время уже был какой-нибудь крупный город (Иртыш – Тобольск; Енисей – Енисейск; Лена – Якутск; Колыма – Нижнеколымск). В городе закладывалась верфь, на которой к прибы-

Русский корабль
в Северном
Ледовитом
океане.
Гравюра
из книги
С. Герберштейна
«Записки
о московских
делах».
Середина
XVI века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тию отряда обычно уже успевали закончить постройку пары экспедиционных судов. Кочи, боты, дубель-шлюпки были не больше каравелл Колумба, однако и они, как считалось, годятся для плавания по северным морям. Обычно отряд следовал вдоль береговой линии до следующего речного устья. Следующий отряд пробивал путь еще на несколько сот километров далее к востоку. Так из фрагментов складывались картинка и карта никому тогда не известной Арктики. Не было ни одного северного отряда, который бы выполнил свою задачу в один год, в одну навигацию. Однако не было и таких, которые не выполнили бы задание. Именно героев этого похода частью совсем замыты песком вечности, частью подзабыты. Но несколько имен звучат чаще других – имена тех участников, которые запечатлелись на географических картах. По этим следам мы и попытаемся рассказать об этом движении – с запада на восток, с юга на север, от одной зимовки к другой, от имени к имени.

Пролив Малыгина между островом Белый и материком в Карском море. Ледокол «Малыгин». Мыс Скуратова, крайняя северная точка Ямала.

Степан Малыгин и Алексей Скуратов – дальний потомок знаменитого Малюты – сменили на постах капитанов Степана Муравьева и Михаила Павлова, которые на кочах «Обь» и «Экспедицион» должны были пройти и картировать участок от Печоры до Оби.

В жизни каждого экспедиционного отряда есть своя драматургия. Скажем, драма Степана Муравьева, первоначально командующего Обским отрядом, заключалась в том, что он сразу повздорил со вторым капитаном, командиром коча «Обь» Михаилом Павловым. Они могли выполнить поставленную задачу (пройти из Печоры в Обь) уже летом 1735 года, но действовали недружно, в проливе Югорский Шар потеряли друг друга из вида и в дальнейшем, столкнувшись с

Якуты. 1809 год.
Рисовал
и гравировал
Е. Корнеев.
Офорт.
Раскраска
акварелью
авторская

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

морским льдом, повернули назад «из-за слишком позднего времени». Парадоксально, что, по показаниям казаков, посланных наблюдать за морем из Обдорска, именно в сентябре море совершенно очистилось ото льда, и, если б Муравьев и Павлов подождали буквально несколько дней, они бы легко прошли до Оби. Но удача от них отвернулась. Предстоящая зимовка еще больше накалила отношения капитанов, экипажи бузили, так что в результате Муравьев написал в Архангельск, что в одну навигацию пройти из Печоры в Обь невозможно. Хотя – и это было известно в Петербурге – поморы на своих «погибельных» судах проделывали этот путь неоднократно.

Адмиралтейств-коллегия решила заменить экипажи и капитанов. Муравьев и Павлов, писавшие друг на друга доносы, были отданы под суд и разжалованы в матросы. А экспедицию воз-

главил прибывший из Архангельска Степан Малыгин, один из образованнейших морских офицеров того времени.

В навигацию 1736 года ледовая обстановка в арктических морях повсеместно была очень тяжелой. Малыгин в 1736-м потерял коч «Экспедицион», посадив его на мель, «Обь» дала течь, так что пришлось встать на зимовку, не доходя Ямала, в устье Кары (отсюда название: Карское море). Но судьба была к Малыгину милостива: 6 июля 1737-го присланные из Архангельска новые боты, «Первый» и «Второй», вышли в море, а 23-го он был уже в проливе, который теперь носит его имя. 17 августа Малыгин вошел в Обскую губу и 3 октября прибыл в Березов. Отсюда с подробными картами и донесениями он поспешил в Петербург, передав командование судами младшим офицерам.

Пролив Овцына.

Капитан дубель-шлюпки «Тобол» (длина 20 метров, ширина 4,5 метра, осадка 2,1 метра) с командой в 50 человек Дмитрий Овцын был прекрасный морской офицер – честный, отважный, исполнительный, инициативный. Он не только досрочно выполнил предписанное задание – картировал побережье Карского моря от Оби до Енисея, – но еще и организовал экспедицию от Енисея на восток к Таймыру, что заданием не предусматривалось (тут, кстати, и пролив его

Фрагмент карты
Российской
империи
1786 года
с указанием
маршрута
экспедиции
лейтенанта
Овцына

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

имени). Однако ж по дороге из Енисейска в Петербург был он арестован и после следствия разжалован в матросы. С ним вышла история, которая, наверное, и случиться могла только в Сибири XVIII столетия. Она настолько хороша, что ее придется рассказать особо. Но мы уже упоминали фамилию Овцына: когда во время налетевшего шквала лейтенант и адъютант Беринга Овцын спас корабль, готовый разбиться о близкий и, как казалось, спасительный берег... Так вот этот лейтенант Овцын – тот самый и есть. Он попал в историю, в которой многие не сносили голов, и тем не менее закончил жизнь капитаном II ранга, считай – полковником, сплавал еще раз на Камчатку и доживал свой век в Петербурге вполне благополучно...

Мыс Прончищева и бухта Прончищевой на восточном берегу Таймыра.

Василий Прончищев был капитаном четвертого отряда, который описывал берега от Лены на запад. Именно этому отряду предстояло выполнить одно из самых сложных заданий – достигнуть крайней северной точки Евразии (77 градусов 43 минуты северной широты) и выяснить, можно ли в летние месяцы обогнуть ее морем, обычно одетым в ледяную броню.

Сам Прончищев происходил из небогатых дворян Калужской губернии, окончил Навигацкую школу в Москве и Морскую академию в Санкт-Петербурге. Служил в Астрахани, произведен в подштурманы, получил звание лейтенанта... С ним все ясно, биография типичная. Нетипичным было то, что в экспедицию столь суровую Василий Прончищев тайно взял с собой молодую жену, Татьяну. Они поженились незадолго до отправления, 20 мая 1733 года, провели медовый месяц в Москве, после чего была уж пора отправляться в Сибирь. Молодые супруги не смогли расстаться на срок неопределенно долгий (а отряд работал с 1735 по 1742 год) и отправились

Марка «Ледокол «Василий Прончищев»». 1978 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в путешествие вместе. Иногда Татьяну Прончищеву называют первой полярной исследовательницей. Это, конечно, не так. В ней мы впервые сталкиваемся с набросками сибирского любовного мифа, который подразумевает совершенную преданность в любви, неотторжимость от любимого, готовность ради него на любые жертвы... Вместе молодые супруги добрались до Якутска, который был центром экспедиции. Здесь для отряда была уже выстроена дубель-шлюпка «Якутск». В навигацию 1735-го отряд вышел из устья Лены, но из-за обнаружившейся течи дошел только до устья Оленька и здесь зазимовал, построив из плавника две избы. Попробуем представить, что пришлось пережить молодой супруге капитана. Устье Оленька находится 700 километрами севернее полярного круга, поэтому и летом температура там не часто поднимается выше 5–7 градусов по Цельсию. А путешественни-

кам предстояло здесь зимовать... 50 человек экипажа, среди которых была только одна женщина, должны были провести в этих избах несколько долгих месяцев ледяной полярной ночи... Вернее, почти год: лишь 9 августа следующего лета Прончищев смог выйти в море, освободившись наконец ото льда. Медленно пробираясь меж льдов на север, «Якутск» добрался до максимальной отметки: где-то 77 градусов 25 минут – 77 градусов 30 минут северной широты. Дальше были льды: «самые глухие... которым и конца видеть не могли...» Решено было возвращаться назад, на вторую зимовку в устье Оленька. Здесь, у кромки льдов, Василий Прончищев, спускаясь с корабля в шлюпку, сломал ногу. Сломал ногу и умер. Смерть, как установлено после сравнительно недавнего вскрытия могилы, наступила внезапно и мгновенно: кусочек жировой ткани попал в кровоток, образовался тромб. Умер капитан 29 августа 1736-го. Татьяна Прончищева умерла через две недели. Еще одна зимовка на Оленьке без мужа теряла смысл; вместе с тем она осознавала, что ради нее одной экспедиция не уклонится от инструкции, не отвернет от цели, и она поневоле так и останется пленницей страны мрака и холода. Она умерла от горя и тоски. Могила Василия и Татьяны Прончищевых сохранилась в устье Оленька.

Фрагмент карты Российской империи 1786 года с указанием маршрута экспедиции лейтенанта Прончищева

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Море Лаптевых.**Пролив Дмитрия Лаптева.**

Лаптевы были двоюродные братья, второго звали Харитон. Происходили из небогатых дворян Тульской губернии. Причем кто из них старший, установить не удалось: оба поступили в службу в один год, 1718-й. Харитон после смерти Прончищева возглавил экспедиционный отряд, работавший на Таймыре, к западу от устья Лены. Дмитрий – отряд, который двигался от Лены на восток. На первой же зимовке в бухте Тикси отряд Дмитрия Лаптева так истрепала цинга, что из трех картографов, которые со всем тщанием вычертили нижнее течение Лены при свете тускло копящего светильника, остался в живых только один – Василий Ртищев, который завершил карту и вписал в ее титул имена умерших товарищей...

Дмитрий Лаптев после окончания экспедиции дослужился до контр-адмирала, хотя скоро с почетом ушел в отставку...

А Харитон, судя по всему, особых чинов не стяжал, хотя ему на Таймыре после гибели Прончищева пришлось круто: судно оказывалось бессильно перед льдами Великого Севера. В конце концов Харитон устроил базу и зимовье на реке Хатанге в избушке, построенной из плавника. Видно, что это был нестигаемый человек. Светлую часть зимы и весну он использовал для санных экспедиций. Лето – для попыток пробиться на север морем. 13 августа 1740 года у кромки невзломанного льда «Якутск» был затерт льдами и через несколько дней затонул. Харитон Лаптев вывел экипаж к зимовью только в середине октября. На следующий год он оставил при себе только несколько человек, в том числе плотника, четырех солдат и штурмана Семена Челюскина. В 1742 году Челюскин с тремя солдатами и девятью нганасанами (коренная народность Таймыра) на трех собачьих упряжках должен был сделать съемку самой северной части полуострова. Поход свой Челюскин начал в феврале, следуя от одного промыслового

Фрагмент карты Российской империи 1786 года с указанием маршрута экспедиции Лаптева

зимовья до другого. Последнее, так называемое зимовье Скордина, самое северное в русской Арктике (76 градусов 37 минут северной широты), использовалось всеми таймырскими экспедициями XVIII–XIX веков. Здесь Челюскин отпустил сопровождавших его нганасан и двинулся вперед с двумя солдатами. Он так описывает северную оконечность Евразии: «Сей мыс каменный, приямый, высоты средней; около одного льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оный мыс Восточно-Северный». Здесь Челюскин и его солдаты из бревен, которые они тащили с собою несколько сот верст с Хатанги, соорудили геодезический знак. Работа отряда была завершена. А к мысу в конце концов приросло другое название – мыс Челюскин. В честь неотвратимого штурмана Семена Челюскина.

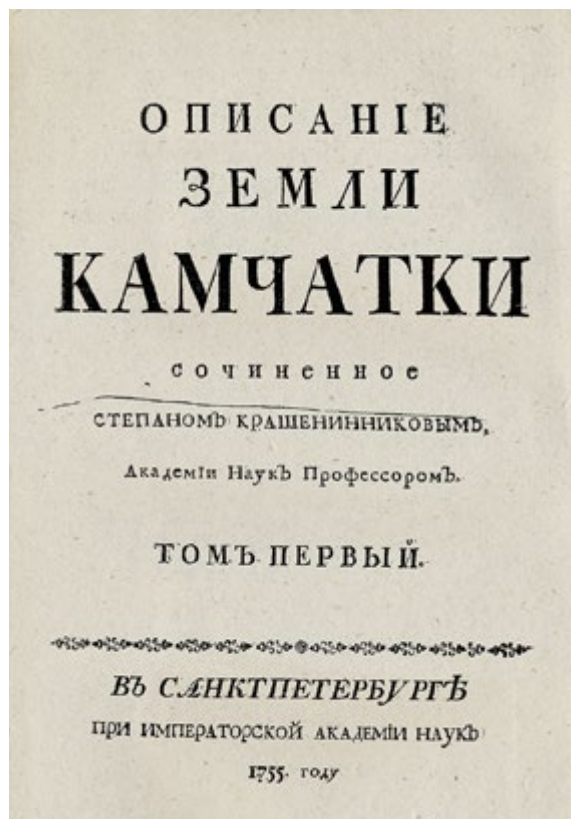
Езда на собачьих упряжках в Сибири. Гравюра 1748 года

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИИ

О них мы можем говорить лишь в самом общем смысле. Отрядами экспедиции впервые были положены на карту берега Северного Ледовитого океана – всего 13 тысяч километров береговой линии. Впервые выявлены очертания полуостровов Таймыр и Ямал, описаны участки нижнего и среднего течения всех рек от Печоры до Колымы. Многие изученные природные объекты повторно были обследованы только в XX веке. По результатам картирования составлена Генеральная карта берегов Северного Ледовитого океана. Отрядом Беринга и Чирикова в очередной раз «открыта» Америка, острова Алеутской гряды, Командорские острова. Отрядом Шпанберга описаны Курильские острова, найден остров Сахалин и морской путь в Японию. Состоялись первые контакты русских моряков с алеутами, эскимосами, айнами, японцами... Академический отряд выполнил колоссальную работу по изучению Сибири. Вероятно, главным гуманитарным вкладом в мировую науку стали работы Герхарда Фридриха Миллера: прежде всего четырехтомная «История Сибири»,

Титульный лист первой книги «Описания Сибирского царства» Г.-Ф. Миллера. Санкт-Петербург. 1750 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

изданная им на немецком языке. На русский, под названием «Описание Сибирского царства», в XVIII веке был переведен только один том. Новое переиздание было начато в 1937 году, но после выхода второго тома так и не было завершено. Вторым академическим «тузом» был Иоганн Георг Гмелин. В академии он читал химию и естественную историю. После экспедиции вернулся в Германию, где и издал свой основополагающий для европейского понимания Сибири труд: *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743* (4 тома с картами и рисунками до сих пор не переведены. – **Прим. авт.**). Немцы положительно не хотели делиться с Россией добытым знанием! И тогда столь же талантливо описать удивительную землю Камчатки пришлось вчерашнему экспедиционному студенту, будущему академику Степану Крашенинникову. В связи с его «Описанием земли Камчатки» вновь – и весьма неожиданно – возникает имя Пушкина. Тайна Пушкина.

Титульный лист книги «Описание земли Камчатки» С. Крашенинникова. Санкт-Петербург. 1755 год

Камчатская огнедышащая гора. Иллюстрация из книги «Описание земли Камчатки» С. Крашенинникова. Санкт-Петербург. 1755 год

ПУШКИН НА КАМЧАТКЕ

Пушкинские записки при чтении «Описания...» Крашенинникова, включенные как в академическое собрание его сочинений, так и в юбилейный десятитомник, наряду с «Материалами по истории Петра» и «Историей Пугачева» – повод для отдельного размышления. Собственно, «Записки» – не что иное, как выписки, конспект. В истории культуры Нового времени не так уж много конспектов, которые могли бы претендовать на самостоятельное значение. Как правило, если первоисточник не утерян, то конспект не обязателен. В то же время составители собраний сочинений Пушкина в отношении его «Записок» как будто стараются утверждать обратное... Конспект делался в конце черновика для поэта 1836 года. В ту пору Пушкин много пишет для «Современника», собирается написать и о покорении Камчатки на основании сочинения Крашенинникова, второе издание которого, 1786 года, было у него в библиотеке. Делает множество выписок, составляет набросок плана и пишет десяток строк, датированных 20 января 1837 года, стилистически еще слишком связанных с «Описанием...», – и на этом все заканчивается. То, ради чего составлялся конспект, не написано.

Выписки обрываются фразой «До царствования имп. Елисаветы Петровны не было и ста человек крещеных», которая кажется столь же случайной, как и самое намерение писать зачем-то о Камчатке.

Однако в 1836 году, а уж тем более в 1837-м, ничего «случайного» в жизни Пушкина уже не было; все, казавшееся случайным *извне*, было для него закономерно *изнутри*, и именно изнутри ситуация с «Записками» предстает в совершенно неожиданном ракурсе. Вместе с приложениями к «Истории Пугачева» и «Материалами по истории Петра» конспект книги Крашенинникова демонстрирует титаническое усилие, с которым поэт осваивал новое пространство для работы. Не обязательно при этом поэтической: скорее, за нею выступают очертания какой-то невиданной «Истории». Перед нами – расчищенный под пашню кусок леса, размерами которого определен только масштаб предстоящего труда. Он огромен. Может быть, несоизмерим даже жизни отдельного человека. Черновая работа так велика и трудоемка, что трудно даже представить – что должно получиться по завершении? Здесь очевидна трагедия – особенно нам, знающим, что смерть поджидает поэта в феврале 1837 года...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

При этом важно, что Пушкина интересует не Сибирская экспедиция и даже не Крашенинников. Его интересует сама камчатская «землица», ее бесстрашные и беспощадные покорители и всякие несказанные народцы, чьи имена в Петербурге если когда и слышали, то, конечно, не запомнили: коряки оленные и косухинские, чукчи, юагиры, ительмены, эвены и алеуты... Возможно, как историк с очень тонким чутьем, Пушкин пытается нащупать пульсации очень отдаленных в пространстве/времени и поэтому столь замечательных событий. Одновременно с этим и благодаря этому

история Камчатки предоставляет ему шанс для бегства – от безвыходной финансовой, личной и творческой ситуации, от «жалкого века»... Он затравлен невыносимой для него историей с Дантесом, ставшей достоянием всего Петербурга. Он дает честное слово императору не доводить дело до дуэли, но чувствует, что сдержать это слово не удастся. Собрав огромный материал к «Истории Петра», он понимает, что расчищенную им делянку не засеять и не дожидаться всходов – «Историю Петра» «не позволят напечатать» (сказано на вечере у Плетнева в январе 1837-го).

Русские северные суда. Гравюра из книги Н. Витсена «Путешествие в Московию. 1664–1665»

В книге Крашенинникова он нашел характеры необыкновенной силы, экзотические ландшафты, непривычное уху звучание далеких языков. Нелучайно как замороженный повторяет он местные топонимы: реки Авача, Уйкоаль (Камчатка), Амшигач, Шияхтау...

История Федота Кочевщика пленяет его как некоторые страшные, но необычайно яркие подробности Пугачевского восстания: «...Первый из русских, посетивших Камчатку, был Федот Алексеев; по его имени Никул-река называется Федотовщиною.

Он пошел из устья Ковымы Ледовитым морем в 7 кочах, занесен он был на реку Камчатку, где он и зимовал; на другое лето обошел он Курильскую Лопатку и на реке Тигиле убит от коряк.

Служилый Семен Дежнёв в отписке своей подтверждает сие с некоторыми изменениями: он показывает, что Федот, будучи разнесен с ним погодою, выброшен на берег в передний конец за реку Анадырь. В той отписке сказано, что... ходил он возле моря в поход и отбил у коряк якутку, бывшую любовницу Федота, которая сказывала, что Федот с одним служивым умер от цинги, что товарищи его побиты, а другие спаслись в лодки и уплыли неведомо куда...»

Отдаленными последствиями Великой Сибирской экспедиции, удостоверившей, что Северный морской путь непроходим (впервые в одну навигацию он был пройден в начале совсем иной технической эры – экспедицией О.Ю. Шмидта на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков» в 1932 году), стали поиски иных выходов империи к океану. В итоге были присоединены Приморье и Уссурийский край. Стремление форсировать события прямым выходом в Желтое море привело к основанию в 1898 году на Гуаньдунском полуострове в Китае крепости Порт-Артур.

Г. Адам и И. Гроз. Самоеды на ночном торгу в Обдорске. Цветная гравюра из альбома «Народы России» с рисунка Е. Корнеева. 1813 год

«ЖИЛИ ТАКОЙ ТЕСНОЙ, ДРУЖНОЙ ЖИЗНЬЮ»

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

О ТОМ, КАК ЖИЛИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА КУПЕЧЕСКИЕ СЕМЬИ, О ЧЕМ РАЗМЫШЛЯЛИ И МЕЧТАЛИ КУПЦЫ И КАК ОНИ ВОСПИТЫВАЛИ СВОИХ ДЕТЕЙ, МОГУТ РАССКАЗАТЬ ИХ СОХРАНИВШИЕСЯ ПИСЬМА – БЕСЦЕННЫЙ МАТЕРИАЛ, ПОМОГАЮЩИЙ ПОНЯТЬ РОССИЮ И РОССИЯН ТОГО ВРЕМЕНИ...

КРУПНЫЙ МОСКОВСКИЙ текстильный фабрикант Сергей Иванович Четвериков, находясь в 1923 году в эмиграции в Швейцарии, писал племяннику Сергею в Москву: «Твое письмо 12 сентября я сегодня получил. Оторванный почти от всего того, чем я жил и что было мне дорого, я не могу не дорожить теми связями, которые еще остались со старой жизнью. Твою просьбу написать мои воспоминания <...> исполню с радостью. Кашинцево и Тимофеевка (усадьбы семейств двух братьев Четвериковых. – Прим. авт.) жили такой тесной, дружной жизнью, что мысленно пережить все это будет ценно и для меня. <...> Недавно, просматривая диапозитивы сибирских

снимков в стереоскопе, смотрел и на группу, снятую за чаем на пароходе «Россия». На ней удачный твой портрет. Вспоминал, как ты где-то в дороге умудрился съесть 300 пельменей. Когда так, в одиночестве, сидишь и перебираешь свою прежнюю жизнь, точно ее кто другой прожил. Все же, ежели пришлось ее прожить еще раз, не пожелал бы прожить ее иначе». Это и другие письма, сохранившиеся в уникальном семейном архиве Четвериковых–Алексеевых, внучатая племянница Сергея Ивановича и внука известной благотворительницы А.А. Четвериковой, урожденной Алексеевой (о которой далее пойдет наш рассказ), доцент химического факультета МГУ имени Ломоносова Наталья Алек-

сандровна Добрынина, любезно предоставила историкам.

История семейных взаимоотношений Алексеевых и Четвериковых, отраженная в письмах, началась в 1870-е годы и длилась сорок лет. Две сестры Алексеевых – Александра и Мария – вышли замуж за двух братьев Четвериковых – Сергея и Дмитрия. Алексеевы еще с 1820-х годов входили в элиту московского купечества, будучи владельцами трех суконных фабрик и крупнейшего золотоканительного предприятия в России, основанного в 1785 году. Четвериковы имели суконную фабрику, существовавшую с 1830 года в 20 километрах от Москвы. Переписка позволяет реконструировать картину семейных взаимоотношений, и прежде всего взгляды на ведение семейного бизнеса, на воспитание и образование детей, на место женщины в семье.

ВО ГЛАВЕ БОЛЬШОГО СЕМЕЙСТВА

Сергей Иванович Четвериков родился в 1850 году. Он, старший брат в семье, был литературно одаренным человеком, из-под его пера вышли не только мемуары «Безвозвратно ушедшая Россия. Несколько страниц из книги моей жизни», изданные в Берлине в конце 1920-х годов, но также и статьи по вопросам предпринимательства, беллетристические произведения.

Судьба не баловала Сергея Четверикова. Ему исполнился всего 21 год, когда его отец внезапно скончался. За три года до этого юноша окончил гимназию, после чего прошел практику в представительстве семейной фирмы в Петербурге и ведущем европейском текстильном центре Брюнн в Австрии (сейчас Брно в Чехии). После смерти

Сергей Иванович Четвериков с женой, дочерью и внуком в эмиграции в Швейцарии. Шутливая надпись на обороте снимка: «Святое семейство»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Александровна
Алексеева, в замужестве
Четверикова

Сергей
Иванович
Четвериков.
1890-е годы

отца Четверикову пришлось возглавить фабрику в селе Городищи Богородского уезда Московской губернии. Когда молодой человек стал входить в курс дела, то оказалось, что «касса была совершенно пуста», а «дело стоит на краю гибели», как писал Четвериков в воспоминаниях.

Что было делать? Продавать фабрику или пытаться продержаться? Был выбран второй путь. Помогли родственники – крупные московские коммерсанты Протопоповы и Алексеевы. Было создано паевое товарищество с основным капиталом в 650 тысяч рублей, из которых 260 тысяч рублей (из денег, данных взаймы) формально принадлежали Четверикову. Сергей Иванович трудился не покладая рук и в итоге превратил фабрику в одно из наиболее доходных предприятий шерстяной промышленности. Спустя тридцать лет после смерти отца, уже став известным промышленником, Сергей Четвериков дал объявление в московских газетах, что желает выплатить долги по фабрике тем кредиторам своего отца, кто представит векселя и которых он мог не знать. Понадобилось 36 лет, чтобы он рассчитался со всеми, кого смог разыскать. Этот поступок стал эталоном российской купеческой честности.

БРАК ЖЕЛАННЫЙ, НО НЕРАВНЫЙ ПО КАПИТАЛАМ

Своеобразным центром притяжения в этой семье была Александра Александровна Алексеева, в замужестве Четверикова. Александра, получившая домашнее воспитание, была образованной женщиной: знала четыре языка – немецкий, английский, французский, итальянский, писала стихи, играла на рояле. Выйдя замуж, родила восемь детей и посвятила себя семье и благотворительной деятельности.

История выхода замуж Александры Алексеевой за Дмитрия Четверикова была непростая. В начале 1880-х годов дела на Городищенской суконной мануфактуре, в управлении делами которой Дмитрий принимал участие вместе со своим старшим братом, Сергеем, шли не блестяще.

Семья Дмитрия
Ивановича
Четверикова
на веранде
усадебного дома
в Тимофеевке.
1909 год

К тому же, в отличие от Сергея, Дмитрий не обладал необходимой деловой хваткой. Выпускник юридического факультета Московского университета, он был человеком добрым и мечтательным, не имел предпринимательских амбиций. Предпочитал барский образ жизни, охоту и прием гостей.

Это беспокоило родственников 20-летней Александры и 25-летнего Дмитрия. Брат Александры, Николай Александрович Алексеев, крупный промышленник, московский городской голова в 1885–1893 годах, и брат Дмитрия, Сергей Иванович Четвериков, вступили в переписку, обсуждая целесообразность предстоящего брака.

Обе стороны вначале были резко против этого союза. Во-первых, по религиозным соображениям: браки двух братьев с двумя сестрами не одобрялись православием. Вторым же, и главным, барьером для брака было слабоволие и малая работоспособность Дмитрия. Этих отрицательных черт Сергей Иванович Четвериков не мог скрывать от невесты и ее родственников, понимая, что рано или поздно характер его брата осложнит семейную жизнь.

В феврале 1884 года 33-летний Сергей Иванович, к тому времени уже девять лет женатый на Марии Алексеевой, написал откровенное письмо 20-летней Александре Алексеевой. Это письмо раскрывает причины беспокойства, которое мучило Сергея Ивановича: «Брат с ужасом все более и более сознает, сколько им упущено времени для создания из себя вполне делового человека, способного во всех случаях жизни своим трудом и знанием прокормить себя и семью; добиться этого – его несокрушимое намерение <...>. В этих видах он намеревается <...> ехать за границу на год в ткацкую школу и затем, сколько увидит необходимым, поработать на зарубежных фабриках». Но не только слабые деловые качества Дмитрия являлись препятствием. Влюбленный в Александру Дмитрий сознавал, что он

не ровня ей по капиталам. Семья Алексеевых принадлежала к элите купечества с конца XVIII века, а Четвериковы едва выбрались из состояния, близкого к банкротству, хотя и принадлежали к старомосковскому купечеству.

В период сватовства Сергей Иванович передает в письме Александре мысли Дмитрия: «Навсегда заточить в деревню (Четвериковы большую часть года жили в усадьбе Тимофеевка рядом с фабрикой. – Прим. авт.) девушку с таким состоянием, как ты, и, следовательно, с такими правами на пользование жизнью, без каких-либо видов дать жизнь другую, – он считал бы со своей стороны совершенным безумием. За мысль же – пользуясь твоим состоянием попробовать создать себе в Москве самостоятельное положение – мне первый раз в жизни пришлось <...> действительно покраснеть перед братом – настолько горячо отверг он подобную мысль».

Сергей Иванович открыто пишет свояченице о своих переживаниях: «Саня, ты знаешь, что это будет полная правда, ежели я скажу, что не помню, когда бы находился в таком состоянии, как теперь; любя тебя, как мы с Машей (женой Сергея Четверикова и сестрой Сани. – Прим. авт.) любим тебя, зная, какие горькие минуты ты теперь переживаешь – невыразимо больно». По этому письму видно, как буквально за несколько десятилетий изменились отношения в купеческой среде. Теперь браки стали совершаться по любви. Завторническое положение девушек осталось в прошлом, теперь они часто общаются со сверстниками своего круга на дружеских вечерах, в совместных любительских спектаклях, прогулках во время дачного отдыха.

Впрочем, через месяц в следующем письме к Сане Сергей Четвериков прямо пишет, что в деле взаимоотношений между влюбленными «посредничество третьего лица становится неуместным» и все вопросы «должны быть выяснены лично между Вами».

Общий вид
Городищенской
суконной
фабрики

БРАК СЧАСТЛИВЫЙ, НО НЕ БЕЗОБЛАЧНЫЙ

Несмотря на сомнения, Александра и Дмитрий поженились, и в 1886–1902 годах у них родилось восемь детей. Брак оказался счастливым, но не безоблачным. На плечи Александры Четвериковой легло много забот: от обращения с личными паями в семейной фирме «Владимир Алексеев» до ведения усадебного хозяйства и воспитания детей. Сергей Иванович Четвериков – человек творческий, решительный и прекрасный руководитель семейного бизнеса – стал на долгие годы ее близким другом и советчиком в серьезных делах. Те проблемы, о которых Сергей Четвериков сообщал Александре в своем письме в период сватовства в 1884 году – славолюбие и безответственность брата Дмитрия, – вновь стали важной темой их переписки пятнадцать лет спустя. После смерти отца братья Четвериковы как владельцы фабрики имели огромный долг в 200 тысяч рублей. Сергей прила-

гал большие усилия, чтобы не закрыть фабрику и расплатиться с долгами. Дмитрий был поставлен братом во главе ткацкого отдела, то есть являлся одним из директоров фабрики. Однако он не проявлял особого рвения в работе, а предпочитал принимать гостей и наслаждаться охотой и даже стал одним из деятельнейших членов Московского общества охоты имени Александра II. Все это весьма тревожило его жену, о чем она и сообщила в письме к деверю, Сергею Четверикову.

Сергей отвечал начистоту, приводя слова общего знакомого, который сказал о Дмитрии: «Можно глубоко, страстно полюбить Дмитрия Ивановича за его душу. Настолько глубоко, насколько вообще один человек может полюбить другого, но под одним условием – не приходиться с ним в деловые соприкосновения». Сергей не оправдывал брата, а писал Александре о том, что, руководя семейным бизнесом, сам разочаровался в способности Дмитрия работать на фабрике: «Вся суть заключается единственно в том, что брат не понимает ответственной работы. Это, ежели можно так выразиться, отчаянный дилетант. Между тем тот пост, который он занимает, является столь существенной частью фабричного механизма, что беспечность и безалаберность, которые являются характернейшими особенностями деятельности брата, не могут быть терпимы ни в каком деле, где существует хоть какая-нибудь забота о завтрашнем дне».

Так возникло идейное противостояние братьев, которые любили друг друга, но не находили общего языка в семейном бизнесе. Сергей Иванович трудился, чтобы укрепить семейную фабрику и превратить ее из убыточного предприятия в прибыльное. Дмитрий же работал по минимуму, предпочитая жуировать на балах и в путешествиях. В конце концов Сергей Иванович решил отстранить Дмитрия от руководства ткацким отделом. Узнав об этом, Дмитрий обозлился и в

Дмитрий
Иванович
Четвериков
(1858–1910),
директор
Товарищества
Городищенской
суконной
фабрики
Четверикова,
член
Московского
общества
охоты имени
Александра II.
Усадьба
Тимофеевка
Богородского
уезда. Ноябрь
1901 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

письме к брату заявил, что его «топчут в грязь» и «бьют лежащим» и что он вообще уйдет с фабрики и будет искать себе «место 50-рублевого служащего в Москве».

Сергей Четвериков объяснил Александре причины своего жесткого решения: «Скажу тебе <...>, что не знаю, как ты, но брату, видимо, не приходит в голову, насколько велика его вина перед делом и передо мною. Ежели переживает он теперь тяжелые минуты, – то он имеет за собою 27 лет почти сплошного праздника жизни». Одновременно Сергей Иванович стремился предотвратить обиду Александры на удаление ее мужа от дел: «Против меня теперь как бы обращается то, что имело исходным пунктом исключительно мою преданную любовь к тебе – это, что мы все всячески старались прятать от тебя эти невозможные отношения в деле. <...> Как мне ни дороги отношения к твоей семье и, в особенности, к тебе, но есть и обязанности к своей семье, своему имени и своему делу. Ежели устранение брата от заведования ткацкими работами является необходимостью, то поверь, что необходимость эта признана не без долгой, мучительной борьбы».

Он писал, что не убирает Дмитрия с фабрики насовсем, а оставляет за ним два отдела: отдел проборки и чистки шерсти и отдел регламентации заработков – «вся административная работа, ткацкая калькуляция и тому подобные работы, которые, конечно, не столь важны, как заведование ткацкими работами, но которые, несомненно, могут служить поприщем для восстановления к себе доверия». В этом письме содержится фраза, в которой Сергей Иванович сформулировал свой профессиональный кодекс: «Не существует иного хода в создании себе положения в деле, как тот, что, исполняя старательно и вдумчиво поручаемое дело – вселяешь доверие к своему труду, рамки которого тем самым постоянно раздвигаются».

Несмотря на нерадивость на фабрике, Дмитрий Четвериков был активным общественным деятелем

местного уровня. Он с большим рвением участвовал в деятельности уездного земства и много лет состоял членом школьной комиссии, организовал ремесленное училище при фабрике и вместе с женой Сергея Марией попечительствовал над сельской школой – об этом свидетельствует их переписка 1904 года.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И ЩЕДРОСТЬ БОГАЧЕЙ

Александре Четвериковой в такой ситуации приходилось без финансовой помощи мужа решать хозяйственные проблемы в семье и планировать семейный бюджет. Когда она выходила замуж, то получила от родителей хорошее приданое. Однако скромные доходы мужа с годами приучили ее к предельно бережливому ведению хозяйства. Четвериковы имели все, что надлежало иметь людям их круга, – с 1911 года в письмах упоминается даже личный автомобиль. Но привычки швыряться деньгами у них не было. К примеру, Александра Александровна в письме просила дочь Аню привезти ей из Италии «пузыречек» любимых французских духов «Цикламен» фирмы «Коти», которые в Москве стоили 9 рублей 75 копеек, то есть на 2 рубля 75 копеек дороже, чем в Европе.

Единственное, на чем она не экономила деньги, была благотворительность – Александра Четверикова построила школу в селе, где была их усадьба. За содействие больницам Четверикова пользовалась большим уважением среди московской обществен-

Групповая фотография участников закладки туберкулезного санатория в Сокольниках Н.Д. Четвериковой. В первом ряду А.А. Четверикова, ее дети, С.И. Четвериков, справа А.Н. Алексин, главный врач больницы. Сидит – Наталья Дмитриевна Четверикова

ности, особенно среди врачей, и была избрана товарищем председателя Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом.

Когда выяснилось, что ее младшей дочери, Наташе, доктора поставили диагноз «костный туберкулез», то Александра Александровна не опустила руки. Болезнь эта, при которой деформировались пораженные суставы и наступала прогрессирующая мышечная атрофия, в эпоху, когда не были еще открыты антибиотики, была неизлечимой и поражала главным образом в детском возрасте. После перенесенного в 5-летнем возрасте инфекционного заболевания ноги Наташи были фактически парализованы. Мать возила дочь к медицинским светилам в Германию, Австрию, Италию, однако приговор врачей был неутешительным: излечение невозможно. Александра Александровна и семеро ее старших детей решили, что надо придумать для Наташи дело, занимаясь которым, даже в инвалидном кресле она смогла бы, когда вырастет, чувствовать себя нужной людям. На семейном совете было решено устроить лечебницу-санаторий и готовить Наташу к руководству этим заведением в качестве попечительницы.

До открытия этой лечебницы Александра Александровна не дожила. Перенесла несколько хирургических операций, она скончалась в 1912 году, не дожив трех дней до своего 49-летия. 150 тысяч рублей были завещаны ею городу Москве на создание санатория для хроников, оснащенного по последнему слову техники, а город выделил лесистый участок в Сокольниках. Больница-санаторий в Сокольниках была открыта 3 марта 1913 года. Эта лечебница существует до сих пор – сейчас это Московская детская ортопедо-хирургическая больница. Здесь чтут основательницу заведения – всех входящих в актовый зал встречает приветливый взгляд больших серых глаз Александры Александровны, смотрящей с портрета, подаренного больнице потомками благотворительницы.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДУША СЕМЬИ И ОБЩЕСТВА

Александра Александровна Четверикова была притягательной личностью для многих знакомых и родственников. Переписка отразила ее культурную и тонко чувствующую натуру. Сохранилось одно из писем к ней ее двоюродного брата, знаменитого театрального реформатора Константина Сергеевича Станиславского (Алексеева), написанное в 1902 году. Он писал: «Милая Саня! Ты написала мне такое чудесное письмо, что я хочу ответить на него сейчас же, несмотря на то, что вернулся с утомительной репетиции в 2 часа ночи.

Люди удаляются друг от друга, живут целую жизнь рядом, не зная, что у кого происходит в душе, проходят мимо погибающего или бессознательно топят друг друга – потому что им некогда. Добро живет в душе, и чувство есть, а проявить его не хватает времени. Должно быть, и мы удалились друг от друга, потому что нам было некогда.

Всю жизнь я ездил на какие-то заседания, обсуждал вопросы, в которых ничего не понимал. Торопился делать визиты тем людям, с которыми у меня не было ничего общего. Мне говорили, что это надо, – и я повиновался. Когда я понял, что эти люди и заседания мне не нужны – я уже состарился и растерял тех людей, которые мне нужны или которым я мог бы быть нужен. Я думаю, что это история нашего родства и знакомства. Буду надеяться, что теперь, когда мне действительно некогда, когда я работаю в том деле, которое люблю и которое должен делать – я найду время, чтоб видиться с вами чаще». В письме Станиславский делится с сестрой ощущением бессмысленности своей работы в семейной фирме и радостью от театральной деятельности. Вместе с письмом он прислал Александре контрамарки и обещал для прочтения экземпляр пьесы «На дне», напоминая: «Не задерживай его долго, так как у нас начинаются репетиции».

Эпистолярии позволяют очертить круг общения Александры Четвериковой. Из писем к ней жены и дочери писателя Льва Толстого – Софьи Андреевны и Александры – следует, что Толстые и Четвериковы нанесли друг другу визиты в Москве, вместе совершали прогулки, обменивались книгами для чтения.

ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ «ОБО ВСЕМ»

Четвериковым посчастливилось установить, как видно из переписки, доверительные отношения с детьми.

Особенно интенсивным было эпистолярное общение Дмитрия и Александры Четвериковых со старшей дочерью, Аней. Переписка родителей с дочерью демонстрирует, что стиль взаимоотношений строился на стремлении понять «жизнь души» своих детей, найти общие принципы, на которых бы строилось отношение к окружающей жизни.

В апреле 1905 года Александра пишет 14-летней дочери в Москву из Крыма: «Ты спрашиваешь, почему у нас с тобой «такие странные отношения»? Мне кажется, что они вовсе не странные, а самые правильные уже по одному тому судя, что ты сама обращаешься ко мне теперь, когда у тебя являются новые запросы к жизни, в которой ты, конечно, не можешь разбираться самостоятельно. Тебе

было легче говорить «обо всем» со своими сверстницами, потому что они сами переживают то, что ты переживаешь, а я уже давно пережила и на многое смотрю с другой точки зрения, как человек смотрит с горы на то, что под горою. Но понять я тебя могу все-таки вполне, несмотря на нашу разницу возрастов я могу дать тебе объяснение во многом». Далее Александра Четверикова вспоминает о своей юности, когда в купеческих семьях не было стремления к душевной близости, а чаще царил отчужденность между родителями и детьми: «Я сама росла одна, помню, как мне тяжело было разбираться одной во всем, но я не могла обратиться к Бабушке (матери Александры Четвериковой – Елизавете Алексеевой. – Прим. авт.). С нею мы действительно «были в странных отношениях», а с тобою – нет».

Александра объясняла дочери причину того, почему не вела с нею разговоров о жизни: «Если я не затрагивала всяких серьезных вопросов в разговоре с тобой, то только потому, что не знала, насколько твоя душа подготовлена к ним, но была уверена, что ты сама придешь ко мне и спросишь или выразишь то, что у тебя не выяснено в тебе самой. Иначе и быть не могло». Как кульминация в письме звучит основной принцип, по которому строила свою жизнь Александра Четверикова: «Неужели я бы даром, зря, положила всю свою душу в своих детей, чтоб стать им чуждой тогда именно, когда я им больше всего нужна?»

Она посвящает дочь в стиль своих доверительных взаимоотношений с мужем, Дмитрием Четвериковым: «И знай еще, Анёк мой, что у меня никогда не было и не будет ничего скрытого от Папы, и что ту полную откровенность, которую ты даришь мне, ты должна дарить и Папе. Вообще, ты окружена людьми, которые и любят тебя, и поймут, и всегда помогут тебе добрым советом».

Дочери
Четвериковых
Аня, Таня и Катя
на прогулке
во время
отдыха в Крыму.
1904 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МАТЕРИНСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ

Летом 1910 года 20-летняя Аня вышла замуж за Константина Ценкера, представителя богатой предпринимательской семьи московских немцев. После свадьбы молодые уехали вначале в Великий Устюг Вологодской губернии, где жених получил работу юриста, а затем в свадебное путешествие в Италию. В этот период переписка матери и дочери проходила довольно интенсивно.

Александра Александровна отдыхала в Крыму с младшими детьми, но ее связь с дочерью не прерывалась. В письмах они обсуждали все вопросы будущей супружеской жизни Ани. Высказывая свои воззрения на роль жены в семье, Александра Александровна продемонстрировала свое критическое отношение к пустому времяпрепровождению буржуазного круга, к которому сама принадлежала: «Мое личное материнское чувство и желание иметь тебя и твою семью вблизи себя все-таки уступает место другому, более разумному: я очень радовалась, что твоя жизнь складывается серьезно и содержательно, хотя и с лишениями (трудности жизни в маленьком городе северной губернии. – Прим. авт.), в виду необходимости жить далеко от той среды, которая тебя бы сразу засосала в Москве».

Настрадавшись от привычек своего мужа Дмитрия, предпочитавшего увеселения, Александра Четверикова предостерегала дочь от буржуазной светской жизни, именуя ее прямо «оумом», который засасывает людей, отвлекая их от позитивной жизненной деятельности: «Ведь в сущности круг очень пустой и буржуазный, все вертится вокруг сплетен, туалетов, флиртов и увеселений, за которыми настоящая жизнь вся остается далеко позади. Семья, в которую тебе выпало счастье войти, составляет редкое исключение. Надо быть человеком с сильным характером, чтобы совместить в себе светскую женщину с хорошей семьянишкой. Мне было страшно за тебя (и я радовалась, что сама судьба тебя вырвала

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

из таких условий, где из тебя вышла бы *une mondaine*. – «Светская женщина». – Прим. авт.). А теперь она толкает тебя обратно в омут. Сумеешь ли ты устоять, удержать правильный взгляд на жизнь? Не обижайся на мои слова, ведь недаром я прожила 48 лет – насмотрелась на многое, и знаю, что даже при самых лучших задатках и стремлениях <...> очень легко свихнуться с настоящего и единственного пути (подчеркнуто А.А. Четвериковой. – Прим. авт.): жить не столько для себя, для удовольствия, а для других».

В письме Александра Четверикова приводит пример своей знакомой по отдыху в Крыму: «Мария Григорьевна... Вот, между прочим, наглядный пример «светской женщины» <...> На днях получила телеграмму от мужа, уехавшего три недели тому назад со старшими детьми: «Умоляю, весточки». Она ему ни разу не написала!! Что человек пережил и выстрадал за это время, пока она здесь флиртывала то с тем, то с другим – ей недоступно!» Приводя этот пример, Александра Четверикова демонстрирует свое негативное отношение к легкомысленному поведению замужней женщины.

В письмах Александра Александровна описывает дочери события, происходившие в семье и у знакомых. Она живо реагирует на итальянские впечатления Ани: «Сколько интересного, захватывающего [вы] увидите! Я всю жизнь мечтаю об Италии, но несмотря на то, что пришлось жить там око-

Венчание
А.Д. Четвериковой
и К.А. Ценкера.
Большевская
церковь. 1910 год

ло 2 месяцев (для лечения младшей больной дочери. – Прим. авт.), я не имела возможности ничего посмотреть! Кажется, вся римская история встанет перед глазами, перенесешься за 2500 лет в этот особенный мир, полный больших людей, героев, и как-то жутко и странно должно быть ступать на те места, где они стояли, ходили, жили, страдали и умирали... Наслаждайтесь, пользуйтесь всем, чем можно». Аня следовала материнским советам и стремилась увидеть во время свадебного путешествия как можно больше римских древностей. В свою очередь, она писала брату Дмитрию из Рима: «В данное время в поте лица своего осматриваем город и отчаиваемся перед тем количеством достопримечательностей, которые еще перед нами. Осмотр – настоящая работа. Пока видели Forum Romanum Trajanum и Augustum. Пришли к печальному заключению, как мало знали и как много забыли». Александра Четверикова постепенно вводила дочь Аню в самостоятельное распоряжение своим приданым, находившимся на банковских счетах Алексеевых и Четвериковых. Она давала дочери советы, как переложить эти деньги на собственный счет и когда можно брать дивиденд. Мать делала это тактично, апеллируя к благоразумию дочери: «Что ты аккуратна – не сомневаюсь, но что тебе без подготовки все это будет даваться труднее, чем если б ты раньше приобрела опыт – вот что я думала и думаю. По себе это знаю, и хотелось, чтоб твой путь шел глаже!»

Дошедшая до нас переписка Четвериковых показывает, что на рубеже XIX–XX веков в российском обществе возникла фигура образованного купца. Важное место в мироощущении таких людей занимали вопросы о кодексе чести и морали предпринимателя, о супружеской гармонии, о взаимопонимании родителей и детей. ❀

* Автор – доктор исторических наук.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

КЛЮЧИ СЧАСТЬЯ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

«ВЕСЕЛОСТЬ НАС НИКОГДА НЕ ПОКИДАЛА» – ТАК ЗОЩЕНКО НАЧАЛ СВОЮ «ГОЛУБУЮ КНИГУ». НО ВЕСЕЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ ОН НИКОГДА НЕ БЫЛ – ОН БЫЛ МРАЧНЫМ МЕЛАНХОЛИКОМ, ПОСТОЯННО ИСКАВШИМ СПОСОБЫ СПРАВИТЬСЯ СО СВОЕЙ ТЯЖЕЛОЙ ТОСКОЙ. И ЖИЗНЬ, ПРОЖИТАЯ МАСТЕРОМ СМЕХА, ОКАЗАЛАСЬ НЕ ЗАДОРНОЙ КОМЕДИЕЙ, А ВЫСОКОЙ ТРАГЕДИЕЙ.

МИША БЫЛ ТРЕТЬИМ из восьмерых детей в семье художника-передвижника Михаила Ивановича Зощенко. Сохранилось несколько живописных работ отца, в основном сцен из крестьянской жизни, и его большие мозаики, в том числе две на фасаде Музея Суворова; Зощенко вспоминал, что на одной из них он сам сделал нижнюю веточку на елочке в нижнем углу. Ему было тогда 10 лет.

Родители были из дворян. Фамилия Зощенко произошла от слова «зодчий» – один из предков писателя был архитектором. Мать, Елена Осиповна, играла в любительском театре, писала рассказы из жизни бедняков, которые печатались в газете «Копейка». Родители жили не очень дружно. Детская память будущего писателя сохранила семейные ссоры, материнские слезы и частые обмороки. Отец некоторое время жил отдельно от семьи, в мастерской. Миша рос тихим, нервным, погруженным в себя, но очень самолюбивым ребенком. Он вспоминал, как однажды в гимназии учитель, вызывая его, глумливо, визгливым тоном произнес его фамилию, и все ученики стали тоже кривляться и глумиться; мальчик после урока подошел к учителю и сказал, что плюнет в него, если тот еще раз так сделает. В автобиографической повести «Перед восходом солнца» есть ужасная история под названием «Пытка», о том, как юный Зощенко попытался покончить с собой – «скорей от бешенства, чем от отчаяния». Он проглотил кристалл сулемы, когда учитель поставил ему единицу за сочинение о тургеневских героях и приписал «чепуха». А сама «пытка» – это промывание желудка, которое за тем последовало.

Учился мальчик не особенно хорошо – пятерок не получал даже по тем предметам, которые знал и любил. Сочинять рассказы начал еще в гимназии, и, может быть, поэто-

Волостной суд. Самая известная картина художника М.И. Зощенко. Была приобретена у автора П.М. Третьяковым в 1888 году

му учительская оценка его так взбесила. Стихи он начал писать в 7 или 8 лет, а первый рассказ, «Пальто», написал в 1907 году, когда ему было 12. В цикле детских рассказов «Леся и Минька», в главных героях которого угадываются маленький Миша и его старшая сестра, Елена, изображено обычное детство интеллигентского ребенка – с любящей мамой, умным и справедливым папой, с бабушкой, няней, да-

чей, играми, елкой на Рождество. И горести Миньки – обычные детские горести: то единица, то ссора с сестрой, то от родителей попало... Безмятежное детство кончилось, когда на глазах у 12-летнего Миши скоропостижно умер отец – как тогда говорили, от разрыва сердца. Семья осталась почти без средств к существованию. Еще одно мрачное детское воспоминание: как мать с Мишей идут к заведующему мозаичной мастерской, профессору Академии художеств Павлу Чистякову, просить о пенсии за умершего мужа, а тот еле удостоивает их вниманием.

Миша Зощенко, гимназист. 1911 год

ЧЕХАРДА

В 1913 году Михаил окончил гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Учился он без особого интереса. Весной поехал работать контролером на железной дороге Кисловодск – Минеральные Воды, чтобы подзаработать денег. Но осенью все равно был исключен из университета за неуплату. Сохранились два его рассказа этого времени, слегка похожие на будущие зощенковские тексты своей лаконичностью и короткой строкой...

...Шла Первая мировая. Может быть, повинувшись общему патриотическому порыву, а может быть, видя в этом понятный и даже героический выход из сложной жизненной ситуации, он решил отправиться добровольцем на фронт. Окончил четырехмесячные ускоренные офицерские курсы, получил звание прапорщика и попал в 16-й грендерский Мингрельский полк Кавказской дивизии. Сначала был начальником пулеметной команды,

Михаил Иванович Зощенко (1857–1907), художник, мозаичист, отец писателя

Елена Осиповна Зощенко, урожденная Сурина, мать писателя

потом стал командиром роты, затем получил звание поручика. О своем военном опыте Зощенко писал в той же повести «Перед восходом солнца» – в блистательных лаконичных новеллах. Одно из худших испытаний той войны – газовая атака немцев под Сморгонью. Зощенко, перед тем как надеть противогаз, крикнул своим солдатам, чтобы они надели маски, и тем самым спас их, но сам успел вдохнуть ядовитого газа. После этого он два месяца лежал в госпитале, а потом всю жизнь страдал от сердечных приступов.

В Петрограде у Зощенко осталась любимая девушка Надя – может быть, самая большая любовь за всю его жизнь. Надя написала ему, что выходит замуж. Он взял отпуск и весной 1916 года приехал в Петроград. Надя плакала, клялась в любви, сомневалась: ведь жених подарил ей имение в Смоленской губернии. Зощенко на другой день написал ей, что его вызывают на фронт, и уехал. Надя вышла замуж и вместе с мужем уехала из России после революции; Зощенко помогал ее сестре, оставшейся на родине со стариком-отцом. А много лет спустя, во время Второй мировой, немолодой, давно женатый, переживший множество увлечений Зощенко написал просто и коротко: «Я ее очень любил. И эта любовь не прошла до сих пор».

Он дослужился до штабс-капитана. У него уже было пять орденов, один из которых он не успел получить: помешали демобилизация и революция; по той же причине он не успел стать капитаном, хотя был представлен к повышению. В феврале 1917 года его отправили в госпиталь – он чувствовал себя совсем плохо, болело сердце, – а затем демобилизовали.

Началась Февральская революция. Зощенко некоторое время был комендантом почт и телеграфа в Петрограде. Тогда же, революционной вес-

Прапорщик
Михаил
Зощенко.
Август 1915 года

ной, он увлекся хорошенькой женщиной по имени Вера Керблиц. Обычная молодая дама Серебряного века грезилась об идеальном возлюбленном с поэтической душой, и, вероятно, печальный и красивый офицер Зощенко ее очаровал. В ней было много пошлости и эгоцентричности, вообще свойственных этому времени; в одной из своих дневниковых записей уже советского периода она даже называет

Вера
Владимировна
Кербиц-
Кербицкая, жена
М. Зощенко.
1927 год

себя «изломанной интеллигенткой». Но, вероятно, было в ней тогда и очарование, и отзывчивость, и умение слушать: Зощенко слал ей письма и свои рассказы, хотя летом 1917 года они виделись через день. А когда Вера Владимировна спросила его однажды, что для него самое главное (ожидая ответа «вы»), он очень серьезно ответил ей: «Конечно же, моя литература».

В сентябре 1917 года его отправили в командировку в Архангельск. Там, пишет биограф Зощенко Бернгард Рубен, он «был адъютантом местной дружины и секретарем полкового суда». Там же в него влюбилась некая француженка, которая хотела увезти его в Париж и даже достала для него паспорт иностранного подданного. Зощенко отказался. Тем не менее положение его было странным: из вчерашнего фронтовика-героя он превратился в царского офицера, золотопогонника; власти, которая командировала его на Север, больше не было, в конце концов не стало и работы. Он много читал, тосковал, думал. Рвался обратно в Петроград, зная, что там голодно и страшно. Вернулся в марте 1918 года.

Он сам перечислял в комментарии к «Возвращенной молодости», в какую чехарду занятий, мест и работ превратились следующие три года: сначала служил в пограничной охране в Стрельне и Кронштадте, потом пошел добровольцем в Красную армию, где был командиром пулеметной команды и полковым адъютантом, через полгода демобилизовался по болезни сердца. Затем был агентом угрозыска в Ленинграде, инструктором по кролиководству и куроводству в Смоленской губернии, старшим милиционером в Лигово, выучился сапожному и столярному ремеслу, работал в сапожной мастерской, был конторщиком и помощником бухгалтера в Петроградском военном порту...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КАК ПОЕЗД

Летом 1919 года агент угрозыска Зощенко пришел в Студию при издательстве «Всемирная литература», расположенную в доме Мурузи. Студия должна была подготовить для издательства квалифицированных переводчиков. Сюда собрали талантливую молодежь и стали читать ей лекции и вести семинары по истории и теории литературы. Зощенко поначалу держался особняком. Как вспоминал Чуковский, у которого Зощенко учился на отделении критики, «нелюдимый, хмурый, как будто надменный, садился он в самом дальнем углу, сзади всех, и с застылым, почти равнодушным лицом вслушивался в громокопящие споры, которые велись у камина».

В это время он задумал книгу об истории современной литературы, в которой его учителям в Студии было отведено место «фармацевтов» – сухих аналитиков, умерщвляющих душу литературного произведения. Несколько написанных им в это время пародий – на Шкловского, Замятина, на того же Чуковского – точны, смешны и тонко улавливают суть метода пародируемых авторов. Он писал очерки, фельетоны, рассказы, пародии, пробовал даже писать исторический роман. Одно время он всерьез собирался быть критиком, написал несколько статей, в том числе о Блоке, но желание самостоятельно творить одержало верх. Сейчас – время его творческих исканий: он упорно ищет свой стиль, слушает, оттачивает мастерство. Вера Владимировна замечает, что именно сейчас в его записных книжках изысканные выражения вроде «венки, сплетенный из милых смешных нелепостей» сменяются на «шамать», «крыть нечем», «шпана». В январе 1920 года умерла от гриппа-испанки мать Зощенко. «Три месяца лютых и незабываемых мы сидели, как кроты, в черной холодной комнате... – писал об этом времени Зощенко сестре Валентине. – Такая была лютая, совершенно лютая, совсем лю-

Ленинград.
1920-е годы

Александр Блок и Корней Чуковский на вечере в Большом драматическом театре. Последняя фотография А. Блока. Петроград. 25 апреля 1921 года. Фотография М. Напельбаума

тая зима. И так случилось, что одно время не было света, дров и хлеба. И это случилось накануне смерти». Когда мать похоронили, он не мог оставаться в квартире, «где была смерть». Вера Владимировна позвала его жить к себе. Он перевез к ней свои вещи, потом они пошли в ЗАГС и «записались». Как раз в это время он ушел из милиции в порт «Новая Голландия», стал конторщиком и на этой тихой работе уже мог писать свои рассказы.

Студия проработала три месяца и закрылась, но осталась друж-

ба, литературные связи – и когда зимой 1920/21 года открылся Дом искусств, смысл существования которого был в том, чтобы спасти от холода и голода петербургских литераторов, Зощенко переселился туда, оставив дома Веру Владимировну с новорожденным сыном. Там, в ДИСКе, он написал «Рассказы Назара Ильича господина Синеврюхова». Там появилось на свет литературное объединение «Серapiоновы братья», в которое он вошел и где читал свои первые профессиональные рассказы – «Рыбью самку», «Старуху Врангель», «Ляльку Пятьдесят». Показал их Горькому. Тому понравилось, но он сразу задал ключевой вопрос: как же это переводить, скажем, на индусский? Надо сказать, хорошего ответа на вопрос «как переводить Зощенко» до сих пор не придумано.

Обитатели ДИСКы, как раньше студийцы, стали повторять зощенковские словечки: «бедность, блекота и слабое развитие техники», «вполне прелестный человек»... Впрочем, рассказы оставались устными до 1922 года: в стране был бумажный кризис, вся литература по преимуществу бытовала в устной форме. Зато с началом нэпа и появлением частных издательств Зощенко начал бурно печататься. Уже тогда было ясно, что Зощенко – настоящий мастер слова. Замятин в своей статье о «Серapiоновых братьях»

назвал его фольклористом, живописцем и тогда же произнес слово, навеки приклеившееся к Зощенко: «сказ». С первых публикаций начался стремительный взлет Зощенко к вершинам славы. Нэп дал ему новых героев, новый язык – с его дикообразным путаным синтаксисом, с его вокабуляром, собранным по амбарам и сусекам старого мира, по воровским малинам, по канцелярским книгам и большевистским газетам; дал комические ситуации, разглядеть которые Зощенко оказался великим мастером.

Однако критики требовали от него идеологической определенности: осуждает он своих героев или оправдывает? За коммунистов он или против? Жена всерьез боялась за него: Слонимский, приехав из Парижа, рассказывал, что там эмигранты любят Зощенко, считают его рассказы самым верным изображением советского человека и даже проводят вечера с чтением сборника «Уважаемые граждане». Но и советские читатели расхватывали его сочинения: за пять лет, с 1922 по 1927 год, у Зощенко вышли 32 книжки. Шкловский писал о Зощенко: «Он имеет хождение не как деньги, а как вещь. Как поезд». Каверин, один из «Серапионовых братьев», подтверждал это наблюдение: «На перегоне Ярославль–Рыбинск находчивый пассажир продавал за двадцать копеек право почитать маленькую книжечку Зощенко – последнюю, которая нашлась в газетном киоске». И даже так: «Десятки самозванцев бродили по стране, выдавая себя за Зощенко. Он получал счета из гостиниц, из комиссионных магазинов, а однажды, помнится, повестку в суд по уголовному делу. Женщины, которых он и в глаза не видел, настоятельно, с угрозами требовали у него алименты». Ему писали тысячи писем со всех концов страны.

Чуковский вспоминал, что когда к Зощенко подошли с вопросом, не он ли Зощенко, тот ответил: вы не первая делаете эту ошибку, но я не Зощенко, я – Бондаревич.

«Серапионовы братья».

Слева направо:
К.А. Федин,
М.А. Слонимский,
Н.С. Тихонов,
Е.Г. Полонская,
М.М. Зощенко,
Н.Н. Никитин,
И.А. Груздев,
В.А. Каверин.
Начало 1920-х годов

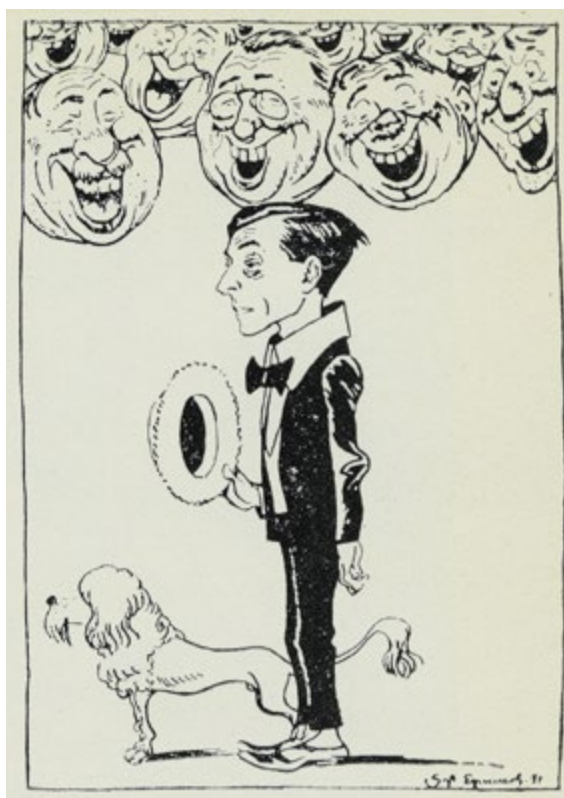
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РАСКРЫТЬ СВОЕ СЕРДЦЕ

К концу 20-х у него были огромные тиражи и невероятная слава, постепенно появился и недостаток. Но сам он свидетельствовал, что в 1926 году, на пике славы, вдруг впал в такую тоску, что перестал есть и чуть не погиб. Меланхолия, неврастения, приступы страха, отчаянное сердцебиение – все это управляло его жизнью. Может быть, современная медицина и умела бы помочь ему: в его описани-

ях «нервной горячки» и прочих таинственных недугов угадываются вполне понятные современному человеку депрессия и панические атаки. Но тогда область душевного здоровья была совершенно не исследована – и пришлось ему самому заняться этим. Зощенко обложился научной литературой и стал разбираться, отчего ему так плохо и что с этим делать. Ему несколько раз казалось, что он нашел разгадку, что он может вылечиться. Чуковский, автор подробных воспоминаний о Зощенко, сообщает, что «в эти годы он производил впечатление одержимого: ни о чем другом не мог говорить. «Корней Иванович, я уже совсем излечился! – сказал он мне однажды с торжеством, но лицо у него было измученное, а в глазах по-прежнему таилось угрюмство. – Я стал оптимистом, я раскрыл, наконец, свое сердце!» (Последнюю фразу я запомнил буквально.)» И фраза эта не случайна: мать однажды сказала ему, что у его отца «закрытое сердце», и он запомнил – и это, и то, что у него отцовский характер.

«Это было в Сестрорецке, – рассказывает Чуковский. – Я зашел за ним для нашей обычной прогулки и увидел, что вся его рабочая комната буквально завалена книгами, чего прежде никогда не бывало. И книги были специальные: биология, психоло-

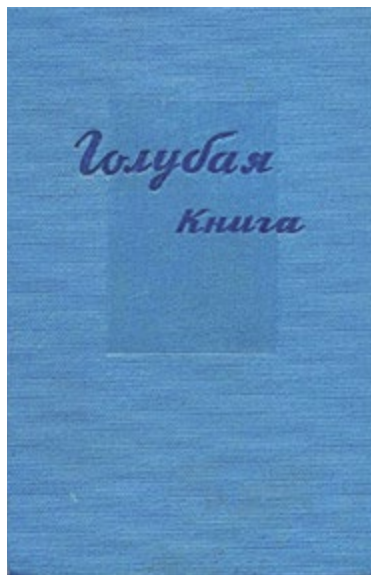
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

гия, гипнотизм, фрейдизм. Всю дорогу он говорил исключительно на медицинские темы, а когда мы вернулись с прогулки, дал мне книгу некоего велемудрого немца в переводе на русский язык»...

Зощенко работал над «Возвращенной молодостью».

К концу 20-х по мере ужесточения идеологических требований к литературе писателя стали все чаще обвинять в безыдейности, отождествлять его с героями его рассказов – обывателями, требовать положительной, оптимистичной сатиры, что бы это ни значило. И Зощенко пытался стать полезным советским писателем. Тем не менее «Литературная энциклопедия» 1930 года припечатала его: «Анекдотическая легковесность комизма, отсутствие социальной перспективы отмечают творчество Зощенко мелкобуржуазной и обывательской печатью». Впрочем, едва ли кого из хороших писателей в 1930 году не заклеили мелкобуржуазным или еще каким-нибудь идейно вредным.

Он был настоящим советским человеком. Он старался быть оптимистом в духе времени. Он убеждал себя и других, что его новые книги – очень полезны для читателя. «Возвращенная молодость» рассказывает читателю о медицине и физиологии; «Голубая книга», написанная по предложению Горького, открывает перед ним всю историю человеческой морали... В 30-е годы он – обычный советский писатель, с обычным хорошим слогом – вовсе не изумительным зощенковским, а просто средним советским. Он пишет о водолазных экспедициях ЭПРОНа, детские рассказы о Ленине, едет с другими писателями на Беломорканал – и принимает самое живое участие в создании позорной книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина». В этом труде, где большинство глав – это коллективное творчество, Зощенко единолично написал главу о перековке жулика в со-

Обложка книги
М.М. Зощенко
«Голубая книга»
[«Советский
писатель».
1935 год]

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ветского человека. Сама идея перековки, превращения человека из ветхого в нового – силой ли характера, как он надеялся преобразить себя, или силой коллективного воспитания – занимала его чрезвычайно. И следующая книга, которую он задумал, «Ключи счастья», тоже должна была стать историей перековки – его собственного превращения из больного, угрюмого, одержимого тоской неврастеника в веселого, здорового, оптимистичного человека. Эта-то книга и стала поводом для бессмысленной, жестокой, многолетней травли Зощенко.

М.М. Зощенко.
1920-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«НЕ СТАНУ НИ О ЧЕМ ПРОСИТЬ»

Жизнь его к концу 30-х внешне – хорошая жизнь успешного советского писателя. Он усердно работает, у него большая квартира в центре Ленинграда, он принимает участие во всех писательских инициативах, выступает на собраниях, клеймящих троцкистов, и подписывается под призывами расстрелять врагов народа как бешеных собак. Но он тоскует, он одинок, у него совершенно не ладится семейная жизнь; читая дневниковые записи Веры Владимировны, не можешь отделаться от мысли, что Зощенко женился на одной из своих героинь, любящих культурную жизнь, фильдекосовые чулочки и красиво ухаживающих кавалеров. У нее был роман с партийным работником, совсем испортивший отношения в семье. Партработника арестовали в 1936 году; поразительно, что в то время, когда от репрессированных отворачивались даже близкие друзья, Зощенко помогал семье арестованного. А когда арестовали и жену партработника – слал их детям посылки в детдома, поселил их дочь у себя на даче после ее возвращения из детдома... Хлопотал о репрессированном переводчике Стениче, еще не зная, что он расстрелян, помо-

гал семье малознакомого Заболотского... И понимал, что он – бывший дворянин, бывший царский офицер, брат эмигранта (его брат Владимир уехал за границу) – может стать следующим... В это время он опубликовал в «Ленинградской правде» письма Горького, полученные им некогда: они могли служить охранной грамотой и, может быть, сослужили эту службу. Репрессии его не коснулись – более того, в 1939 году Зощенко получил орден Трудового Красного Знамени.

Казалось, в середине и конце 30-х он действительно вылечился от своей меланхолии. Он казался бодрым, живым, активно работал. С началом войны – делал что мог: сочинил со Шварцем антифашистскую пьесу (сцены ее сняли после 15 представлений – выглядела на фоне отступления слишком шапкозакидательской), писал антифашистские рассказы, работал для Ленинградского радио, ходил по ночам тушить зажигательные бомбы. Ленинградская писательская организация решила его эвакуировать; он сопротивлялся эвакуации, но вынужден был уехать, чтобы не подумали, что он остался ждать немцев. Жена осталась в Ленинграде с сыном (сына в 1942 году призывали в армию, но потом комиссовали). Зощенко уехал в Алма-Ату, где надеялся найти работу на эвакуированном «Мосфильме» – и в самом деле нашел ее и все время эвакуации посылал половину заработка и посылки жене в Ленинград.

Довоенная еще возлюбленная Зощенко, Лидия Чалова, приехав к нему в Алма-Ату, обнаружила, что он практически умирает от голода, получая только 400 граммов хлеба на день, хотя ему полагался увеличенный паек. Зощенко не то не знал об этом, не то не считал возможным требовать большего; паек ему, уже страдающему дистрофией, выхлопотала Чалова. Зощенко поправился и взялся за работу. «Ключи счастья» получили новое название – «Перед вос-

Андрей Жданов
и Иосиф Сталин

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Доклад
т. Жданова
о журналах
«Звезда»
и «Ленинград»
в газете
«Культура
и жизнь»
от 30 сентября
1946 года

ходом солнца»; к ранее написанной части-трактату прибавилась автобиографическая часть, состоящая из небольших новелл. Зощенко считал, что это будет лучшее его произведение, его вклад в борьбу с фашизмом – это была его борьба с темнотой в самом себе, его попытка поделиться рецептом силы, стойкости, бодрости: он в самом деле был уверен, что силой воли можно излечиться от болезней. Первая часть повести вышла в 1943 году в журнале «Октябрь» и произвела на читателей тяже-

лое впечатление: в то время когда советский народ, напрягая все силы, боролся с фашизмом, Зощенко занимался самокопанием. Исследовал свои детские страхи, юношеские поцелуи, отношение к материнской груди... Печатание повести было остановлено сразу после публикации биографической части. Зощенко обратился с письмом к Сталину, прося его внимательно прочесть повесть и дать свое заключение. Ответа не последовало. Но осенью имя Зощенко появилось в поданной Маленкову и Щербакову докладной записке управления пропаганды и агитации ЦК партии, где шла речь о «грубых политических ошибках» журналов «Октябрь», «Знамя» и «Новый мир». Потом повесть обругала газета «Литература и искусство», затем ее обсуждали на президиуме Союза писателей; президиум даже принял специальное постановление о журнале «Октябрь», где характеризовал повесть как «пошлую, антихудожественную». Жданов велел «расклевать» Зощенко, «чтобы мокрого места не осталось». В начале 1944 года по повести шарахнул журнал «Большевик»: «Как мог написать Зощенко эту галиматью, нужную лишь врагам нашей родины?» «Гадость», «гнусный рассказ», «поражающая наглость», «пошлятина»... Зощенко написал покаянное письмо в ЦК пар-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тии – может быть, поэтому его временно оставили в покое. Он вернулся в Ленинград. Его снова стали печатать.

В 1945 году он опубликовал в «Мурзилке» детский рассказ «Приключения обезьяны» – об обезьянке, сбегавшей из разбомбленного зоопарка и бегающей по городу в военное время. Милый рассказ о заблудившемся звере, который наделал переполоха, но нашел любящего хозяина, мальчика Алешу, может, и остался бы незамеченным, если бы его не перепечатал журнал «Звезда». Там его прочитал Сталин и разозлился: как свидетельствует писатель Петр Капица, Сталин на заседании ЦК требовал, чтобы Зощенко «убирался к чертям», и негодовал: как это – обезьянке в клетке, в неволе, лучше, чем среди советских людей. Дальше было печально известное постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Рассказ про обезьянку в нем характеризовали как «пошлый пасквиль на советский быт и советских людей», да еще и с «антисоветскими выпадами». Прошли обсуждения в Союзе писателей и собрания, и знаменитый доклад Жданова, и новое письмо Зощенко Сталину: «я никогда не был антисоветским человеком», «я всегда шел с народом», «я ничего не ищу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе», «если и пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль». Зощенко отлучили от литературы. Перестали печатать. В голодном 1946 году он остался без продуктовых карточек. Многие друзья перестали с ним здороваться; другие, опасаясь за собственную судьбу, поспешили выступить на собраниях и в печати с осуждением Зощенко. От него шарахались на улице как от зачумленного. Он и сам говорил тем, кто не отпалывался: «Разве вы не знаете, что нельзя ко мне подходить?» Он устроился на работу в сапожную артель; семья кормилась тем, что продавала мебель и вещи, оставшиеся от прежней

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

хорошей жизни. Они поменяли квартиру на меньшую, продали половину дачи. Зощенко написал Жданову письмо с просьбой разрешить ему работать – безрезультатно...

Первая публикация после катастрофы состоялась в 1947 году: в «Новом мире» вышло несколько «Партизанских рассказов». Зощенко стал подрабатывать переводами, самым знаменитым из которых остается перевод повести финского писателя Лассила «За спичками». В 1953 году Зощенко снова приняли в Союз писателей (не восстановили, ибо это значило бы признать исключение ошибочным, а приняли заново). А в 1954 году снова разразилась беда: СССР посетили английские студенты, которые пожелали увидеть Ахматову и Зощенко. И спросили у них, что они думают о погубившем их постановлении. Ахматова ровным голосом ответила, что считает постановление совершенно правильным, а Зощенко вдруг сказал, что не согласен. И травля возобновилась. От него снова требова-

Одна из последних фотографий М.М. Зощенко. 1958 год

ли покаяния – на сей раз перед всеми ленинградскими писателями, собравшимися перед Вторым съездом писателей. Зощенко вместо покаяния гордо заявил, что он не трус, что дважды воевал на фронте и имеет пять боевых орденов; что работал в радиокомитете, что эвакуировался из Ленинграда по приказу. «Что вы хотите от меня? Что я должен признаться в том, что я – пройдоха, мошенник и трус?!» – и закончил: «Я не стану ни о чем просить. Не надо вашего снисхождения, ни вашего Дружина, ни вашей брани и криков! Я больше чем устал! Я приму любую иную судьбу, чем ту, которую имею!» И вышел вон. Тогда встал Константин Симонов и сказал: «Товарищ Зощенко бьет на жалость...»

После этого Зощенко месяц ничего не ел: не мог.

Легче стало только в «оттепель»: друзья-писатели написали в ЦК письмо с просьбой вернуть Зощенко советской литературе. У него вышла книга избранных рассказов и повестей. Но он уже был измучен, измотан, истощен борьбой за жизнь и доброе имя. Он снова впал в тоску. Жена записывала, что на вопросы, что с ним, он отвечает: «Мне плохо, мне очень плохо, меня ничто не интересует, мне ничего не хочется, ничего не надо». Лежал. Не ел. Начались приступы страха. Чуковский, увидев его весной 1958 года на праздновании 90-летия Горького, записал: «Это труп, заколоченный в гроб». И еще: «Очень знакомая российская картина: задуманный, убитый талант».

Через несколько месяцев Зощенко умер.

А постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» изучали в школах и вузах еще тридцать лет, почти до самой его отмены в 1988 году. «Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакции «Звезда» хорошо известна физиономия Зощенко и недостойное поведение его во время войны...».

**ВСЁ ДЕРЖАТ
ЮНОШИ КОНЕЙ**

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ОБГОН ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КОРТЕЖА НА ДОРОГЕ – ЭКСПЕРИМЕНТ, ЧРЕЗВЫЧАЙНО РИСКОВАННЫЙ И ОПАСНЫЙ. ТОЧНО ТАК БЫЛО И В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I. ИМПЕРАТОР НЕ ПЕРЕНОСИЛ, КОГДА ЦАРСКИЙ ВОЗОК ИЛИ КАРЕТУ НА ПРОСТОРНЫХ УЛИЦАХ ПЕТЕРБУРГА «ОБСКАКИВАЛ» ДРУГОЙ ЭКИПАЖ ИЛИ ВЕРХОВОЙ. ДОПОДЛИННО ИЗВЕСТЕН ТОЛЬКО ОДИН СЛУЧАЙ, КОГДА ЭТОТ ГРЕХ БЫЛ ПРОЩЕН ГОСУДАРЕМ. ЗВАЛИ ГРЕШНИКА – ПЕТР КЛОДТ.

ПОСЛЕ ТОГО КАК БА-
рон-скульптор обста-
вил царскую упряжку
на одной из набереж-
ных столицы, Николай Павло-
вич молчал три года. Не нака-
зывал, но и не замечал. Клодта
игнорировали и в свете, и в ко-
ридорах власти. Несмотря на
то, что он уже стал признанным
придворным мастером, чья пер-
вая монументальная работа
украсила город. Над триумфаль-
ными воротами на Нарвской
площади Петербурга вздыби-
лась запряженная в колесницу
Славы шестерка медных коней.
Так вышло, что Нарвская арка,
воздвигнутая в 1827–1834 го-
дах, в перечень популярных
среди туристов мест не вписа-
на. А жаль! И потому, что место,
где она находится, насыщено
историей, ведь еще в 1814 году
под первой аркой – из дерева и
алебаstra – проходили боевые
полки Русской императорской
гвардии, возвращавшиеся из по-
битой ими Франции. И потому,
что сами ворота – архитектур-
ный шедевр, созданный зодчим
Василием Стасовым, скульпто-
рами Василием Демут-Малинов-
ским, Степаном Пименовым и
Петром Клодтом. Зеленая грома-
да арки, поднявшаяся над пло-
щадью на 30 метров, и сегодня
чудо как хороша. С каждым
десятилетием купоросная зе-
лень арки становится все гуще.
Секрет в том, что при построй-
ке кирпичную кладку обшили
медным листом. Потому-то и зе-
ленеют вековым металлом не
только медные кони Клодта, но
и сами ворота.

Пока Николай I молчал, Петр
Клодт ваял. Новый заказ посту-

пил мастеру непосредствен-
но от императора незадолго до
злополучной встречи на набе-
режной. В манеж лейб-гвардии
Конного полка прибыла пар-
тия кровных английских же-
ребцов, и государь посчитал
за необходимость лично ос-
мотреть четвероноего попол-
нение. На смотрины среди
прочих пригласили и Клод-
та. Коней в поводу выводили
прибывшие из Британии бе-
рейторы. И самодержца озари-
ло! Почему бы не украсить ре-
конструируемую Дворцовую
площадь статуями коней и их
укротителей? Все как в мифах
Древней Эллады. Вот кони.
А рядом – Диоскуры, сиречь
Кастор и Поллукс, «отроки
Зевса», известные подвигами
на любой вкус. Кастор, в част-
ности, славился мастерством
укрощения диких лошадей.

Клодт, само собой, согласил-
ся. Но с одним условием – ему
нужны натурщики. И тут же
два жеребца поступили в его
полное распоряжение. Не ис-
ключено (а скорее – наверня-
ка!), что именно они оказались
в той упряжке, что обошла цар-
ский возок как стоящий. Ибо
с этими конями Петр Карло-
вич не расставался месяцами
ни днем, ни ночью. В 1836 году
Николай I, судя по всему, ре-
шил: обида – обидой, а дело –
делом. И так как гипсовых ко-
ней-моделей в натуральную
величину доставить на обзор в
Зимний не представлялось воз-
можным, сам приехал к скульп-
тору в мастерскую. Увидел ра-
боты – и зафиксировал суть
новых отношений: «За этих –
прощаю!»

ОТСТАВНОЙ ЛОШАДКИ ПОРУЧИК

Происхождение фразеологизма
«отставной козы барабанщик»
объясняют по-разному. Есть и та-
кая версия: когда-то в пехоте от-
роки носили за барабанщиками
треноги, называвшиеся «коза-
ми». В нужный момент тяжелый
барабан клали на «козу» – и ну
молотить требуемые воинские
сигналы. Так вот, тех, кто не мог
справиться даже с такой работой,
как ношение «козы», списыва-
ли с довольствия за абсолютную
никчемность. У молодого Петра
Клодта, едва разменявшего тре-
тий десяток, жизнь складывалась
похожим образом. Древнее, но
изрядно усохшее родовое древо
давно не плодоносило. В смысле
материального достатка. Профес-
сия артиллерийского офицера,
едва была получена, вскоре ока-
залась совершенно чуждой. Оста-
лось одно – довериться судьбе и
пытаться делать то, к чему с дет-
ства лежала душа. А душа лежа-
ла – к лошадям!

Петр родился в 1805 году в Санкт-
Петербурге. Биографы частенько
пишут, что в семье генерал-май-
ора барона Карла Федоровича
Клодта фон Юргенсбурга. По ча-
сти имен-фамилий – все верно.
А вот что касается чина...

Генерал-майором герой Отече-
ственной войны стал только в
январе 1814-го, когда до завер-
шения силовых взаимоотноше-
ний России с империей Наполео-
на I оставались считанные недели.
Но чин получил по заслугам. Рав-
но как и несколько боевых орде-
нов, среди которых Святой Геор-
гий 4-й степени и Золотая шпага
«За храбрость». Видать, барон был
истинным храбрецом, раз, чис-

лясь штабным да еще с топографическим уклоном, заслужил самые что ни на есть боевые награды. Впрочем, Отечественная война 1812 года и сопутствовавшие ей Заграничные походы 1813–1814 годов были не первыми боевыми опытами в карьере Клодта-старшего. Карл Федорович, рожденный в Ревеле (ныне – Таллин) в 1765 году, с 16 лет начал службу в Русской армии. С самых низов – сержантом в Бомбардирском полку. Даром что барон. В чинах рос постепенно. Как правило, в связи с участием в различных войнах. В начале 1812-го был определен в обер-квартирмейстеры корпуса, которым командовал легендарный генерал Николай Раевский. Это сейчас многие думают, будто квартирмейстер – это что-то сродни риелтору. Штабной офицер, определявший место солдатского постоя. В начале XIX века, а впрочем, и позже, в этой должности состояли офицеры штаба, занимавшиеся оперативными вопросами, связанными в том числе с планированием боевых операций.

Операций на долю Карла Клодта досталось в избытке: бои под Салтановкой, Смоленском, Шевардином, Бородином, Тарутином, Малоярославцем, в Битве народов под Лейпцигом... Короче, всюду, где дрался с Наполеоном и его маршалами сам Раевский. Портрет генерал-майора доселе висит в Галерее героев войны 1812 года в Эрмитаже. И все бы ничего, но боевой характер Карла Клодта сказался в мирное время. Повздорил он с высоким начальством в столице и был отправлен в Сибирь. Но не в кандалах, а в прежних густых генеральских эполетах – руководить штабом Отдельного Сибирского корпуса, находившимся в Омске. Там в 1822 году Карл Федорович и помер. Огромная семья – а в общей сложности генерал совместно с супругой Елизаветой Шарлоттой Авророй, в девичестве фон Фрейхольд, произвел на свет восемь детей – вернулась в Петербург. Нареченный Петром мальчик был вторым из шести сыновей.

Иной, кроме военной, карьеры для представителей мужеска пола в славном роду фон Юргенсбургов не мыслили. И 17-летний Петр Клодт был отдан в Михайловское артиллерийское училище. Об этом периоде жизни будущего великого скульптора-анималиста известно мало. В 1823-м – начал военное обучение, в 1825-м – произведен в портупей-юнкеры, тогда же, по окончании училища, – в младший офицерский чин прапорщика. К слову, это был первый в истории основанного в 1820 году училища офицерский выпуск. Клодт прослужил менее двух лет и подал в отставку в чине подпоручика, сославшись на невозможность продолжать службу по состоянию здоровья. Большой войны не мечалось, и его отпустили без всяких проволочек. Мало кого интересовало, почему 22-летний офицер-артиллерист решил оставить службу на самом деле.

Ясность пришла позже, когда офицер превратился в скульптора. Случилось сие не так чтобы быстро, но и не так чтоб медленно. Правда, поводом к тому послужил вовсе не художнический диплом, которого у Клодта никогда не было, а чистое везение. Помимо врожденного таланта, разумеется. Отставной подпоручик

записался на курс для начинающих в Академии художеств, но осваивал премудрости ваяния по большей части дома. Самостоятельно. Руку тренировал на том, что лепил из глины или вырезал из дерева одну за другой маленькие конские фигурки. Как-то заглянул к Петру в гости знакомый офицер. Пригласился к деревянной миниатюре и попросил продать. Клодт ответил, что продать не может никак, а вот подарить – с удовольствием. На том и расстались. Несколько позже фигурка попала на глаза императору Николаю Павловичу. Тот, большой любитель всяческих солдатиков, в том числе деревянных, пожелал, чтобы неведомый резчик сработал ему игрушечных лошадок, копирующих могучих коней любимого царем лейб-гвардии Конного полка. История умалчивает, сколько именно миниатюр пришлось вырезать Клодту. Замечу лишь, для справки, что в «старухе Конной гвардии» служила тысяча всадников. Когда поручение царя было выполнено, Николай I решил-таки познакомиться с автором. Встреча не прошла даром. Ни для ее участников, ни, что выяснилось позже, для Петербурга, Москвы, Киева, Неаполя и Берлина.

Надпись на постаменте, продиктованная самим скульптором. Петр Клодт, в традициях своего времени, свободно трактовал написание собственной фамилии

Первая
«конная группа».
Человек уверен,
что конь ему
послушен.
То ли еще будет?

АНИЧКОВ МОСТ

По тому, как человек произносит название этой переправы через Фонтанку, можно точно определить, насколько он петербуржец. Не важно, по крови или по духу. Пришлые делают ударение на первой гласной. И выходит, что название мост получил в честь некой Анечки, якобы жившей неподалеку аж в XVIII веке, когда по велению Петра I перебросили деревянный мост через тогда еще безымянный приток Невы, дабы выводил он пеших и конных на главную городскую улицу – Невский проспект. На самом деле названием мост обязан майору Михаилу Аничкову, под командой которого находился отряд моряков, этот самый мост и строивший. Жили мостостроители, понятное дело, рядышком, на берегу Фонтанки. Место расположения батальона так и называлось: Аничкова слобода. Аничковы – род древний, известный с 1301 года. И веками фамилию произносили с ударением на вторую гласную. Жили в николаевской империи неспешно. Вылепленных коней с Диоскурами царь узрел в 1836 году, а воплощение в бронзе статуи получили только в 1841-м. Все это время академик Клодт

посвятил освоению новой профессии – литейщика. По характеру дотошный, Петр Карлович считал, что скульптор обязан досконально знать процесс превращения модели в оригинальное произведение. Еще будучи слушателем академии, ходил учиться литейному делу к лучшему мастеру, Василию Екимову.

Вышло так, что, когда спелось время переводить Диоскуров в бронзу, Екимов умер, а заменить его на Литейном дворе в столь ответственном процессе оказалось некому. И Петр Карлович в очередной раз решил рискнуть. Да и не привыкать ему было. Он рисковал рассориться с родней, когда оставлял военное поприще. Рисковал, когда брался за шестерку коней над Нарвскими воротами, не имея никакого опыта в монументальной скульптуре. Рисковал, предлагая самому императору отказаться от плана установки Диоскуров на Дворцовой площади, где они, по мнению скульптора, выглядели бы нелепо.

Но риск и везение часто идут рука об руку. Какой офицер получил бы из Петра Клодта – неизвестно. А художник вышел выдающийся! Да и литейщик – тоже. Хотя по нервному накалу

отливка Диоскуров на Литейном была сродни отливке колокола в фильме Тарковского «Андрей Рублев».

О том, что статуям нечего делать перед Дворцовой площадью, Клодту стало ясно задолго до отливки. Он бродил по Петербургу в поисках оптимального места и нашел-таки. Аничков мост! Главный въезд в столицу со стороны большой России! Надо отдать должное Николаю Павловичу, мгновенно оценившему поступившее предложение. Тем более что мост перестал справляться с нагрузками и требовал реконструкции.

В ноябре 1841 года на пересечении Невского проспекта и Фонтанки собрались сотни петербуржцев. Общее ощущение выражено строчками в одной из газет: «Новый Аничков мост приводит в восхищение всех жителей Петербурга. Толпами собираются они любоваться удивительной пропорцией всех частей моста и лошаадьми – смело скажем, единственными в мире».

Надо отметить, что в тот момент на мосту находились только два изваяния. Мастер и его царственный заказчик понимали, что композиция нуждается в завершении. Пошли про-

стым путем: на другой стороне моста Клодт установил гипсовые копии скульптур, раскрашенные бронзовой краской. Предполагалось вскоре заменить их на копии, отлитые из бронзы. Но сделать это быстро не получилось. Едва были отлиты две копии, как выяснилось, что прусский король Фридрих-Вильгельм IV настолько очарован скульптурами, что плохо представляет себе, как его берлинский дворец будет существовать без таких украшений. Стоит отметить, что русский царь Николай I был женат на сестре Фридриха, так что судьба второй конной пары оказалась predetermined. Причем вместе с ней в Берлин в 1842 году отправился и сам скульптор. Некоторые биографы Клодта подчеркивают, что таким образом Петру Карловичу удалось побывать на исторической родине. Так, да не так. Род Клодтов вышел из земли Вестфалия, которая только в XIX веке была присоединена к Пруссии. Потомок родоначальника, Колена фон Клодта, в пятом поколении Иост вошел в историю

как канцлер Курляндского герцогства. Что легко объяснимо. Первый герцог этого государственного образования – ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии Готхард Кетлер, в жилах которого текла кровь рыцарей Вестфалии. Именно Кетлер одарил Иоста Клодта землями в Латвии и замком Юргенсбург. В 1650 году на свет появился Иоганн Адольф Клодт, числившийся уже шведским подданным. Он стал последним шведским вице-губернатором Риги, в 1710 году при взятии города Русской армией попал в плен и оказался в Москве. Титул барона принял от Карла XII в 1714 году, хотя и в заочной форме. Из плена Иоганн Адольф так и не выбрался. Собственно, с него и начинается русская история рода. Между прочим, сам Петр Клодт в своей русскости не сомневался. Находясь в Берлине, он писал жене и друзьям о том, как скучает по России и как тяготит его неожиданная командировка. Даже орден Красного Орла, врученный прусским королем, был слабым утешением.

В 1844 году барон отлил в бронзе очередную пару коней, но и они на Аничковом мосту не задержались. На сей раз по Диоскурам начал бредить король Обеих Сицилий Фердинанд II. И Клодту пришлось собираться в Неаполь, где он лично руководил монтажом статуй у входа в королевский дворец. Они и сегодня стоят на том месте, которое им уготовили изначально. В Берлине клодтовским коням пришлось попутешествовать. После Второй мировой войны по решению властей ГДР дворец бранденбургских маркграфов, прусских королей и германских императоров снесли. А статуи перевезли в Клейстерпарк, расположенный на юго-востоке столицы в районе Шёнеберг. Место, надо признать, малопопулярное. Отчасти и потому, что на окраине небольшого парка находится Апелляционный суд. Впрочем, в 2013 году в Берлине начались работы по восстановлению Городского дворца. Поговаривают, что кони Клодта тоже вернутся на остров Шпреинзель в центре немецкой столицы.

Диоскур у ворот парка королевского дворца в Неаполе. Как и на Аничковом мосту – все только начинается

ОТ ВЛАДИМИРА ДО НИКОЛАЯ

Эпопея с конями на Аничковом мосту заняла почти двадцать лет. Только в 1850 году ансамбль принял тот вид, который мы видим сегодня. Устав лить копии первой пары, Клодт создал еще две уникальные статуи, которые встали на въезде на мост со стороны Адмиралтейства. Так что этой красотой мы обязаны не только таланту скульптора, но и щедрости императора. Не раздаривай Николай Павлович бронзовых коней налево-направо, стояли бы нынче на Аничковом другие фигуры. Любопытно, что два первых коня, смотрящих вон из города, благами цивилизации не обогащены. А вот второй тандем, обращенный в сторону Дворцовой площади, подкован и в пополах.

Почти всякий шедевр имеет одну неприятную особенность. Он затмевает остальное, созданное мастером. Что, конечно же, несправедливо. «Кони Клодта» до сих пор заслоняют другие скульптурные подвиги Петра Карловича. Хотя они ни в чем не уступают статуям на Аничковом мосту. В Летнем саду Петербурга сидит бронзовый царь басни Иван Крылов. На Владимирской горке в Киеве царит над Днепром великий князь Владимир Красно Солнышко. На Исаакиевской площади Питера вздернул на дыбы коня Амалатбека царь Николай I. И это все – Клодт. А еще – гигантские барельефы на Мраморном дворце и интерьеры Исаакиевского собора в Северной столице, квадрига Аполлона на фронте Большого театра, горельефы в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца и скульптуры храма Христа Спасителя в Первопрестольной, памятник Маргину Лютеру в Кейле под Таллином, литые памятники Петру I в Кронштадте, Николаю Карамзину в Ульяновске, Гавриилу Державину в Казани, Матвею Платову в Новочеркасске...

Не все работы мастера сохранились. Но по тому, что осталось, можно сказать, что Петр Карлович достиг высот не только как скульптор, но и как литейщик и как инженер. О последнем качестве хо-

чется сказать отдельно. Самым ярким образом оно проявилось при создании конной статуи императора Николая I. Надо думать, что отношения государя и придворного скульптора выходили за рамки сугубо деловых в стиле «казчик – исполнитель». Николай Павлович был заядлым лошадиником и ценил тех, кто относился к лошадям так же. Петр Клодт безусловно входил в их число. В свою очередь, мастер понимал, какую роль в его судьбе сыграл самодержец. Неудивительно, что в работе над статуей Петру Карловичу захотелось каким-то образом – не только художническим – выразить свои особые чувства. И он нашел, как это сделать.

Уникальность конной статуи на Исаакиевской площади заключается в том, что она держится только на двух точках опоры – задних копытах могучего коня. Отсюда и ощущение, что еще мгновение – и всадник вместе лошастью сорвется с места и возьмет в галоп. Пожалуй, такой динамичности не удавалось достичь ни одному скульптору-анималисту.

Эта работа далась Клодту непросто. Довольно сказать, что при первой отливке форма не выдержала и дала трещину. 20 тонн расплавленного металла могли превратить мастерскую в ад. Чудом удалось предотвратить катастрофу. Не легче оказалось решить задачу с вывозом отлитой статуи из помещения Императорской академии художеств. Размеры ее были таковы, что не позволяли использовать ворота. Пришлось проломить стену.

Мастер рисковал и в этот раз. Прежде всего – репутацией. Сложись с памятником что не так, вступивший на престол Александр II не простил бы. О том, насколько тщательно сын следил за процессом создания памятника отцу, говорят его поправки, сделанные еще на модельной стадии. Государь присоветовал: «Изменить аллюр лошади с левой ноги на правую, козырек у каски уменьшить, самую каску надеть несколько назад, ботфорты сделать мягче, эпюлеты же и правый рукав выше локтя немного полнее»... Вон как!

Зато когда в 1859 году статую возвели на пьедестал, Александр Николаевич обошелся без слов. Пожал мастеру руку. Молча.

История «государевых» памятников в Петербурге – особая тема. Многие диву даются: «колыбель революции», а сохранились статуи Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра III. И уж совсем поразительно – Николая Павловича. Того самого «Палкина», казнившего декабристов! Ежели рассуждать о том, каким образом спаслись от гибели император и его верный скакун, объяснение одно – спасибо Клодту. В советское время решение сохранить памятник приняли потому, что статуя – уникальное инженерное сооружение. В Киеве, несмотря ни на что, стоит бронзовый великий князь Владимир. Русский, между прочим. Ибо родился, скорее всего, на Псковской земле, а может быть, даже белорусской, под Гомелем. И княжил перво-наперво – в Новгороде Великом, а уж потом – в Киеве. На крестителя земли русской рука у нынешней местной власти не поднимается. Более того, в начале века и сама статуя, и огромный постамент были капитально отреставрированы. А несколько ранее изображение памятника было многократно растиражировано на купюрах украинской гривны. А вот с Мартином Лютером обошлись жестче. В 1949 году 6-метрового богослова отправили в переплавку. В Эстонии рассказывают, что металл пошел на отливку статуи Иосифа Сталина, поставленной в Таллине. Фигура Лютера стала последней крупной работой мастера. Он завершил ее в 1862 году, за пять лет до смерти...

Барон Петр Клодт фон Юргенбург ушел из жизни, как говорят в таких случаях, скоропостижно, находясь на собственной даче в финской деревушке Халола. На досуге вырезал по обыкновению фигурку лошади из игровой карты для внучки. Ровно так, как шесть десятков лет ранее делал его отец для него самого. А сердце возьми – и остановись. Так мастер и не успел никому объяснить, что заставило его когда-то обогнать императорский возок... ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОВЕСТЬ О РУССКОЙ БОРОДЕ

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

НИЧТО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ТЕЛЕ НЕ ВЫЗЫВАЛО ТАКИХ БУРНЫХ СПОРОВ, РАЗНОГЛАСИЙ И ДАЖЕ КРОВОПРОЛИТИЙ, КАК БОРОДА. ВОТ, НАПРИМЕР, РУКА. НИКТО НЕ ТРЕБОВАЛ ОТРУБАТЬ РУКИ КАЖДОМУ МЛАДЕНЦУ, НИКТО НЕ ПИСАЛ МНОГОТОМНЫЕ ТРАКТАТЫ В ЗАЩИТУ РУК, НИКТО НЕ ОБЛАГАЛ НАЛОГАМИ РУКИ, НИКТО НЕ ВИДЕЛ В РУКАХ ЗНАМЕНАНИЯ ПРАВОТЫ И СВЯТОСТИ СВОИХ УБЕЖДЕНИЙ. ТО ЖЕ МОЖНО СКАЗАТЬ О НОГЕ, ГОЛОВЕ И ЛЮБОЙ ИНОЙ ЧАСТИ НАШЕГО ТЕЛА.

ИННОЕ ДЕЛО БОРОДА! Словарь Владимира Даля определяет ее просто: «Волос на щеках и подбородке». Но для иудеев, христиан и мусульман это был не просто волос. Борода стала религиозным символом, боевым стягом и предметом богословских споров.

Особую роль сыграла борода в истории России. Здесь она занимает важное место, сравнимое с местом какого-нибудь государственного деятеля средней величины.

В начале нашей повести о русской бороде нужно рассказать о ее бабушке – бороде еврейской. Ведь благоговейно-религиозное отношение к бороде, свойственное русскому народу, необъяснимо без экскурса в историю ветхозаветного Израиля.

На Востоке всегда берегли и холили бороду. Древние шумеры, ассирийцы и персы отращивали ее, завивали и красили хной. Борода была признаком мужественности и силы, царственности и мощи. Лишение бороды считалось тягчайшим оскорблением, позором, символом поражения и унижения, а также скорби и раскаяния. Вот, например, пророк Иеремия грозит жителям страны Моав карами за идолопоклонство: «Я истреблю в Моаве, говорит Господь, приносящих жертвы в капищах и кадящих богам своим... Богатства, ими приобретенные, погибли. У каждого голова обрита и у каждого борода срезана» (Книга пророка Иеремии 48, 35–37).

К.Е. Маковский.
Боярский
свадебный пир
в XVII веке.
Фрагмент.
1873 год

Осада города
ассирийским
царем Ашшур-
назирпалом II.
IX век до н.э.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Библия рассказывает о том, как Бог помиловал и избавил от унижения и позора еврейский народ – освободил от египетского рабства и вывел в Землю обетованную.

В наши дни независимому народу полагаются государство, конституция, флаг, герб и гимн. На Древнем Востоке флаг, герб и гимн заменяла борода. Поэтому Господь, даруя на горе Синай пророку Моисею Тору – закон новой веры, дарует израильскому народу и бороду – символ новой свободы. В Торе содержится божественное повеление не брить и не стричь бороду: «Не порти края бороды твоей» (Левит 19, 27). Этим иудеи отличались от своих недавних хозяев: египтяне брились. В Египте только фараон мог носить бороду, да и то искусственную. А в Библии обритая борода считается потерей чести.

Вот царь Аннон оскорбляет слуг царя Давида: «И взял Аннон слуг Давидовых, и обрил каждому из них половину бороды, и обрезал одежды их напополам, до чресл, и отпустил их». Израильский царь, узнав об этом, велел слугам не возвращаться в Иерусалим, «так как они были

Жак-Луи Давид.
Смерть Сократа.
1787 год

Моисей
(XIII век до н.э.),
еврейский
пророк
и законодатель,
основоположник
иудаизма.
Раскрашенная
гравюра

очень обесчещены» (Вторая книга Царств 10, 4–5).

В Библии описан и другой древний обычай – мужчины при встрече не пожимают друг другу руки, а берутся за бороды и целуются: «И сказал Иоав Амессаю: здоров ли ты, брат мой? И взял Иоав правую рукою Амессаю за бороду, чтобы поцеловать его» (Вторая книга Царств 20, 9). За 3 тысячи лет, прошедших со времен царя Давида, еврейская борода примелькалась по всему свету. Она хорошо знакома и нам. Сложный образ набожного иудея, блюдущего заповеди Торы и не бреющего бороду, многократно воспроизведен в литературе и искусстве. Одессит Эдуард Багрицкий живо нарисовал этот образ в поэме «Февраль», призвав тень своего благочестивого пращура: «В длинном халате и лисьей шапке, // Из-под которой седой спиралью // Спадают пейсы и перхоть тучей // Взлетает над бородой квадратной...»

С «бородой квадратной» пришло к римлянам и грекам христианство. Несомненно, апостолы – ученики Христа и первые проповедники Евангелия – бороды не брили и не стригли. С тех пор ношение бороды стало благочестивым христианским обычаем, соблюдение которого не обязательно, но желательно.

НЕ ПОСТРИГАЙТЕ БРАД ВАШИХ!

Греки традиционно носили бороды, а римляне предпочитали бриться. В Древней Греции за долго до распространения христианства с бородами щеголяли многие славные мужи – Аристотель, Архимед, Гомер, Платон, Сократ, Фемистокл и прочие великие, им же несть числа.

В Римской империи брились чиновники и военная служба. Поэтому на иконах и фресках с ликами древнехристианских мучеников мы видим мужчин без бород, что указывает не на их молодость, а на положение в обществе. Например, великомученики Димитрий Солунский и Георгий Победоносец, убиенные за веру в начале IV века, изображаются без бород не из-за молодости, а потому, что состояли на государственной службе при императоре Диоклетиане. Сам же Диоклетиан, гонитель христиан, носил аккуратную бородку.

От разницы в обычаях греков и римлян проистекает разница в отношении к бороде в восточном и западном христианстве. «Волос на щеках и подбородке» не интересовал Римскую церковь. Почтенные прелаты, наверное, рассуждали так: хочешь – ходи с бородой, не хочешь – брейся. Премудрые католические ученые

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Рафаэль. Портрет папы Льва X с кардиналами Джулио Медичи и Луиджи Росси. Около 1518 года

извели море чернил написание богословских, философских и юридических трактатов, но не удостоили бороду таким вниманием, каким она была окружена на православном Востоке.

В Греческой церкви ношение бороды было обязательно для священнослужителей и иноков, но необязательно для мирян. Это различие хорошо заметно на прославленной мозаике императора Юстиниана в церкви Сан-Витале в Равенне (VI век). Священнослужители – епископ Максимиан и два диакона – изображены с небольшими бородами. Воины и чиновники из свиты императора выбриты, усаты или бородааты. Сам Юстиниан – без бороды.

В византийском богослужебном сборнике VIII века «Евхологий Барберини» имеется особая молитва на пострижение бороды, помещенная после двух молитв на пострижение волос у младенца. Священник символически остригал первые волосы у ребенка, желая ему «преуспевать в возрасте и достичь седой старости». А над отроком, у которого начинала расти борода, читалась следующая молитва: «Господи Боже наш Вседержи-

тель, благослови дело рук наших, и как благословление, сошедшее на голову Аарона и на бороду его, и как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские, так и Твое благословение да снизойдет на голову Твоего раба и на его бороду». Не обязательно, что после этого благословения борода остригалась или брилась.

Молитвы на пострижение волос сохранились в современных церковных книгах, в чине крещения, а молитва на пострижение бороды вышла из богослужебного употребления.

Ко времени окончательного разрыва между православными и латинянами у греков повсе-

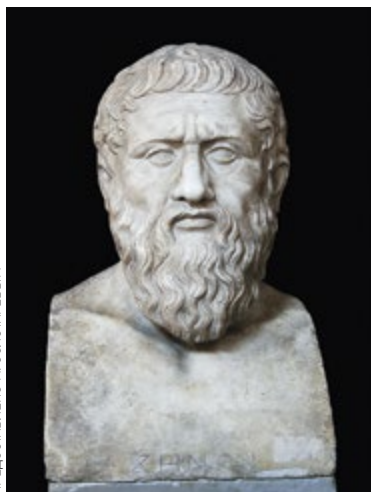
Император Юстиниан со свитой (император в окружении придворных, епископа Равенны Максимиана и клириков). Мозаика церкви Сан-Витале в Равенне

местно существовал обычай духовенству носить бороды.

Греки осуждали бритые подбородки западных священнослужителей и мирян. В XI веке ученый инок Никита Стифат из Студийского монастыря написал «Рассуждение против франков, то есть латинян». В славянском переводе оно включено в Кормчую книгу – свод правил и законов Русской церкви. Никита писал: «Что же о пострижении брады; не писано ли есть в законе: не постригайте брад ваших: се бо женам лепо, мужем же не подобно... Ибо... на том бо вси знаяху, яко еретическия слуги суть, имже брады постризаны. Вы же се творяще человеческого ради угодия, противящеся закону, ненавидими будете от Бога, создавшего вас по образу Своему».

Латиняне не оставались в долгу. В XII веке Лев Тосканец написал полемическое сочинение «О ересьх и лицемерии греков». Между прочим, он обвинял православных в том, что «их священники по иудейскому обычаю отращивают бороды».

В X веке, приняв христианство, наши пращурь познакомились с греческой бородой, которую можно считать матерью русской бороды.

Платон. Римская копия с греческой статуи последней четверти IV века до н.э.

ДОМ ВЕСТИ – НЕ БОРОДОЙ ТРЯСТИ

Нельзя однозначно утверждать, брились ли древние русы или предпочитали ходить с бородой. В 971 году киевский князь Святослав предстал перед византийским императором Иоанном Цимисхием без бороды. Греческий летописец свидетельствует: «Показался и Святослав, переплывающий реку на скифской ладье. Он сидел на веслах и греб вместе с остальными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода». Можно предположить, что до принятия христианства без бороды ходил и сын Святослава – князь Владимир Великий, креститель Руси. В «Повести временных лет» рассказывается, что Владимир, установив в Киеве изображения языческих богов, поставил и «деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами». Языческое божество – небесное отображе-

С.В. Иванов.
Земский собор.
1908 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Изборник
Святослава
1073 года.
Миниатюра
«Семейство
Святослава»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великий князь
Киевский Владимир
Святославич.
Гравюра неизвестного
художника.
Середина XIX века

ние земных реалий. И в образе Перуна воплотились представления наших предков об идеальном князе и воине. Значит, для славян настоящий мужчина был с усами, но без бороды. Но после 988 года, после Крещения Руси, отношение нашего народа к бороде переменялось. Вместе с христианством в Киев пришла греческая мода на «волос на щеках и подбородке». При князе Ярославе Мудром, сыне Владимира, составляется «Русская правда» – древнейший отечественный свод законов. Здесь за порчу бороды предусмотрен немалый штраф,

в 12 гривен. Такой же полагался за выбитый зуб, за украденного бобра, за удар батоном, чашей, рогом или тыльной стороной оружия.

С тех пор начинается триумфальное шествие бороды по русской земле. Через пятьсот лет борода уже считается непрременным атрибутом всякого христианина, знаком мужественности, взрослости и мудрости. Со временем борода приобрела еще одно значение – по ней отличали православного от иноверца. Наш народ снабдил «волос на щеках и подбородке» множеством поговорок. Обыкновен-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великий князь Киевский
Ярослав Мудрый.
Из «Царского
титularyника» царя
Алексея Михайловича.
1672 год

но в них обыгрывается глупость некоторых взрослых бородатых дядь, их недостойное поведение: борода выросла, а ума не вынесла; на аршин борода, да ума на пядь; по бороде Авраам, а по делам Хам; дом вести – не бородой трясти.

Народ уважал бороду, говоря: борода в честь, а усы и у кошки есть. На Руси бороду не брили и не стригли. Однако, как это часто бывает, *quod licet Jovi, non licet bovi* («Что дозволено Юпитеру...»). Если простой мужик и не помышлял о бритве, то знатные лица, защищенные от нелюбимого мнения высоким положением, иногда позволяли себе стричь и брить бороду.

Яркий пример – великий князь Василий III, отец царя Ивана Грозного. Василий был на тридцать лет старше своей второй жены, Елены Глинской, и, как писал Николай Карамзин, «любя юную супругу, Василий желал ей нравиться не только ласковым обхождением с нею, но и видом молодости, которая от него удалялась: обрил себе бороду и пекся о своей приятной наружности». Примеру великого князя следовали некоторые бояре.

Но Иван Грозный пресек эти вольности. В 1551 году в Москве в государевых палатах заседал знаменитый Стоглавый собор, созванный царем и московским митрополитом Макарием, на котором были приняты важные постановления, призванные способствовать развитию духовного просвещения, укреплению в стране благочестия, искоренению пороков. Собор в том числе осудил тех, кто, вопреки древнему преданию, брил бороды: «Священные правила православным христианам всем возбраняют не брить брад и усов не постригати, таковыя бо несть православных, но латынская ересь». Относительно ослушников, дерзающих преступать церковные установления, соборяне подтвердили правило, приписываемое апостолам: «Кто бороду бриет и представится таковой,

Портрет
Василия III.
Гравюра
1557 года

недостойно над ним служить, ни сорокоуствия пети, ни просвиры, ни свечи по нем в Церковь, с неверным да причтется». С тех пор русская борода вольно росла и красовалась, охраняемая государством и церковью. Столкновение с Европой в кровавые годы лихолетья Смутного времени только убедило наших пращуров в правильности сделанного выбора: брить бороду – «латынская ересь».

В 1639 году при царе Михаиле Феодоровиче в Москве печатается «Большой Потребник» – сборник разнообразных богослуже-

бий и молитвословий. В нем содержится чин отречения от «латынской ереси». По этому чину переходящий в православие католик должен был проклясть различные нововведения Римской церкви, в том числе брадобрение: «Проклинаю богоненавидимую блудлолюбного образа прелесть, душегубительная помраченная ереси, еже остругати браду». В середине XVII века при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне произошло трагическое разделение Русской церкви. Московское православие с его приверженностью византийским и древнерусским традициям ушло в старообрядчество, в старую веру, в «раскол». Отныне только там сохранялась духовная культура прежней Святой Руси. Но было очевидно, что вскоре светские и духовные власти пойдут еще дальше.

ИЗМЕНЧИВАЯ МОДА

Царь Петр Алексеевич начал строить новую Россию, разрушая прежнюю Русь. Поклоняясь Европе, Петр I ополчился на русские обычаи, в том числе на длинные бороды и народную одежду. В 1698 году царь вводит бородовую пошлину, позже разделенную на четыре разряда: за право носить бороду царедворцы ежегодно уплачивали 600 рублей, богатые купцы – 100, прочие купцы – 60, горожане, ямщики и извозчики – 30. Уплатившим пошлину выдавали знаки с надписями: «С бороды пошлина взята», «Борода – лишняя тягота». Крестьяне пошлиной не облагались, но при въезде в город с каждого бородача взималось по копейке. Особым окладом были обложены староверы. С 1716 года их обязали платить двойной подушный оклад. Представьте, если бы сейчас с людей, отличающихся от большинства вероисповеданием или национальностью, брали не 13 процентов подоходного налога, а 26. Незамедлительно борода сделалась символом народного не-

Патриарх Никон
(1605–1681).
Рисунок
из «Альбома
Мейерберга:
виды и бытовые
картины России
XVII века»
(СПб., 1903)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Бояре
возвращаются
от царя Петра,
остригшего
им бороды.
Гравюра.
1894 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

довольства. Например, атаман Кондратий Булавин, старообрядец и бунтовщик, в 1707 году расправившийся с отрядом полковника Юрия Долгорукова, так объяснял свой поступок в послании кубанским казакам: полковник и его солдаты пришли на Дон и «стали было бороды и усы брить, также и веру христианскую переменять».

В 1700 году Петр издал указ против русской одежды. У городских ворот вывешивались образцы новой одежды – венгерские и саксонские камзолы и шляпы. Рядом стояли солдаты, следившие за выполнением указа. Если через ворота проходил человек в длинном кафтане, солдаты ставили его на колени и обреза́ли кафтан вровень с землей. Портным было запрещено шить русское одеяние, а купцам – торговать им. Староверам же, наоборот, было приказано ходить в народной одежде.

В 1722 году царь повелел старообрядцам носить особые наряды старинного покроя – зипун, ферьязь и однорядку. Через два года вышел дополнительный указ: женам староверов и бородачей носить опашни и шапки с рогами. Так при императоре Петре I прежняя Русь была переделана в новую Россию. И только ста-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Протопоп
Аввакум (1620
или 1621–1682),
русский
религиозный
деятель

рообрядцы, преследуемые властями, сохраняли преданность старой русской вере и старому русскому укладу. За эту преданность им пришлось дорого заплатить не только особыми налогами и пошлинами, но и тысячами жизней.

Для староверов борода стала религиозным символом, знаменем истинной веры. Члены государственной церкви, желающие перейти в старообрядчество, должны были читать особое отречение от «никонианской ереси», в котором говорилось: «Отметающие Священное и Святоотеческое Писание, воспрещающее брадобритие, да будут прокляты».

Но то, что для одних было священо и истинно, другим казалось глупым и ложным. Известен, к примеру, «Гимн бороде» Михаила Ломоносова, в котором высмеян «волос на щеках и подбородке». Этот гимн достоин того, чтобы привести его полностью, но ограничимся строками о бородовой пошлине для староверов, керженцев, как их называет поэт:

*Борода в казне доходы
Умножает по вся годы:
Керженцам любезной брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безголовым с бородой.*

Преследования староверов и русской бороды несколько ослабили лишь в царствование Екатерины II, правительство которой было заинтересовано в поддержке старообрядческого купечества, обладавшего «великими промыслами и торгами».

При Екатерине был издан ряд указов, улучшавших положение старообрядцев и уравнивавших их в правах с остальным населением империи. Были отменены законы Петра о бородах, русской одежде и двойном окладе. Также было официально запрещено называть приверженцев церковной старины «раскольниками», вместо этого «хульного имени» вводился термин «старообрядцы».

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Портрет Пугачева, писанный с натуры. Надпись на портрете: «Подлинное изображение бунтовщика и обманщика Емельки Пугачева»

Однако и при милостивой Екатерине борода оставалась символом мужицкого недовольства. Как знамя поднял бороду Емельян Пугачев – самозванный царь Петр III. Всем, кто признал его государем, Пугачев обещал различные свободы. В том числе свободу исповедовать старую веру – креститься двумя перстами, молиться по дониконовским книгам и носить бороды. С отрубленной головой Пугачева борода пала на плаху и уж более не поднималась.

Со времен Александра I на лица русских мужчин возвращается растительность – усы и бакенбарды. Но бритье бороды продолжало оставаться обязательным для военных и чинов-

ников. Только в царствование Александра II чиновникам было дозволено отращивать бороды. А Александр III разрешил не бриться и военным.

При императоре Николае I объявились философы-славянофилы и начинается увлечение а la gusse – всем русским. Входят в моду патриотизм, косоворотки, квас, каша и бороды. Эту моду высмеял остролов Иван Мятлев в макаронической поэме «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже»:

*Патриот иной у нас
Закричит: «Дю квас, дю квас,
Дю рассольчик огуречный!»
Пьет и морищится, сердечный...
Надобно любить родное,
Дескать, даже и такое,
Что не стоит ни гроша!
Же не ди па ла каша
Манная, авек де пенки.
Ла морошка, лез опенки,
Поросенок су ле хрен,
Ле кисель э ле студень
Очень вкусны. Но не в этом
Ле патриотизм, заметим.*

Но мода сделала свое дело. И мы уже не представляем себе без бород и бородок Достоевского, Менделеева, Толстого, Тургенева, Чайковского, Чехова и иных славных деятелей отечественной культуры и науки XIX века... В октябре 1917 года прекратилась мода на бороду. Нет, ее никто не запрещал, не гнал, но «шершавым языком плаката»

Александр Иванович Введенский (1889–1946), лидер обновленческого движения в 1922–1946 годах

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

народу нашептали, что с бородой ходят его враги – поп и кулак. Ленин, Маркс и Энгельс – не в счет.

При бороде остались дремучие деревенские деды и старомодные ученые, вроде профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Михаила Булгакова: «Он умственного труда господин, с французской остроконечной бородкой и усами седыми, пушистыми и лихими, как у французских рыцарей».

В моде революционные усы, как у товарища Буденного или как у самого товарища Сталина. Впрочем, бороду носит «всесоюзный староста» Михаил Калинин. Она полагается ему как «народному ходатаю» и «печальнику земли русской».

Но всякий мало-мальски уважающий себя человек брил бороду в то смутное время. Даже священнослужители из обновленческой «Живой Церкви» не брезговали этим, что было невероятно для традиционного православного духовенства. Сам глава обновленцев Александр Введенский гладко брился.

Великая Отечественная война вернула бороде прежнее мужественное и героическое значение. Ведь с ней, родимой, и с автоматом ППШ ходил по лесам и болотам смелый партизан. Тот самый, что бронзовыми глазами памятников взирал на москвичей и гостей столицы на станциях метропо-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Депутация московских старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, представлявшаяся 12 января 1908 года государю императору

литена «Белорусская» и «Партизанская».

Бородатый старик с «Партизанской» – Герой Советского Союза Матвей Кузьмин, простой русский крестьянин, совершивший подвиг в возрасте 83 лет. Борода полагалась не только старому партизану, но и «парню молодому», от лица которого Леонид Утесов пел знаменитую песню «Партизанская борода»: «То разведка, то засада, // Стричься, бриться мне когда? // Неизбежная досада // Партизану борода. // Борода ль моя, борода, // До чего ж ты отросла! // Называли раньше – щетка, // Говорят теперь – метла».

После войны интерес к бороде возобновился в конце 1950-х годов, во время революции на Кубе. Бородачи (по-испански *barbudos*) Фидель Кастро и Че Гевара, борющиеся за свободу и равенство, завоевали симпатии наших соотечественников. Не без влияния кубинцев в Советском Союзе борода стала носить молодежь, преимущественно «стиляги» и творческие люди – журналисты, художники и музыканты. В 1962 году Юрий Казаков в рассказе «Адам и Ева» так описал посетителей художественной выставки: «Никто ничего не понимает, кричат, спорят, ребята с бородачками, в джинсах, посоловели, кругами ходят».

Это были замечательные времена песен под гитару, дешевого портвейна и дружеского обращения друг к друг «старик».

Прошли годы, но борода оставалась отличительным признаком свободного художника. В волшебной повести Юрия Коваля «Самая легкая лодка в мире» (1984) один из главных героев, художник Орлов, носит бороду. Когда герои едут на электричке, в вагоне с ними заводит разговор «человек в золотых очках». Он озвучивает те трюизмы, с которыми обыватели так любят приставать к бородачам и сегодня: «И зачем молодые люди носят бороду! Ну, зачем? Не пойму... Ну, в старое время люди мало читали – вот

Евгений Евстигнеев в роли профессора Преображенского в фильме Владимира Бортко «Собачье сердце». 1988 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

они и носили бороду. А сейчас-то зачем борода? Я бы всех бородатых взял бы и насильно им бороду сбрил, чтоб на людей были похожи».

Автору этих строк неоднократно приходилось выслушивать такие рассуждения. Какая дикость, молодой мужчина, а с бородой! С высшим образованием, а с бородой! Культурный человек, а с бородой!

Что на это ответить? Для меня «волос на щеках и подбородке» – это, если угодно, осуществ-

ление детских мечтаний. Ребенком я видел фотографию Эрнеста Хемингуэя – открытое обветренное лицо в седилах благородной бороды, грубый свитер. «Хочу стать таким!» – подумал я.

Мне было 13 лет, когда Владимир Бортко снял фильм «Собачье сердце». Я был потрясен этим фильмом, я заучил его наизусть, я бредил его сепией. О, эти сады Семирамиды! Тяжелый, как гробница, стол, накрытый белой скатертью, разрисованные райскими цветами тарелки с черной широкой каймой, и три хрустальных графинчика с разноцветными водками.

Я точно знал, что, когда вырасту, стану профессором Преображенским, причем в исполнении Евгения Евстигнеева, только им, и никем более!

И я вырос... Мечты сбылись лишь отчасти. Лампа под шелковым абажуром, персидские ковры и вишневые портьеры остались в кино. От профессорской учености мне досталась только борода. И, разглаживая ее перед экраном компьютера, я повторяю слова Ломоносова:

Если кто невзрачен телом
Или в разуме незрелом,
Если в скудости рожден
Либо чином не почтен,
Будет взрачен и рассуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ее плоды! ♣

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЧЕЛОВЕК, ПАРОХОД И СВЯТОЙ

АВТОР

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ФОТО

КСЕНИИ ПАСТУШЕНКО

ВОТ УЖЕ ПОЧТИ ПОЛВЕКА НА БЕРЕГУ МОГУЧЕГО ЕНИСЕЯ, У ЗНАМЕНИТОЙ КРАСНОЯРСКОЙ СТРЕЛКИ, СТОИТ МАЛЕНЬКИЙ КОРАБЛИК, ПОСЕРЕВШИЙ ОТ СТАРОСТИ И ПРОХЛАДНОЙ РЕЧНОЙ ПОГОДЫ. ОН ЗНАКОМ, НАВЕРНОЕ, КАЖДОМУ ЖИТЕЛЮ ГОРОДА-МИЛЛИОННИКА. НЕКОТОРЫЕ БЕГАЛИ ПО ЕГО КАЮТАМ ЕЩЕ ДЕТЬМИ, ОДНАКО НЕ ВСЕ ЗНАЮТ, ЧТО РЕЧНОЙ «ДЕДУШКА», ЧУДОМ СОХРАНИВШИЙСЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ, ВИДЕЛ И ПОСЛЕДНЕГО ИМПЕРАТОРА, НИКОЛАЯ II, И ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЯ, ВЛАДИМИРА ЛЕНИНА...

ЭТОТ ПАРОХОД, НАЗванный в честь Николая Чудотворца, покровительствующего мореплавателям и путешественникам, построили в Тюмени на деньги крупного золотопро-

мышленника Сибирякова еще в конце XIX века. Предполагалось, что он будет ходить по Ангаре, для этого даже раздобыли мощную шведскую паровую машину, но – перестарались: судно оказалось слишком тяжелым

для резвой «дочери Байкала», и его решено было отправить на реку-богатырь – Енисей.

В свое первое плавание «Свяtitель Николай» отправился в 1887 году. Тридцать лет он перевозил пассажиров по двум направлениям – Красноярск–Енисейск и Красноярск–Минусинск, причем только летом, так как раньше, до строительства Красноярской ГЭС, Енисей на этом участке пути замерзал. Не ходил пароход и по ночам – еще не был детально изучен фарватер.

Поговаривают, что первый хозяин судна был человеком широкой души, и билеты при нем были «самые дешевые» из существовавших: проезд в каюте первого класса из пункта выхода парохода до конечного причала стоил 12 рублей, второго – 8 рублей 10 копеек, а третьего – 4 рубля 50 копеек. Получалось, что за деньги, потраченные на третий, низший класс перевозки, можно было корову купить! Проехать на пароходе явно было удовольствием не для бедных. Впрочем, деваться все равно было некуда: до некоторых населенных пунктов можно было добраться только по реке, да к тому же далеко не всеплыли «до конечной».

ТРЕТИЙ КЛАСС

Сегодня пароход «Святитель Николай» стал одним из немногих плавающих музеев нашей страны, его взял под крыло Красноярский краеведческий музей. Судно, конечно, пришлось изменить до неузнаваемости. Из всех кают первого и второго класса нетронутыми остались только две – самые «исторические», почти весь первый класс превратился в просторный актовый зал, а в бывшем втором классе и в багажном отделении проходят выставки. Одна из них, кстати, посвящена Российско-Американской компании командора Николая Резанова, который хотя и не имеет к пароходу никакого отношения, но очень уважаем красноярцами, гордящимися, что такая легендарная личность нашла в их городе последний приют.

А мы поднимаемся наверх, туда, где когда-то было помещение для пассажиров третьего класса. Для людей победнее отдельных кают не предполагалось – все они размещались с багажом на большой палубе, над которой даже крыши не было. Впрочем, со временем бюджетным пассажирам пошли навстречу – для их удобства соорудили простецкие нары. А еще можно было набрать кипятка из большого чана, выглядевшего весьма устрашающе. Еду же пассажиры либо приносили с собой, либо покупали во время стоянок у местных кулинеров, торговавших домашней выпечкой. Кстати, о еде. На той же верхней палубе парохода находится крошечный камбуз. Здесь готовили пассажирам первого и второго класса. Связки баранок на

Почти все каюты первого класса сегодня стали актовым залом

ПАРОХОДЫ НА «БОЛЬШОЙ ВОДЕ»

Едва ли найдется человек, который побывает в Красноярье и останется равнодушным к великой реке этого края – Енисею. Даже Антон Павлович Чехов признавался, что он «в своей жизни не видел реки великолепнее», восхищаясь могуществом, неистовостью и силой сибирского богатыря.

Енисей считается важнейшей транспортной артерией не только Сибири, но и всей страны. Долгое время он вообще был единственным связующим звеном между южными и северными районами Приенисейского края. Место, надо сказать, было опасное, и только самые смелые могли отважиться на «путешествие вглубь Сибири». Однако овчинка стоила выделки: ценная сибирская пушнина по качеству была вне конкуренции, предприимчивых промышленников манили богатые рудники и прииски края.

Сюда же от неволи бежали тысячи свободолюбивых людей, а кого-то, кстати говоря, отправляли силой – служивых и торговцев необходимо было кормить. Так много лет и осваивалась земля сибирская, повидавшая и горе, и радость.

А когда поселения стали принимать вид крупных городов, остро встал вопрос: как же наладить в Енисейской губернии речное сообщение, благо густая сеть его притоков раскинулась на многие километры? И вот в середине XIX века решено было построить первый пароход. Что интересно: создателем 25-саженной громадины был простой механик-самоучка Худяков, бывший крепостной княгини Трубецкой, работавший на свой страх и риск.

Раскатистый гудок прозвучал над рекой 31 мая 1863 года, пароход, который, объединившись, построила группа купцов, решили назвать, конечно же, «Енисеем». И как писали тогда «Енисейские губернские ведомости», вековое спокойствие великой реки было нарушено...

В то время губернской столицей был вовсе не Красноярск, а Енисейск, основанный всего несколькими годами ранее – в 1619 году. Красноярску, можно сказать, повезло: в конце XIX века знаменитую Транссибирскую магистраль решено было провести через него, вот так случайно и померкла старая столица... Первоначально же енисейские купцы даже не планировали налаживать речное сообщение с Красноярском: на их пути был печально известный труднопреодолимый Казачинский порог, погубивший немало жизней. Гораздо проще, да и выгоднее, полагали они, было бы ходить в Енисейский залив, где можно добывать рыбу ценных пород и, наладив товарооборот с коренными северянами, получать очень дорогие шкурки полярных животных.

А «торговое» окно из Красноярска в Центральную Россию прорубили в конце XIX века купцы Гадаловы. Планировали они развивать и пароходство: в 1890 году старший сын Н.Г. Гадалова, Александр, отправляется в Англию изучать судостроение. А когда он возвращается – семья строит чугунолитейный и механический заводы, обустроивает место для зимовки «речных машин» и учреждает «Сибирскую акционерную компанию срочного буксирно-пассажирского пароходства» по рекам Енисею, Оби и Иртышу. Уже через год Красноярск посетил цесаревич Николай, и его пароход конвоировался как раз гадаловским «Графом Игнатьевым». Это событие и дало судоходству по «Большой воде», как называли Енисей звенки, решающий импульс.

Именитые жители Красноярска начала XX века

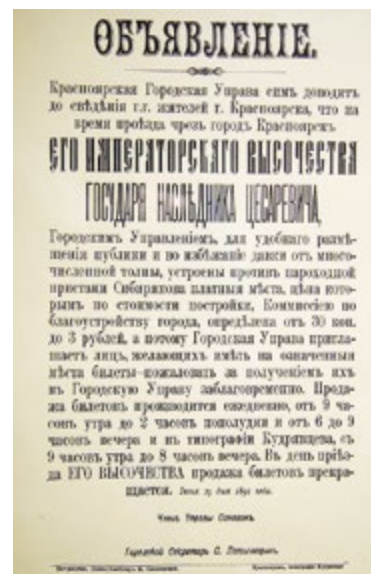
стенах, полная тарелка пирожков, огромная кастрюля, самовар, горшочки, поднос и даже турка – в комнатухе помимо кока, чья картонная фигура, отдаленно похожая на Ленина, представлена здесь же, едва ли поместился бы кто-то еще. Куда просторнее было у капитана или механика, каюты которых напоминают каюты привилегированного первого класса.

Неподалеку на палубе лежит гигантская поленница – внушительные дровишки все как один длиной в метр-полтора! Оказывается, в сутки на пароходе их сжигали по 50 кубометров! Экскурсоводы подчеркивают, что памятников с паровыми машинами в мире осталось мало, и «Святитель Николай» один из немногих, которому удалось сохраниваться до наших дней.

ЦЕСАРЕВИЧ

По узкой и крутой лестнице аккуратно, чтобы не оступиться, спускаемся вниз. Здесь демонстрируют уникальную каюту первого класса. В ней летом 1891 года, следуя из села Березовки в Красноярск, пару часов провел будущий император Николай Александрович. Поездка по Сибири была частью большого путешествия цесаревича по России, и проехать (или проплыть) мимо крупного уездного города, который к тому же готовился к строительству Транссибирской магистрали, он просто не мог. Цесаревичу предложили выбрать пароход самому, и он указал именно на «Святителя Николая», веря в покровительство великого чудотворца. Кроме того, в то время судно считалось самым быстроходным на

К приезду цесаревича город был украшен необычайно торжественно

Объявление для желающих увидеть Его Высочество

Енисее. Великокняжеской особе отвели лучшую каюту парохода, которая все же кажется тесноватой. Кроме пары кресел, столы и небольшой софы, в ней больше ничего нет. И все-таки, как можно было догадаться, цесаревич в своей комнатке почти и не был: наследнику сначала был подан чай, после чего он переоделся и вышел на палубу, откуда открывался прекрасный вид на величественные сибирские пейзажи.

Конечно, для встречи почетного гостя были приняты все возможные меры предосторожности. Еще свежо было воспоминание о покушении на жизнь наследника престола в японском городе Отсу в апреле 1891 года. В Красноярске, к примеру, посмотреть на цесаревича могли далеко не все: чтобы не создавать давку, желающие должны были заранее купить на встречу билеты, цена на которые варьировалась от 30 копеек до 3 рублей. Город к этому дню преобразился: его вычистили, отремонтировали фасады зданий и тротуары, развесили праздничные гирлянды из живых цветов и даже специально к приезду цесаревича построили губернскую мужскую гимназию и триумфальную арку!

Красноярск встречает цесаревича

Заранее обговаривались и места, которые должна была посетить особа царских кровей. Сначала непременно нужно было пойти на торжественную церковную службу в Богородице-Рождественский собор. Позже цесаревича принимал Николай Герасимович Гадалов – представитель известнейшей купеческой семьи Красноярья: в его доме Николай Александрович провел первую половину дня, беседуя с представителями городской общественности. Дальше были запланированы многочисленные визиты в учебные и благотворительные заведения города и праздничный обед. Его меню, кстати, сохранилось, и посмотреть, чем же угощали дорогого гостя, можно и сейчас: тут суп-пюре из перепелов, филе с трюфелями, королевский пунш глясе, спаржа, земляничное парфе и пудинг «Дипломат»... Посетил будущий император и Красноярский музей, где для него была устроена выставка, рассказывающая о хозяйственной, научной и культурной жизни губернии, а также о ее народах. Основатель музея Иннокентий

Алексеевич Матвеев предусмотрительно попросил наследника оставить на память автограф, оригинал которого до сих пор бережно хранится как напоминание о единственном правителе, проехавшем всю империю из конца в конец и побывавшем в городе на Енисее. Ему же суждено было стать и последним: путешествие по стране стало своеобразным мистическим прощанием династии со своими владениями, ведь вскоре книга истории должна была открыть новую страницу – кровавый XX век...

Сегодня гости музея могут увидеть в каюте цесаревича только белоснежный китель

А ведь когда-то здесь была и восковая фигура Николая Александровича

ОСОБЫЙ ССЫЛЬНЫЙ

Но между двумя этими событиями было еще одно, удивительным образом связанное со «Святителем Николаем»: в 1897 году уже император Николай Александрович отправил в сибирскую ссылку Владимира Ульянова.

Будущий вождь мирового пролетариата вместе с соратниками по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» Глебом Кржижановским и Василием Старковым был арестован в Петербурге в ночь на 9 декабря 1895 года. 14 месяцев ему пришлось провести в одиночной камере, ожидая решения суда. Ульянов был приговорен к трехлетней ссылке в Восточную Сибирь.

4 марта 1897 года осужденные по железной дороге прибыли в Красноярск. Сибирская ссылка Ленина началась здесь: еще несколько месяцев он ждал решения енисейского губернатора о постоянном месте пребывания. В итоге направили его в село Шушенское, которому уже не впервой приходилось сталкиваться с подобными «гостями»: здесь отбывали ссылку несколько декабристов и Михаил Петрашевский.

В губернском городе Ульянов времени не терял, даже сегодня, спустя более ста лет с того момента, в Красноярске можно найти его следы. Он начал общаться с представителями первого в городе марксистского кружка, организованного Петром Красиковым, тоже, кстати, ссыльным. Бывал Ленин и в знаменитой частной библиотеке купца Юдина – здесь он работал над монографией «Развитие капитализма в России». Стоит сказать, что судьба библиотеки впоследствии была неоднозначной: огромная коллекция, включающая такие уникальные книги, как первые издания «Слова о полку Игореве» или «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, идиллия Ломоносова

«Полидор», которая считалась утерянной, в 1906 году была продана хозяином Библиотеке Конгресса США, причем в разы дешевле своей реальной стоимости...

Когда же енисейская навигация была открыта, революционерам сообщили, что пароход до Шушенского уже ждет их. Кто бы мог подумать, что этим судном окажется все тот же «Святитель Николай», на котором еще не так давно путешествовал их злейший враг! 30 апреля ссыльные отправились в путь.

Ульянову, Старкову и Кржижановскому (последнего сопровождала его мать – Э. Розенберг. – **Прим. авт.**) отвели отдельную каюту второго класса, надеясь предотвратить их общение

На камбузе
парохода
тесновато

Старинная табличка:
гвоздь программы – Ленин

с остальными пассажирами. Впрочем, надзиратели с этой задачей справились плохо, тот же Ульянов на борту даже успел пофлиртовать. Позже газета «Речник Енисея» писала о том, что нашла некая Л. Удимова, которая тем же рейсом ехала к своей подруге. Девушка смогла позволить себе билет лишь третьего класса, и Владимир Ильич, с которым она познакомилась уже на пароходе, предложил ей поселиться в его каюте. Кроме того, он приглашал ее в буфет (помните, пассажирам третьего класса еда не предоставлялась?), куда она из скромности идти отказывалась, и тогда революционер приносил ей завтрак на палубу, где они вместе любовались Енисеем.

Что ж, Ульянов тогда еще не был женат, Ильичу можно простить такое романтическое увлечение, тем более что уже через год в Шушенское приехала Надежда Крупская. Ей разрешили остаться с Ульяновым только при одном условии – они должны были оформить брак «по всем правилам», то есть обвенчаться в церкви, чего пара делать не хотела. Впоследствии они вспоминали это событие как некий фарс, устроенный на публику. В селе пара прожила до 1900 года, и, как только срок ссылки Ульянова истек, они покинули Сибирь.

Механик
мог поставить
в свою каюту
даже самовар

ВОСКРЕСШИЙ ИЗ МЕРТВЫХ

А век парохода, когда-то снискавшего славу самого быстрого на Енисее, постепенно подходил к концу. В 1927 году его списали и превратили в нефтеналивную баржу №318, а в 1960-м и вовсе отправили на кладбище кораблей в далекий сибирский поселок Подтёсово. Видели ли вы когда-нибудь, как умирают корабли? Зрелище, конечно, не самое приятное: в глуши, куда редко попадает человек, на протяжении

многих метров по реке стоят старые судна, осужденные медленно ржаветь и превращаться в страшную груды металла... Но нашему пароходу, наверное, благодаря покровительству самого Николая Чудотворца, удалось спастись: вспомнив, что когда-то на судне плавал Ленин, его отыскали и решили превратить в музей.

В 1970 году, к столетию со дня рождения Владимира Ильича, в Красноярске торжественно открыли целых три музея:

Пароход сейчас выглядит не слишком презентабельно – что и говорить, ему уже более ста лет!

мемориальную квартиру Красикова, дачу Юдина в здании, где раньше располагалась его библиотека, и, конечно, пароход «Святитель Николай». Львиная доля экспозиций на судне тогда была посвящена именно Ленину и его сибирской ссылке. Со временем появились два интересных экспоната – восковые фигуры императора и вождя мирового пролетариата. Они, как и много лет назад, занимали те места, на которых путешествовали их прототипы: Николай сидел в каюте первого класса, Ленин – второго. Но восемь лет назад Енисей весной поднялся так высоко, что старый пароход затопило. После этого пришлось провести реконструкцию судна, а восковые фигуры и вовсе убрать.

Теперь обновленный пароход снова принимает гостей, большая часть которых – дети, считающие поход в музей-пароход своеобразной игрой. Ведь можно побегать по палубе, ударить в рынду и даже «поругать» штурвалом, представляя себя отважным капитаном, отправляющимся в далекие края. **❶**

Фигуру Ильича из каюты ссыльных тоже убрали, на его кровати остались лишь газеты «Русские ведомости» и «Новое время»

И ТОЛЬКО ПУШКИНА НЕ ВСТРЕТИТЬ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«СТРАНА ЭТА, ПО ОФИЦИАЛЬНЫМ ИЗВЕСТИЯМ, ЛЕЖИТ ПРЯМО ПРОТИВ КРЕМЛЯ, ПО ТУ СТОРОНУ МОСКВЫ-РЕКИ, ОТЧЕГО, ВЕРОЯТНО, И НАЗЫВАЕТСЯ ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ» – ТАК, ПРЕДЕЛЬНО СДЕРЖАННО, ПРЕДСТАВИЛ ПУБЛИКЕ СВОЮ МАЛУЮ РОДИНУ ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ДРАМАТУРГ АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ В «ЗАПИСКАХ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО ЖИТЕЛЯ».

НА ВОСКРЕСНЫЕ ПРОповеди владыки Киприана в Скорбященской церкви на Большой Ордынке собиралась необычная публика. Привычных старушек в бесцветных платках и не разглядеть было в заполнявшей храм толпе из солидных мужчин в канадских дубленках и причудливо укутанных шальми дам. Среди каменных ликов номенклатуры частенько попадались узнаваемые лица популярных артистов. Мне почему-то более других запомнился Никита Михалков. Не потому ли, что той осенью, 1974 года, оттремела по кинотеатрам Союза премьеры «Свой среди чужих...»? Уже не вспомнить, кто и когда присоветовал потратить вос-

кресное утро с умом. Подробностей не последовало, сказано было лишь одно – поехать на Ордынку и послушать владыку Киприана. Сам, мол, все поймешь. Спустя несколько месяцев регулярных визитов в храм во имя иконы «Всех скорбящих радость» кое-что, наверное, понял, потому как говорил архиерей с паствой простым и в меру образным языком. И что особенно важно, проповеди-импровизации связывались в общую логическую цепь, напоминая университетские циклы лекций. Но только не по физике или там, скажем, политэкономии, а по куда более масштабной теме – как жить. В том числе и мне, секретарю комсомольской организации 9-го «Б».

В НЕДАВНЕМ ПРОШЛОМ

Этот храм на Ордынке – первый, куда вел не случай, не экскурсионный маршрут, а осознанное желание. Отсюда и возникшее тогда особое к нему отношение. В отличие от самой Ордынки вкупе с Замоскворечьем целиком. Надо признать, что в застойные годы подросткам и молодежи делать тут было особенно нечего. Третьяковская галерея, понятно, за скобками. Но не всякий юный москвич был без ума от живописи. Да и очереди за прекрасным были тогда сравнимы с очередями за дефицитными итальянскими сапогами в ГУМе. В остальном Замоскворечье не радовало: ни стадиончиков, ни киношек, ни парков с катками и аттракционами, ни кафе хотя бы с мороженым. Единственный кинотеатр, «Ударник», был в недоброй памяти Доме на набережной, очень дорогой и пафосный, да еще в месте, крайне неудобном для поклонников метрополитена. Филиал Малого театра в конце Ордынки открылся только в 1995 году, а Театр эстрады, тоже в Доме на набережной, театром, по большому счету, не был, а нормальным концертным залом еще не стал. Курица не птица – это про него.

В стенах
Скорбященской
церкви внимали
проповедям
архиепископа
Киприана
(Зернова)

Даже бесцельно болтаться по главным замоскворецким улицам – Большой Ордынке, Пятницкой, Большой Полянке, Новокузнецкой и Якиманке – было весьма затруднительно. Особенно по трем последним, сильно изуродованным в угоду генеральным планам реконструкции и развития Москвы. К тому же в конце Полянки, при впадении ее в Садовое кольцо, в аляповатом особняке 1872 года рождения, построенном купцом Андреем Алексеевым для Московского учительского института, располагался райком ВЛКСМ Советского района столицы, в который, по понятным причинам, ездить приходилось не реже, чем в Третьяковку, но с куда меньшим удовольствием. Так вот, с узкими тротуарами, пыльные, почти без деревьев, а по зиме вечно заваленные снегом, замоскворецкие улицы и переулки к гуляниям не располагали. Старинных особняков сохранялось в достатке, но подавляющее большинство выглядело не приведи господи. Давно заметил: чем красивей архитектура здания, тем заметнее следы неухоженности и разрушений, ежели за ним не следят по совести. А кому было следить? Наследниками купцов да дворян,

Колокольня
храма
во имя иконы
«Всех скорбящих
радость»,
что на Большой
Ордынке

обстраивавших Замоскворечье собственными и доходными домами, стали работники бесчисленных советских контор и обладатели коммуналок.

Добрую половину имен тех достойных людей, что жили или бывали в Замоскворечье до Октябрьского переворота, после 1917 года старались не упоминать. К 80-м список еще более увеличился. В редких книгах по истории Москвы и еще более редких путеводителях от богатого прошлого Заречья сохранилась одна «Островщина». Купеческое место, где Титы Титычи, малограмотные и вульгарные, вели торговую и иную жизнь за глухими заборами, окружавшими дома и амбары. И казалось, вот оно – темное царство Кабанихи и Дикого, из которого столь жутким способом вырвалась несчастная Катерина.

Сейчас – иное. Секреты перестали быть таковыми. Нужные дома получили должное внимание и обросли памятными досками, в Ордынском тупике на подходах к Третьяковке появился сквер Шмелева и скромный памятник, посвященный Ивану Сергеевичу. Открылись возвращенные РПЦ храмы, намоленные поколениями москвичей. Благо уничтоженных под корень церквей в Замоскворечье значительно меньше, чем в других районах старой Москвы. Даже тротуары сделали удобными. Только Ордынка еще мучается, терпеливо снося реконструкцию проезжей части. Ну да недолго осталось. Выходит, можно и прогуляться.

За раз обойти всю территорию, традиционно называемую Замоскворечьем, включая Якиманку, Новокузнецкую, Татарскую с переулками, а также Овчинники, Балчуг, Садовники, – трудно. Попробуем осилить в первой попытке Полянку и Ордынку.

История Замоскворечья началась в XIV веке. Симеоновская летопись сообщила, что в 1365 году был на Москве пожар, который спалил все четыре части города: Кремль, Посад (Китай-город), Загородье (кварталы

Дом пушкинского друга Павла Нащокина на Большой Полянке, где Александр Сергеевич не бывал

за рекой Неглинной) и Заречье. Справедливо начать с Большой Полянки, так как именно она выводила к единственной естественной переправе через Москву-реку. Мосты наладили только в следующем веке.

Улицы тут возникли не сразу. Дороги вели через поля и огороды к Москве-реке. А меж ними строились слободы. Обособленные деревеньки, изрезанные узкими переулками и тупичками. Селились кадаши – умельцы по производству бочек, хамы – мастера ткачества, толмачи – переводчики по большей части с тюркских языков, овчинники, работавшие по шерсти и коже, стрельцы и казаки, охранявшие столицу от набегов энергичных южных соседей. И, само собой, торговый люд, владевший лавками на кремлевском берегу, но не имевший возможности втиснуть где-нибудь на Китай-городе еще и жилище. «Большая деревня», обиходное название Первопрестольной, считающееся почему-то обидным для москвичей, родилось именно здесь, среди курных изб и промысловых дворов Заречья.

ОТ КОСЬМЫ И ДАМИАНА

Вплоть до 1933 года стояла у истока Большой Полянки церковь Косьмы и Дамиана, строенная в середине XVII века. Первоначальное название улице дал этот храм. Но к веку XVIII Космодамиановская превратилась в Полянку, а в течение четырех лет – с 1918-го по 1922-й – называлась... Советской. А как еще? Нынче от старой Полянки мало что осталось. Ее в XX веке перестраивали с особым энтузиазмом, равно как и соседнюю Якиманку, получившую временно имя болгарского праводора Георгия Димитрова. Наберется от силы четыре-пять особенных зданий. Перво-наперво по левую руку после места, где Полянка и Якиманка растекаются, – дом Нащокина, Полянка, 11. «...Итак, я родился в Москве, в собственном доме на Полянке, в приходе Козьмы и Дамиана» – так начал мемуары близкий друг Пушкина, офицер лейб-гвардии Измайловского полка Павел Нащокин. Трудно представить, что Александр Сергеевич не навещал друга в родовом гнезде, но

Типичная усадьба
Замоскворечья.
Дом конца XVIII –
начала XIX века,
принадлежавший
надворному
советнику Травкину

свидетельств тому никаких, в отличие от подтвержденных документально визитов в другое московское жилище Нащокина, в Воротниковском переулке, что между Тверской и Малой Дмитровской. Сейчас в этом особняке располагается резиденция главы представительства Еврокомиссии в России, и, судя по всему, глава прекрасно себя там чувствует. Тут, в начале Полянки, куда ни кинь – места, связанные с талантами. Чуть ближе к Кремлю, в огромной «сталинке», построенной на месте снесенного храма Космы и Дамиана, жил начиная с 1943 года Федор Токарев, главной визиткой которого стал изобретенный им пистолет ТТ. А в доме напротив нащокинской усадьбы в середине XIX века обретались два молодых человека с непривычными сегодняшнему уху именами Афанасий и Аполлон, к которым любили забежать на огонек такие люди, как Яков Полонский, Иван Аксаков, Сергей Соловьев. Фамилия первого «А» была Фет, второго – Григорьев. Оба вошли в антологию русской

поэзии, а вот дом не сохранился. Теперь вместо него сквер. Невдомек было тысячам и тысячам советских мальчишек и девчонок, поступавших в единственный в центре столицы детский травмпункт при Институте

Самый главный
детский травм-
пункт советской
Москвы в Ивер-
ской общине
Красного Креста

детской хирургии с различными переломами, растяжениями и ушибами, что когда-то в ста метрах по соседству Аполлон Григорьев записал на листке бумаги сочиненный им «народный» цыганский романс: «О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная! Душа полна такой тоской, а ночь такая лунная!» Несмотря на очевидный буржуазный декаданс, этот шансон в годы моего детства исполняли и в телевизоре, и на бесчисленных семейных посиделках. Так что слова и мотив были знакомы почти с рождения. Возможно, на жестких лавках приемного покоя, обитых суровым дерматином, мы встречались тогда с моим бессменным товарищем по репортажной жизни фотографом Александром Бурым, так как время от времени в связи с активной жизненной позицией посещали это лечебное заведение. Заведение с историей, между прочим. В конце XIX века в этих зданиях Иверская община русского Красного Креста открыла больницу для бедных, при которой построили храм

Иверской иконы Богоматери, сохранившийся доселе. Некоторое время помощницей почительницы служила Надежда Пушкина, внука великого поэта.

Из четырех храмов, стоявших некогда на Полянке, сохранились три. Упомянутая Иверская, церковь Успения Богородицы на углу с 1-м Казачьим переулком и церковь Григория Неокесарийского. Всякий храм интересен, но это!.. Средства на строительство каменной церкви рядом с древней деревянной, поставленной еще великим князем Василием II по возвращении из ордынского плена, выделил царь Алексей Михайлович Тишайший. Помимо денег государь отправил на строительство и обустройство лучших мастеров: Карпа Губу, Ивана Кузнечика, Степана Полубеса и Симона Ушакова. И дал наказ: «Прописать суриком в кирпич, стрелки у шатра перевить, и расписать бирюзой и белилами». Храм получился на загляденье, и московский люд прозвал ее «Красной». Не столько за цвет стен, сколько за удивительную красоту и яркость. Вопреки неписаному правилу царских венчаний,

Церковь Григория Неокесарийского на Большой Полянке. Двухэтажное здание оранжевого цвета рядом – церковная лавка, а ранее – пивной зал

требовавшему проводить церемонию только в кремлевских соборах, Алексей Михайлович повел жену Наталью Кирилловну под венец здесь, на Полянке. И сына Петра привез крестить сюда же. Мистика, скажете? Но ведь именно Петр I поломал столько правил и традиций московской жизни...

В 1812 году пожар палил Замоскворечье нещадно. Деревянных домов вовсе не уцелело. Облизывал огонь и каменные стены. По приказу Наполеона солдаты из Москвы-реки ведрами таскали воду к Неокесарийскому и поливали его красные

бока, чтобы не дать погибнуть шедевру, про который французский император сказал так: «Жаль, что не могу поставить его на ладонь и перенести в Париж». В советское время церковь закрыли и разграбили. В пришитом к ней служебном домике открыли пивную. И все-таки – не уничтожили. Хотя при расширении Полянки руки чесались. Но ограничились тем, что пробили в нижнем ярусе проход и протащили по нему новый тротуар. И явилась на свет единственная в России колокольня, под которой можно пройти.

Собор Святого Климента в одноименном переулке. Мимо него и Большая Ордынка, и Пятницкая тянутся

В разные советские пивные заносила судьба. В той, на Полянке, был единственный раз. Сильно не понравилось. Непременные атрибуты подобных заведений, естественно, имелись. Но не грязь, не банки вместо кружек, не злая пена в пивных автоматах вызвали желание уйти поскорее. Воздух там был настолько пропитан безнадегой, что было не по себе.

Чуть дальше в Полянку врезаются два переулка. Справа – 1-й Хвостов. В доме №3, обшитом синеватой керамической плиткой, располагалось некогда подворье Афонского Пантелеимонова монастыря.

С 1912 по 1917 год здесь в богадельне жили ветераны последней русско-турецкой войны. Напротив – очередное многоэтажное чудовище, которыми утыкали Полянку в XX веке. Тем удивительнее, что населили его людьми, попросту обязанными иметь чувство вкуса. Может быть, издевались? В обиходе здание называют «Домом артистов», а жили тут Михаил Ромм, Юлий Райзман, Ефим Дзиган, Александр Птушко, Григорий Рошаль, Борис Волчек, Дзига Вертов, Роман Кармен... Дом сдали, к слову, в 1937-м.

Обложенное синим кафелем бывшее здание подворья Афонского Пантелеимонова монастыря, оно же – богадельня для ветеранов Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Ныне – административное здание

Если перешагнуть через Полянку, ступишь в 1-й Казачий переулок. Под номером 8 стоит тут очаровательный деревянный домик, прикрытый старыми липами и постмодернистскими воротами. Нет-нет да и забредет сюда поклонник Марины Цветаевой, знающий, что жила она на Полянке около года после того, как вышла замуж за Сергея Эфрона. Деревянное чудо – единственное жилье на Казачьем, которое можно принять за старый купеческий дом начала XX века. Но все куда прозаичнее. Его построили только в 1925-м. А в 1912-м Цветаева и Эфрон приобрели другой дом, на углу Казачьего и Щетининского переулков. Вот что писала об этом сама Марина Ивановна: «...С мезонином, залой с аркой, садиком, мохнатым-лохматым двором и таким же мохнатым-лохматым дворовым псом, похожим на льва, – Османом. Дом мы с Сережей купили за 18,5 тысяч, Осман – в придачу – за 3 р.». Сейчас нет не только этого дома, но и никакого другого под этим номером. Впрочем, Цветаева это жилье не любила и довольно быстро от него избавилась.

За окнами «Дома артистов» рождались сценарии и режиссерские задумки могучего советского кино

ОРДА, ПОЧИТАЙ, СТОЛИЦА

С Казачьего можно выйти на Большую Ордынку, а далее по Иверскому переулку попасть на Ордынку Малую. Вот тут-то писательский дом сохранился в отменном виде. Прямо поцветаевски: с садиком, мохнатым-лохматым двором... Вот только нет пса-льва в садике, где стоит скромный бюст драматурга Александра Островского. А вместо Османа перемещаются от одного розового куста к другому строгие служительницы дома-музея главного писателя Замоскворечья.

На самом деле дом Островским не принадлежал. В 1823 году, когда будущий драматург появился на свет, родители снимали три комнаты в первом этаже. На месте, где установлен бюст писателя, стояла до 1931 года крохотная приходская церковь Покрова Богородицы в Голиках. В ней и служил хозяин дома, по совместительству – арендодатель. Кстати, дед писателя был священником, а мать – дочерью пономаря. Когда Саше исполнилось 3 года, семья переехала,

Музей Александра Островского находится в доме, где в 1823 году родился великий драматург

так как успехи в делах позволили стряпчему Николаю Островскому купить собственный дом. Через дорогу от музея стоит полная противоположность узорчатому и богатому красками храму Григория Неокесарийского – Никола в Пыжах. В допетровское время здесь квартировал стрелецкий полк Богдана Пыжова. Вот и все объяснение названию местности. Белый храм берет другим – он словно залитый нежным кремом празд-

ничный торт. А пять куполов на стройных барабанах, точно именнинные свечи, горят золотыми крестами.

На Большой Ордынке и церквей в достатке, и писательских мест. Я бы даже сказал, писательских гнезд. Стояло в начале улицы подворье купца Куманина. Усадьбу построили с размахом, но, что важнее, очень качественно. Двухэтажный дом с двумя крыльями надстроили еще тремя этажа-

Парадные ворота Куманинского подворья. Они пропускали Достоевского и Ахматову

Храм Николая
Чудотворца
на Малой
Ордынке.
Тот самый,
Николы
в Пыжах

ми, тяжелыми, из кирпича и бетона, а фундаменту хоть бы хны. В 1813 году тетка Федора Достоевского Александра Федоровна вышла замуж за владельца усадьбы Александра Куманина. «Петербург Достоевского» – это, благодаря гению писателя, не только литературное явление. Это и география, и социология, и, если угодно, метафизика. На этом фоне как-то забывается, что Достоевский родился в Первопрестольной и первые шестнадцать лет жизни провел в ней. Он часто бывал в гостях у своей тетки, проходя в ее покои через ворота мимо белых колонн, сохранных временем. Куманины помогли Федору Михайловичу получить образование и профессию военного инженера, участвовали деньгами в его издательских проектах. Есть версия, что и смерть писателя неким образом связана с теткой. В 1881 году, после смерти Александры Федоровны, Достоевский оказался среди наследников. Дележ наследства с родственниками проходил тяжело. После жесткого разговора с сестрой о судьбе рязанского имения Куманиной Федору Михайловичу стало плохо, и через два дня он скончался. На Куманинском подворье Федор Михайлович «поселил» Парфена Рогожина из «Идиота», а образ тетки вывел в романе «Игрок». При советской власти подворье надстроили и превратили в многоквартирный дом. В одной из них в 1938 году поселился писатель Виктор Ардов. Он был дружен с Анной Ахматовой, и та, бывая в Москве, частенько останавливалась на Ордынке. Гостила подолгу. Ардов как-то заметил, что в Куманинском подворье Анна Андреевна провела не меньше времени, чем дома в Ленинграде. В свою очередь, уже к Ахматовой приходили на Ордынку в гости Пастернак, Зощенко, Раневская, Бродский, Солженицын. Здесь с ней познакомился приемный сын Ардова Алексей Баталов. Во дворе

Памятник писателю Ивану Шмелеву в сквере его имени рядом с Третьяковской галереей

дома за историческим забором стоит небольшой памятник Ахматовой работы Владимира Суровцева.

За Скорбященской церковью от Большой Ордынки отваливается Ордынский тупик, упирающийся в сквер Шмелева, который, в свою очередь, выводит в Лаврушинский переулок, к Третьяковке. «Тупик» – это наследие прошлого, сегодня из него выходы в обе стороны. Бронзовые глаза Шмелева смотрят в направлении роскошного дворца Демидовых, где уже много лет находится Научная педагогическая библиотека имени Ушинского. Смотрят неслучайно: до революции во дворце, построенном в конце 1770-х годов Матвеем Казаковым по заказу промышленника Амоса Демидова, много чего было. Пышные демидовские балы, известный всей Москве салон приобретших дворец графов Соллогубов, лазарет для душевнобольных солдат и офицеров в годы Первой мировой. А вот с 1882-го по 1915-й здесь работала 6-я мужская гимназия, в которой писатель Иван Шмелев и учился. Вместе с режиссером Пудовкиным и артистом Хмелевым.

А за спиной Ивана Сергеевича – громада сталинского стиля, построенная в 1937-м и именуемая «Дом писателей». Писатели

Дворец Демидовых, построенный по проекту Матвея Казакова. Теперь – Научная педагогическая библиотека имени Ушинского

тут на самом деле жили. И замечательные писатели, для которых Сталин распорядился создать литературный микромир в Замоскворечье: Пришвин, Пастернак, Катаев, Пастернак, Ильф и Петров... Но среди прочих затесался и начальник репертуарного комитета Осаф Литовский. Поэтому Маргарита-ведьма прилетала в Ордынский тупик крушить квартиру некоего критика Латунского, так навредившего ее обожаемому Мастеру.

Во дворе писательского дома скрывается еще одно чудо старой Москвы – палаты думного дьяка Титова XVII века. Подвалы и подклет западной части маркируют 1650–1660 годами. Поразительный факт: до 1975 года

в палатах, превращенных в 9-квартирный дом в начале прошлого века, жили люди. После долгой реставрации палаты попали было в руки коммерческой фирмы, сдававшей помещения под офисы. Но с недавнего времени памятник архитектуры передан Российскому военно-историческому обществу. Точнее, медиапалате РВИО, как фиксирует свежая вывеска. С огласитесь, что-то новенькое по части терминологии.

Если вернуться через арку писательского дома в Лаврушинский переулок – вот она, Третьяковка. Говорить о которой, равно как и о ее отце-основателе Павле Третьякове, надо отдельно. Одно замечу: в начале Лаврушинского стоит внушитель-

Двор «Дома писателей», где стоят палаты стрелецкого полковника Титова

Вот такой дом-приют для вдов и сирот русских художников построили в Лаврушинском переулке по завещанию и на деньги мецената Павла Третьякова

Памятник Третьякову в главном дворе основанной им художественной галереи

ное здание красного кирпича без особых архитектурных изысков. Если б не огромные окна полукружьями – так чистый завод или казарма. Но жили в нем отнюдь не солдаты с работягами. На завещанные Третьяковым средства тут в 1912 году построили и открыли приют для вдов и сирот русских художников. Галерея галереей, а о людях великий благотворитель тоже не забывал.

Если же вернуться на Большую Ордынку, то от поврежденного Маргаритой дома выйдешь аккуратно к церкви во имя иконы «Всех скорбящих радость», которую – совсем забыл – строил в конце XVIII века Василий Баженов и восстанавливал которую в 30-е годы века XIX Осип Бове.

Происхождение названия «Ордынка» трактуют по-разному. Кто-то считает, что местность названа потому, что здешняя дорога напрямую вела в Орду.

Кто-то говорит о том, что в этих местах селилось много выходцев из Орды. Кто-то уверяет, что это были не столько выходцы, сколько выреченные из ордынского плена подданные московских великих князей. В любом случае от Орды никуда не деться. А что такое орда? По Далю – племя, народ. По Ушакову – палатка хана. По Ожегову – ставка хана, по сути – столица, скопище. И ведь правда – скопище! Удивительных домов и удивительных людей. Среди непомянутых – Марфо-Мариинская обитель, ее основательница великая княгиня Елизавета Федоровна и Михаил Нестеров, расписывавший тамошний храм; Кадашевская слобода с церквами Вознесения Христова и Черниговских чудотворцев князя Михаила и боярина Федора, а также – с реставрируемыми нынче палатами XVII века; скульптор Вячеслав Клыков и

его мастерская. Где-то здесь жил рожденный талантом Лермонтова удалой купец Калашников, вышедший биться на Москву-реку против обидевшего жену молодого опричника. Об этих местах писал знавший их Михаил Юрьевич в поэме «Сашка»: «Давно когда-то, за Москвой-рекой, на Пятницкой, у самого канала, заросшего негодною травой, был дом угольный; жизнь играла меж стен высоких...» Но о Пятницкой улице, равно как и о других – в следующий раз.

Пушкин – это наше все. И – везде. Судя по всему, сам он в Замоскворечье не бывал. Но висит в Третьяковской галерее самый знаменитый его портрет – кисти Ореста Кипренского от 1827 года. Писанный в Фонтанном доме графов Шереметевых на Фонтанке в Петербурге. А в Северной столице в Пушкинском музее на Мойке хранится портрет Александра Сергеевича, исполненный в Москве в том же, 1827 году Василием Тропининым. Музей художника по странному стечению обстоятельств находится в Замоскворечье, в старинной усадьбе купцов Петуховых в Щетининском переулке, между Большой Полянкой и Большой Ордынкой. Да, Пушкин, он такой...

Продолжение следует.

НЕУДОБНЫЕ ЛЮДИ

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

«НЕУДОБНЫЕ ЛЮДИ» – ГОВОРЯТ О ТАКИХ, КАК НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КОРШУНОВА. ОНИ ВРАТЬ НЕ УМЕЮТ, А ПРАВДУ В ГЛАЗА СКАЖУТ, А ЭТО ВЕДЬ ТАК НЕУДОБНО...

«С КРОМНЫЙ ВОИН Божий», – представил мне Наталью Васильевну директор Шиловского краеведческого музея Александр Гаврилов, когда я вошла к нему в кабинет.

За столом сидела маленькая пожилая женщина в платке, с молодыми, живыми глазами. Около стены стояло инвалидное кресло. Я не обратила на него внимания, не понимая, что это и есть то самое «ружье», которое обязательно «выстрелит».

Наталья Васильевна активный и верный помощник Александра Гаврилова. Она на обще-

ственных началах занимается историей церкви Шиловского района. Ищет информацию – как, когда и кем строились храмы, кто в них служил, когда они закрывались и восстанавливались, собирает духовные стихи. Благодаря ей недавно вышла книга «Духовные стихи Шиловского района». Еще Наталья Васильевна составляет православные синодики – книги памяти, куда записывают подвижников благочестия, монахов, священников, простых людей, пострадавших за веру, в общем, всех тех, кто хранил «лампаду» православия во времена советской

власти. А два года назад благодаря ей в городе появился новый храм.

Ради того чтобы познакомиться с Натальей Васильевной и узнать, как удалось ей «поднять» такую организационную глыбу, я и приехала в Шилово – маленький городок в Рязанской области.

– Я решила батюшкам в руки деньги не давать, а сразу «определить на место». Собирала с миру по нитке. Сама тоже жертвовала, но я много не могу – пенсия у меня маленькая, – рассказывает Наталья Васильевна. – Как набралась нужная сумма, сразу купила все, что необходимо в алтарь. А мне говорят: «Ты не лезь никуда сама. Берешь и не спрашиваешь, что надо». А как же я не спрашиваю, я же знаю, что надо! Я не первый день в церковь-то хожу. У меня же все церковные в роду – и бабушка, и мама, и отец.

ПЕЛАГЕЯ

Пелагея Акимовна Гранаткина, бабушка Натальи Васильевны, родилась в Шилове, на Касимовской улице. Помимо нее в семье было еще пять дочерей и сын. Жизнь и так была не из легких, но со временем проблем прибавилось. Девочки все как на подбор красавицы, но, чтобы выдать их замуж, нужно приданое. А семья еле-еле сводила концы с концами, о том, чтобы что-нибудь скопить – не было и речи.

– В Сибири жила баба Арина, сестра прадеда. И моя прабабушка, Феоклита Егоровна, ездила к ней, – вспоминает Наталья Васильевна. – У бабы Арины не было детей, и она собирала приданое для своих племянниц. Передавала им красивые платья с рюшечками и даже золотые серьги, цепочки, кресты. Девушки, повзрослев, сами начинали готовить себе приданое. – Помню, у бабушки было полотенце, и на нем она вышила крестиком фразу: «Я сидела, вышивала, слезы капали из глаз, я вздохнула и сказала: «Только миленький для вас». Я так смеялась! Такие надписи раньше делали специально для замужества.

Замуж Пелагею выдали в соседнюю деревню Новоселки. Сейчас это район Шилово, а тогда она была намного крупнее села, ставшего сегодня районным центром. Муж Пелагеи, Григорий, жил в работниках при дворе богатого крестьянина. Мать Григория умерла при родах. Отец вскоре вновь женился, и новая жена настояла, чтобы ребенка отдали в батраки богатому односельчанину. Так мальчик провел свое детство и юность. Его хозяин делал колбасу. Этому он обучил и своего работника. Когда Григорий повзрослел, его стали посылать торговать на базар. Однажды зимой на дороге на него напали волки. Он от них отбивался... колбасой. До ярмарки товар не довез – весь скормил хищникам, но зато спас и себя, и лошадь. Хозяин его поступка не

Игуменья
Параскева

оценил и заставил отработывать всю потерянную колбасу.

Пелагея любила другого, а с выбранным родителями женихом даже не была знакома. Пошла за Григория против своего желания. Прожили они вместе недолго. Родились сын и дочь, наступил 1917 год... Во время Гражданской войны где-то в Сибири Григорий погиб.

– Друзья, которые с дедом воевали, рассказывали, что его, раненного, везли в госпиталь и по дороге он умер. А уж за кого он там сражался – не знаю, – говорит Наталья Васильевна.

После смерти мужа Пелагея больше не вышла замуж. Ее сын умер в 3 года, и все свои силы она отдавала дочери.

Наталья
Васильевна –
постоянный
участник
этнографических
экспедиций
Шиловского
краеведческого
музея

БАБУШКИНА ТАЙНА

После революции Пелагея оказалась единственным грамотным человеком в селе, поэтому ей предложили стать председателем колхоза. Она отказалась.

Про нее говорили: «Пелагея – труженица». Домашние не видели, как она вечером ложилась спать, а утром – вставала. Едва светало, а она уже ухаживала за скотиной. Подоив корову, шла работать в огород. Затем принималась за домашние дела. Убирала, стирала, варила, пекла, вязала, шила. Много читала, но только религиозные книги. По ним она и учила внучку. Наталья еще не ходила в школу, а уже бойко читала Псалтырь и писала на старославянском языке.

Пелагея часто ходила в церковь в Срезнево и брала с собой Наташу. Там хранился чудотворный образ Божьей Матери «Споручница грешных». В те годы в районе действовали только две церкви – в селах Срезнево и Санском. Транспорт не ходил, поэтому все 30 километров шли пешком.

– Тогда это запрещали, но бабушке было все равно. Она ни на кого не обращала внимания, – вспоминает Наталья Васильевна. – О наших походах часто узнавали, люди тогда следили друг за другом и чуть что – докладывали. Учителя в школе

ругались, но бабушка защищала меня: «Она не виновата!» Пелагея была яркой женщиной – выше среднего роста, плотная, крепкая, сильная. Никуда, кроме церкви, не ходила – ни в кино, ни на праздники или гулянья. Одевалась аккуратно, но всегда носила черную одежду – кофту, юбку, платок.

– Я говорила: «Баба, давай купим тебе платье, какое-нибудь цветное», – рассказывает Наталья Васильевна. – А она отвечала: «Мне не положено, мне надо только в черном ходить до конца моих дней». А потом выяснилось, что она тайная монахиня, бабушка всю жизнь это скрывала.

Когда в 1920-х годах начали закрываться окрестные монастыри, гонимые монахи и монашки стали приходить в Срезнево. Там настоятелем храма Казанской иконы Божьей Матери был отец Филарет. Он организовал тайный монастырь и собрал под своим крылом больше 150 иноков и инокинь. Здесь тайно приняла постриг и Пелагея, став духовной дочерью старца Филарета. Ему тогда было 40 лет, но старец – это не показатель возраста, это состояние души. К нему отовсюду шли люди. Кто за помощью, кто за советом. На службы в Срезнево стекались верующие со всей округи. В день празднования иконы «Споручницы грешных» около церкви собралось более 8 тысяч человек. Все это не осталось незамеченным. Отца Филарета арестовали. Ему приписали создание контрреволюционной группировки «Филаретовцев» и, приговорив к пяти годам лагерей, отправили на строительство Беломорканала. А после отбывания срока отцу Филарету запретили возвращаться в Срезнево, но он все-таки тайно приехал. Затем уехал в Тверь, где его вновь арестовали, приговорили к трем годам заключения и сослали в лагерь особого режима в Сибирь, где он вскоре умер. Сейчас Филарет Срезневский причислен к лику священномучеников.

Тайная монахиня Пелагея избежала ареста. Она жила дома, ходила в церковь, собирала духов-

Причастие
в церкви
Казанской иконы
Божьей Матери
в Срезневе

ные стихи и старалась помогать людям. «Не ходи туда, где пляшут и песни поют, а иди туда, где плачут, и там помоги, – учила она внучку. – Спешу делать добро. Однажды посмотришь – жизнь прошла, а ты ничего не сделала».

ПОДПОЛЬЩИКИ

– Мама, мне страшно, нас всех посадят, – говорила Наталья.

– А ты тверди, что ничего не видела и не знаешь. Если посадят, то нас с бабушкой, – отвечала ей мать.

А бояться было чего. Шилово – городок маленький, все друг у друга на виду. А тут в течение пятнадцати лет несколько раз в месяц по ночам в небольшом деревянном доме с голубыми наличниками действовала тайная церковь. Здесь служили, соборовали, крестили и причащали. Приходил настоятель срезневского храма

протоиерей Георгий. Из Срезнева шел пешком, в гражданской одежде, с небольшой котомкой за спиной, где лежало все необходимое для службы.

– Отец Георгий был настоящим батюшкой. Бессребреник.

Сколько дадут за крестины, почти все людям раздавал. Таких, как он, сейчас уже нет, – вспоминает Наталья Васильевна.

Обычно о времени своего прихода он сообщал заранее Пелагее, а та уже оповещала односельчан. К приходу священника тщательно мыли пол. Иконы в доме всегда висели, их никто никогда не прятал. На службу обычно собиралось по 15–20 прихожан. Тогда боялись открыто крестить своих детей в церкви, поэтому делали это тайно, в доме Пелагеи. Каждому заранее назначали время. Заходили по одному, остальные ждали своего часа, спрятавшись в кустах на улице. За ночь успевали окрестить троих-пятерых ребятишек. Воду грели заранее, доставали тазик с нарисованной веткой сирени, купленный специально для крещения. Он до сих пор хранится в доме как память – для хозяйственных дел его не используют.

– Наташа, прими ребенка на руки, – просил священник Наталью Васильевну.

– Батюшка, да куда ж мне этих крестников? Они же тайные. Я их не знаю, а за них надо молиться, – возражала она.

Наталья
Коршунова
в детстве
со своей семьей

– Мы соберем правление и уволим тебя с работы!
– Как будет, так и будет. На все воля Божья.
Наталья ответила смело, а сама, конечно, переживала и боялась.
– Зачем ты созналась? Ответила бы, что это неправда, мало ли кто и что сказал! Уволят же, – упрекали ее подруги.
– Зачем я буду врать? Я сказала, как было, – отвечала им Наталья. На следующий день собрали партком. Коллеги защищали Наталью: «Мало ли куда кто ходит! Разве она преступление совершила? Она хорошо работает. У нее одни грамоты! Она передовик!...»

Благодаря своим заступникам Наталья легко отделалась. Ей дали выговор, лишили тринадцатой зарплаты и премии. Спустя несколько лет Наталья встретила в срезневском храме судившего ее парторга. Не выдержала, подошла.

– Ну что, Клавдия Ивановна, тоже стали молиться? Молитесь, молитесь, вы испортили жизнь многим людям.

– Да ладно тебе, Наташ, что было, то прошло. Ты уж прости меня ради Христа!

– Да я-то уже давно простила. Бог пусть тебя простит, – ответила ей Наталья.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

В советские годы в шиловской церкви Успения Пресвятой Богородицы, построенной в XIX веке, размещалась пилорама, потом – котельная. В середине 1990-х годов ее отдали верующим. Жители собирали деньги на ее реконструкцию, отмывали и ремонтировали всем миром. Вся семья Натальи Васильевны ходила туда: и ее отец, и мать, и муж, и дети. Тем же составом помогали в строительстве музея филолога Измаила Ивановича Срезневского в селе Срезневе, затем – в восстановлении краснохолмского Крестовоздвиженского монастыря. Собирали средства, необходимые вещи, возили их, сажали картошку, искали спонсоров – в общем, помогали как могли.

– Ты молишься за других, вот и за этих тоже будешь молиться, – настаивал отец Георгий.

Несли крестить детей в основном врачи, учителя, а также... комсомольские и партийные работники.

Наталье везло – ее всегда окружали хорошие люди. За все пятнадцать лет, пока шли тайные службы в их доме, никто на них не донес.

После окончания школы она уехала учиться в Пензу. Там жила монахиня, с которой дружили ее мама и бабушка, – матушка Параскева. Она приняла постриг в Иерусалиме, затем вернулась в Россию. Ее называли «прозорливой». Мать Параскева задолго до начала Великой Отечественной предупреждала, когда начнется и кончится война. Предсказывала, у кого близкие погибнут на фронте, а у кого – вернуться. Лечила людей. После закрытия монастырей игуменья Параскева скрывалась от НКВД. В хрущевские времена многих монахов отправляли в сумасшедшие дома – считалось, что только психически нездоровый человек может верить в Бога. Эта практика существовала и в брежневские годы, только в несколько «сглаженном» виде. Многие, кого мать Параскева спасла, потом прятали ее, оберегая от заточения и «передавая» друг другу из дома в дом, из города в город.

Всю жизнь подвижница ходила в лаптях, с небольшой котомкой за плечами. Под конец жизни монахиня ослепла. Благотетели, которых она вылечила, забрали ее в Пензу, и матушка у них жила до конца жизни. Она умерла через полгода после приезда Натальи на учебу.

Наталья после окончания Пензенского техникума вернулась в Шилов и устроилась технологом в Райпотребсоюз. Работа напряженная и нервная. Все время с людьми, к тому же приезжали одна комиссия за другой – проверяли качество и калорийность блюд на вверенных ей предприятиях.

Однажды Наталья на Троицу поехала в церковь в Рязань. Кто-то об этом доложил начальству. На утро ее вызвали в партком.

– Ты в церкви была?

– Да, была.

Церковь
Рождества
Пресвятой
Богородицы
конца XIX века
в селе Боровом,
где родилась
мать Параскева

Церковь
Преображения
Господня
в Шилове

Но самое любимое и выстраданное детище Натальи Васильевны – это новоселковская церковь. – Помню, пурга, мокрый снег слепит глаза. Крупные хлопья стеной падают и тут же тают. С бревен капает вода, но мы все равно строили, – рассказывает Наталья Васильевна Коршунова. – Средств у нас не было, поэтому все делали своими силами. Работали и мой муж, и двое сыновей. Рыли котлован под фундамент, месили цемент, таскали кирпичи. Когда-то ведь на этом месте тоже церковь стояла. Преображенский храм появился в Новоселках еще в XIX веке. Строили его долго, 25 лет, зато получился он большим и удивительно красивым. Белые каменные стены и высокая колокольня были видны издалека и украшали старинное село. После революции собор признали памятником архитектуры федерального значения. В 30-е годы должна была приехать комиссия, чтобы придать зданию статус музея. Это бы спасло его от разрушения и размещения в нем каких-либо производств или складов. Местные власти решили, что к ним едут разбираться, почему «оплот царизма» до сих пор не уничтожен. В ту же ночь пригнали трактора и разрушили церковь. Комиссия приехала, а на месте храма – пустота. Вокруг собора находилось сельское кладбище. Прямо у его стен возвышались два памятника и деревянный крест. Один из памятников поставили установителю новоселковского и шиловского храмов Ивану Колемину, другой – Вере Селивановой, супруге известного историка, археолога, коллекционера Алексея Селиванова. Она держала в своем доме литературный салон, где собирался весь окрестный бомонд, – читали стихи, философствовали, спорили, пели, музицировали... А деревянный крест установили на могиле молодой девицы Валерии Тухтаровой, случайной жертвы революции. В 1918 году местные крестьяне разрушили усадьбу ее дяди, новоселковско-

Наталья Васильевна из тех людей, которые не могут ничего не делать и сидеть на одном месте

го помещика Тухтарова. Самому хозяину удалось сбежать, а вот его племянницу, жившую у него по бедности, убили.

Постепенно старинное кладбище пришло в запустение, и во время Великой Отечественной войны его сравнивали с землей. Недалеко находилась школа, поэтому на его месте устроили спортплощадку для занятий физкультурой.

– Мама с бабушкой очень переживали, когда разрушили храм. «Мы по нашим предкам ходим, а ангелы тут стоят и плачут», – говорили они. Вот я и дала им слово, что когда-нибудь мы тут все возродим, – говорит Наталья Васильевна.

В 2002 году на месте разрушенного храма решили поставить часовню. Привезли плиты и... на этом все и закончилось. Дальше попытки и благих намерений дело не пошло.

– В 2009 году у меня начались видения, тяжелые сны. Я поняла – раз дала матери и бабушке слово, надо его выполнять, – продолжает Наталья Васильевна. Она вместе со старшим сыном, Андреем, начала ездить по инстанциям. Писала куда только могла – просила дать разрешение на постройку храма. Собирала подписи и средства на

строительство церкви. Наталья Васильевна беседовала с жителями, уговаривала, объясняла, просила, убеждала... Самостоятельно передвигаться она тогда уже не могла, только в инвалидном кресле. Наталья Васильевна инвалид первой группы. Около двенадцати лет назад она неудачно упала и повредила ногу. Походы по врачам ничего не давали – с каждым днем ей становилось все хуже и хуже. Она уже почти не могла ходить, только по дому, с трудом, по стенке, с палочкой или с чьей-то помощью. Хотя ее близкие и сами нуждались в поддержке. Муж по зрению инвалид третьей, а старший сын, Андрей, инвалид второй группы. Единственный здоровый человек в семье – младший сын, Михаил, он тянет всех. А много ли вытянешь на провинциальную зарплату? Да и с работой в российской глубинке плохо...

Через некоторое время врачи признали, что лечение было неправильным и теперь необходимо делать операцию. Денег на платную операцию не было, поэтому Наталья Васильевна встала в очередь на квоту и продолжила собирать подписи и средства на строительство храма. Многие не верили, говорили: «Ничего у тебя не получит-

ся! Ничего ты не добьешься!» Другие ругались: «Ты дурью маешься!» Кто-то смеялся, а были и такие, кого энтузиазм пенсионерки раздражал. Но она ни на кого не обращала внимания. Вместе со своими помощниками напечатала объявления и развесила их по городу, изготовила буклеты и разносила их по организациям – искала спонсоров. Разъезжала в своей инвалидной коляске по домам, в общем, собирала с миру по нитке. Нашли приблизительное место, где стоял разрушенный храм.

– Мой сын Андрей и директор краеведческого музея Александр Гаврилов ходили с щупами, обследуя каждый сантиметр земли, – вспоминает Наталья Васильевна. – И наконец нашли часть фундамента. Теперь мы знали, где именно будем строить.

Вскоре выяснилось, что на эту территорию есть еще претенденты. Землю хотели передать в частную собственность и на месте бывшей церкви построить магазин и кафе с танцплощадкой. «Как же так, на костях плясать, это же совсем нехорошо», – подумала шиловская энтузиастка и стала добиваться своей цели с удвоенной энергией. Чтобы хоть как-то застолбить за храмом землю, стала просить разрешения установить на месте старого кладбища и храма поклонный крест. Но, обив пороги и ничего не добившись, пенсионерка решила действовать на свой страх и риск.

Крест пожертвовала фирма ритуальных услуг, на ограду собрали деньги у прихожан, завод железобетонных изделий подарил для украшения несколько вазонов. Созвали друзей и знакомых. Те пришли вместе с детьми и внуками, привезли кран. Вырыли яму, засыпали щебенку, залили цемент – в общем, установили крест по всем правилам. Приехало начальство.

– Разрешения на крест не брали? Снесите его!

– Не будем сносить, – закричали жители, закрыв крест жилой стеной. – Не подходите! Не дадим!

Плюнули чиновники, ушли, пообещав, правда, вернуться. А Наталья Васильевна с друзьями подумали и позвали на помощь телевидение из Рязани. Всем объявили о времени приезда съемочной группы. Но никто не пришел, кроме Натальи Васильевны, нескольких верующих и директора краеведческого музея Александра Гаврилова. – Александр Петрович рассказал про снесенную церковь. А потом обратился ко мне: «Наталья Васильевна, теперь вы говорите, больше некому». А я думаю: «Ой, мама родная, что

Памятный крест установлен на месте старинного кладбища и разрушенного Преображенского храма

Пирожки Натальи Васильевны славятся, она их делает по рецепту своей прабабушки

делать-то? А вдруг не так скажу? Я же не готовилась. Попросила его: «Ты стой и маши мне, правильно ли я говорю», – смеется Наталья Васильевна. – Нас долго снимали, а показывали пять минут.

Но потом все завертелось и пошло как по маслу. Начальство, поставленное перед фактом, вынуждено было одобрить инициативу. Крест благословили и освятили. Местная администрация выделила землю...

Сначала думали поставить маленькую часовенку, а построили большой деревянный храм с колокольней.

Наталье Васильевне хотелось все время быть на стройке, видеть, как растет ее храм, но это ей уже было не по силам. В основном она работала дома, на телефоне. Обзванивала людей, просила пожертвовать средства на строительство церкви или оказать физическую помощь.

– Я бы купол и крест сделала побольше и получше, но меня никто не слушал, – сетует подвижница. – Ну, ничего, главное – построили!

Храм освятили в 2013 году. Каждое утро и вечер звучат над Новоселками колокола, проводятся службы, здесь крестят детей и венчают влюбленных. Верующие гордятся и радуются новому храму, и мало кто задумывается, что он появился во многом благодаря энергии и настойчивости Натальи Васильевны Коршуновой, пожилой женщины в инвалидном кресле, добившейся разрешения и собравшей средства на его строительство. А сама подвижница не унывает, по-прежнему надеется, что ей сделают операцию и она когда-нибудь будет ходить. И хотя с ногой все больше проблем, планы у пенсионерки большие. Восстановить памятник устроителю разрушенной церкви, поставить крест расстрелянной во время революции девице. Возвести рядом с деревянной каменную церковь – как она и обещала матери и бабушке. Ведь обещание, если дал, надо выполнять.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЯТЫНИ

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ / РИА НОВОСТИ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ИЮЛЕ ГОРОД ТИХВИН СТАЛ ЦЕНТРОМ ПРИТЯЖЕНИЯ ДЕСЯТКОВ ТЫСЯЧ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН СО ВСЕЙ РОССИИ И ИЗ МНОГИХ ДРУГИХ СТРАН. ЗДЕСЬ СОСТОЯЛОСЬ ПРАЗДНОВАНИЕ 500-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ УСПЕНСКОГО СОБОРА ТИХВИНСКОГО БОГОРОДИЧНОГО УСПЕНСКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ, ПРИУРОЧЕННОЕ КО ДНЮ ЯВЛЕНИЯ ТИХВИНСКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ. ГЛАВНАЯ СВЯТЫНЯ МОНАСТЫРЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ БЫЛА ПОХИЩЕНА ГИТЛЕРОВЦАМИ И УВЕЗЕНА В ПРИБАЛТИКУ, ЗАТЕМ ЕЕ ПЕРЕПРАВИЛИ В АМЕРИКУ, И ТОЛЬКО В 2004 ГОДУ ИКОНА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ БЫЛА ВОЗВРАЩЕНА В МОНАСТЫРЬ. НАШ РАССКАЗ – О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ПОМОГ ВЕРНУТЬ ОДНУ ИЗ САМЫХ ПОЧИТАЕМЫХ В РОССИИ СВЯТЫНЬ.

В ЖИЗНИ КАЖДОГО человека случается свой звездный час. Или минута славы, кому как повезет... В жизни скромного рижского предпринимателя Карлиса Зариньша было целых пятьдесят часов, которые он считает самыми важными в своей судьбе. В Латвии он известен как человек, который помог вернуть в Россию чудотворную Тихвин-

скую икону Божией Матери. В России его поминают добрым словом в Тихвинском Богородичном Успенском мужском монастыре, куда он частенько приезжает в гости. Каждый раз, глядя, как невероятно преобразилась обитель, еще недавно стоявшая в полном запустении, он ощущает на душе удивительную радость и теплоту. И, конечно, вспоминает, как это было...

ЗАБРОШЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ

В конце 90-х годов Карлис по хозяйственным делам много колесил по Ленинградской области. Как-то в городе Тихвине Зариньш зашел в местный краеведческий музей, который находился на территории старого Успенского мужского монастыря. Директор музея рассказала гостю из Латвии историю этой обители и познакомила с настоятелем монастыря игуменом Евфимием.

«Сам я крещен в лютеранской вере, но я не могу назвать себя человеком глубоко верующим, церковным. У меня свои взаимоотношения с Богом, – рассказывает Карлис. – Но когда я увидел, в каких спартанских условиях здесь живут монахи, то в моей душе возникло огромное уважение к этим людям. Вместе с игуменом Евфимием в 1998 году здесь обитало еще пять-шесть монахов. Представляете, у них не было вообще ничего – жили тем, что приносили местные жители! Каждый день монахи обходили дворы и собирали гранитные плиты, кирпичи, доски, пытаясь хоть как-то обустроить свою обитель. Особенно тяжело им приходилось зимой: они спали на столах, укрывшись старыми матрасами, а морозы-то здесь бывали и под сорок градусов!»

Тронутый мужеством и терпением этих людей, рижанин решил помочь бедствующей монастырской братии. Да и подружился он с ними, особенно с отцом Евфимием, рассказы которого мог слушать часами, попивая в его келье ароматный чаек с ржаными сухариками – самым любимым лакомством обитателей монастыря. В один из своих приездов Карлис привез новым знакомым в подарок два отопительных котла, которые и по сей день здесь исправно работают. В тот год монахи впервые за долгое время зимовали в тепле.

И вот как-то, во время очередных посиделок за чаем, игумен Евфимий рассказал Карлису горестную историю Тихвинской чудотворной иконы Богородицы, которая во время немецкой оккупации в 1941 году была похищена из монастыря вместе с другими старинными образами. Сначала она попала в Псков, затем – в Ригу, оттуда – в Европу, а после войны православная святыня нашла приют в Чикаго. Но с тех самых пор не было в Тихвинской монастырской обители счастливой жизни, а с годами сам храм пришел в полное запустение...

По преданию, образ Путеводительницы был написан еще при жизни Богородицы евангелистом Лукой. На Руси икона появилась, как свидетельствуют «Сказания о Тихвинской иконе Богородицы», в конце XIV века в Новгородских землях. Она являлась жителям городов и деревень, пока не оказалась на берегу реки Тихвинки. Здесь, на месте ее последнего явления, и была построена церковь Успения Богородицы, ставшая местом хранения святыни.

На Руси икона прославилась своей целительной силой, за что ее и называли чудотворной. До революции даже была издана книга, в ней зафиксированы тысячи свидетельств исцелений и спасений, которые случались благодаря Тихвинской иконе. Помолиться ей в Тихвин не раз приезжали и русские самодержцы.

Карлиса Зариньша история Тихвинской иконы Богородицы за-

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВ / РИА НОВОСТИ

интересовала прежде всего потому, что в ней фигурировали Рига и два латыша – православный епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) и его приемный сын протоиерей Сергей Гарклавс. Именно эти два человека в 1944 году, спасая уникальную реликвию, вывезли икону тайком из Латвии: сначала в Польшу, потом в Чехию и Германию... В 1949 году по приглашению Американской православной церкви владыка Иоанн выехал из Берлина в Нью-Йорк. Вместе с ним на чужбину отправилась и чудотворная икона, надежно спрятанная под одеждой на спине у Сергия Гарклавса, которому тогда едва минуло 16 лет...

Икона
Тихвинской
Божией Матери
в Тихвинском
Богородичном
Успенском
мужском
монастыре

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

8 июля 2004 года.
Протоиерей
Сергий Гарклавс
(США) и Карлис
Зариньш
(Латвия)
в Успенском
храме в Тихвине

В НАДЕЖДЕ НА ПОМОЩЬ

«Рассказ игумена долго не выходил у меня из головы, – вспоминает Карлис Зариньш. – Захотелось сделать все возможное, чтобы чудотворная икона снова вернулась в Тихвинский монастырь. Я по характеру такой человек, что не люблю отступать, а тут еще в душу запала мысль: раз уж икона была вывезена из России через Латвию, то и возвращаться ей лучше всего через нашу страну. Решил разобраться, в чем же тут был камень преткновения». А камней на самом деле оказалось великое множество!.. Чтобы преодолеть все преграды и выполнить все условия, понадобились долгие три года, да и трудиться пришлось не покладая рук, в буквальном смысле слова.

Отец Иоанн, долгие годы служивший архиепископом Чикаго-Миннеаполисской епархии Американской православной автокефальной церкви, скончался в 1982 году. Умирая, он завещал своему приемному сыну Сергию, настоятелю местного Свято-Троицкого собора, вернуть чудотворную святыню в Тихвинский монастырь при условии, что в России больше ничто не будет угрожать православию, а сама Успенская обитель будет восстановлена.

В конце 90-х годов отец Сергей, стремясь выполнить волю своего приемного отца и наставника, приезжал в Тихвин. С грустью посмотрел он, в каком бедственном положении находится Успенский монастырь, и решил, что о возвращении сюда иконы пока речи быть не может. Но монахи Успенской обители продолжали верить и собирать камни, надеясь на помощь Бога.

И помощь пришла. Предложил ее гражданин Латвии, ставший большим другом тихвинских монахов. Игумен Евфимий благословил Карлиса и выдал доверенность на право действовать в этом святом деле от его имени. Переговорив с отцом Сергием и также заручившись его доверенностью, Зариньш взялся за

выполнение нелегкой миссии, которая, по его словам, стала самым важным делом его жизни. Как человек обстоятельный и системный, он разработал подробную программу возвращения иконы. И начал действовать. Вел переговоры с главами Американской и Латвийской церквей, общался с российскими энтузиастами и единомышленниками. Как заверяет Карлис, в какой-то момент он вдруг ясно понял, что ничего невозможного нет. И вот что интересно: с этой минуты, за что бы он ни брался, к кому бы ни обращался за помощью и содействием, все у него получалось с первой же попытки. И никто, ни один человек, не отказал ему в помощи.

Монахам предстоял титанический труд по восстановлению монастыря. Прослышав, что для возвращения чудотворной иконы Тихвинскому монастырю нужна помощь в реконструкции храма, сюда потянулись не только тихвинцы, но и жители Санкт-Петербурга и других российских городов и поселков. И работа закипела. Альпинисты-добровольцы часами висели на веревках и красили фасад, строители укладывали кирпичи... Кто не мог лично участвовать в стройке, помогал стройматериалами, оборудованием, техникой, деньгами. Карлис был свидетелем того, как в монастырь приезжали солидные с виду мужики и передавали игумену пачки долларов на ремонт храма, отказываясь называть свои имена. И все ради того, чтобы чудотворный образ, о котором здесь все были наслышаны, смог вернуться в Россию. Когда Зариньш рассказывал американцам, как люди своими руками возводят стены монастыря, они изумлялись и сомневались. «А я им говорил: да, в Америке такое было бы невозможно, вы правы! У нас в Латвии это стоило бы бешеных денег, а в России сделают! — со смехом вспоминает Карлис. — Эти слова мне потом многие припоминали, а сначала — не верили! Но русские люди все сделали — за три года Успенский собор был полностью восстановлен и стал даже красивее, чем был когда-то!»

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ / РИА НОВОСТИ

Тихвинский
мужской
монастырь

Сам Зариньш взял на себя все организационные работы. В Риге была создана комиссия по встрече чудотворной иконы под председательством митрополита Рижского и всея Латвии Александра. Было принято решение, что на пути из Америки драгоценная реликвия сделает три остановки: в Риге, Москве и Санкт-Петербурге, чтобы люди могли поклониться святому образу. После чего чудотворная икона на вечные времена должна занять свое место в Успенском соборе Тихвинского монастыря. Маршрут был распisan буквально по часам.

ПЯТЬДЕСЯТ ЧАСОВ

Как потом подсчитал Карлис Зариньш, на которого была возложена вся организационная сторона мероприятия, в Латвии чудотворная икона пробыла с 21 по 23 июня 2004 года, в общей сложности пятьдесят часов. Для охраны реликвии, доставленной в специальном бронированном сейфе, было выделено более 200 сотрудников государственной и муниципальной полиции, привлекли и сотрудников частного детективного агентства. «Больше всего я боялся каких-то недо-

ИГОРЬ РУССАК / РИА НОВОСТИ

8 июля 2015 года. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на торжественном мероприятии, посвященном празднованию 500-летия Успенского собора Тихвинского Богородичного Успенского монастыря

ся православный Синод во главе с патриархом Алексием II. Из разных стран и регионов прибыло не менее 20 митрополитов, присутствовали руководители области и города, монахи, приглашенные гости и все жители Тихвина – от мала до велика. Приложившись к святому образу, патриарх не смог сдерживать слез, так он был взволнован... Президент России Владимир Путин также приехал в монастырь поклониться Тихвинской Богоматери. Настоятели храма представили Карлиса Зариньша российскому лидеру, рассказав о его вкладе в святое дело. А вечером на большом приеме в монастырской трапезной состоялось торжественное награждение духовных и светских лиц, помогавших возвращению Тихвинской иконы в Россию. Ордена от Русской православной церкви получили американские священники, меценаты, строители, латвийский консул, а также Карлис Зариньш.

«Вручая мне орден Святого благоверного князя Даниила Московского, патриарх сердечно поблагодарил меня за содействие, – вспоминает он. – Я ответил, что это был мой долг христианина. А через несколько лет уже в Риге на приеме в честь первого в истории визита патриарха в Латвию, увидев меня, Святейший сказал: «А вот мой друг-христианин Карлис Зариньш!» Конечно, мне было очень приятно, что он был так добр ко мне и запомнил мое имя... Сегодня я понимаю – будь мне в жизни отпущены только эти пятьдесят часов, я все равно не пожалел бы, что родился...». За минувшие годы в Тихвинском монастыре собралась увесистая папка с рассказами и свидетельствами чудесных исцелений после обращения за помощью к чудотворной иконе уже после ее возвращения из Америки. Значит, и впрямь рада Богородица своему возвращению на родную землю, которого ждала она в изгнании долгих шестьдесят лет... ■

разумений и диверсий, поэтому на пути следования иконы от аэропорта до кафедрального собора ее охраняли бойцы спецподразделений, мы даже снайперов сверху поставили, – рассказывает Зариньш. – Ни одна страховая компания не взялась застраховать святыню, поскольку ее историческая и духовная ценность была слишком велика. Но, слава богу, все обошлось благополучно!» Как потом сказал Карлису отец Сергей Гарклавс: «Царица Небесная сама выбирает, сама помогает и охраняет. Если бы она не хотела, она бы никогда не вернулась...»

А потом было торжественное богослужение в Рижском кафедральном Христорождественском соборе, в котором приняли участие представители всех традиционных конфессий Латвии. Это было доселе еще невиданное в Прибалтике единение христианских церквей и народов. Помолиться Путеводительнице в Ригу прибыли десятки тысяч людей – из Латвии, Литвы, Эстонии, Белоруссии, Польши... Они стояли в очереди иногда по восемь-десять часов, под проливным дождем, надеясь хотя бы только взглянуть на священный образ Богородицы, попросить защиты, помощи, спасения. Трое суток – и днем, и ночью – главный православный собор Риги был открыт для

всех желающих. Но народ все прибывал и прибывал... Тогда, за час до отлета в Москву, священнослужители вынесли икону из храма, высоко держа ее на плечах, чтобы толпы людей смогли хотя бы издали посмотреть на нее... Сегодня на память об этом историческом событии в главном рижском православном храме остался сделанный в Америке чтимый список чудотворной иконы с частицей оригинала, подаренный Риге семьей Гарклавс. После Риги чудотворная икона побывала в Москве и Санкт-Петербурге, где помолиться ей приехало около полумиллиона человек.

Российская сторона попросила Карлиса Зариньша помочь в организации встречи чудотворной иконы в Тихвине. 8 июля 2004 года в Тихвине у Успенского монастыря собрал-

2004 год. Президент РФ Владимир Путин в Тихвинском Богородичном Успенском мужском монастыре у чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери

ВЛАДИМИР РОДИОНОВ / РИА НОВОСТИ

ПОПАСТЬ В ПЕРЕПЛЕТ

АВТОР
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО
АНДРЕЯ СЕМАШКО

КОМУ НЕ ПРИХОДИЛОСЬ ПОЛЗАТЬ ПО ПОЛУ, СОБИРАЯ СТРАНИЦЫ РАССЫПАВШЕЙСЯ КНИГИ И ПРОКЛИНАЯ ЕЕ МЯГКИЙ ПЕРЕПЛЕТ, КОТОРЫЙ РАССЫПАЛСЯ ПРИ ПЕРВОМ ЖЕ ПРОЧТЕНИИ ТОМА? КОМУ НЕ ПРИХОДИЛОСЬ, ГОРЕСТНО ВЗДЫХАЯ, СКЛАДЫВАТЬ СТРАНИЦЫ, КРИТИЧЕСКИ ОСМАТРИВАТЬ ОБНАЖИВШИЕСЯ ВНУТРЕННОСТИ ПЕРЕПЛЕТА И ДУМАТЬ: АХ, ЖАДИНЫ, КЛЕЙ ПОЖАЛЕЛИ! ВОТ, МЕЖДУ ПРОЧИМ, ЗАГРАНИЧНЫЕ ПЕРЕПЛЕТЧИКИ УВЕРЯЮТ, ЧТО РАССЫПАВШАЯСЯ НА СТРАНИЦЫ ТОЛСТАЯ КНИГА В МЯГКОМ ПЕРЕПЛЕТЕ ВОССТАНОВЛЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ.

А ОБЫЧНЫЙ ШКОЛЬНЫЙ учитель из Пензы Анатолий Симбуховский этого мнения зарубежных коллег не разделяет: спокойно переплетает книги в мягких обложках, количество страниц которых зашкаливает и за 800, и за 1000! Правда,

предупреждает: купили книгу в мягком переплете, сразу несите хорошему переплетчику, не читая, даже если это увесистый покетбук, который тоже, как уверяют те же американцы, переплету не подлежит. В противном случае работы потребуются в два раза больше: перегнутые

страницы нужно будет молоточком обстучивать, чтобы распрямить...

Мастер из Пензы разработал несколько видов вязки блока, чтобы книга жила и не рассыпалась. Свои секреты работы Симбуховский не таит, а обучает им детей. И не зря. Уже который год шедевры студии переплетного дела «Золотой фолиант» при Пензенской классической гимназии №1 им. В.Г. Белинского выигрывают конкурсы на международных молодежных конкурсах. А один из бывших учеников Симбуховского, Владимир Мастеров, открыл переплетную мастерскую в Америке, где с успехом применяет навыки и знания, полученные в школьной студии Пензы.

Издательством над книгой Анатолий Евгеньевич считает не только мягкие обложки. Современный твердый типографский переплет в его глазах тоже не стоит высокой оценки. Бор-

Переплетчиком его сделала любовь к чтению

товки в нем нет, ворчит Симбуховский. Специальную сетчатую ткань, которой крепят блок к переплетной крышке, заменили упаковочной бумагой. Два раза книгу открыл, и она трескается, как орех! А ведь многие учебники для школы делают именно так. Берешь учебник – крышка у него «поплыла». О чем это говорит? Картон раскроен неверно. Волокна лежат не вертикально, а горизонтально, это ведет к короблению. Неужто мастера в типографских отделах переплета забыли об этом? За несколько первых минут общения Анатолий Евгеньевич обрушивает такое количество терминов, связанных с книжным переплетом, что мне, взрослому человеку, большая часть его монолога просто непонятна. А как же детям? Но ученикам, сидящим за длинным столом с ножницами и кисточками в руках, все эти термины давно знакомы. Они знают, что такое авантитул и сигнатура, им ведомо, что норма – это фамилия автора, стоящая внизу страницы, по которой переплетчик контролирует, не попали ли в издание тетради из другой книги. Эти мальчики и девочки знакомы с техникой голландского, французского и русского переплета! Кстати, недовольство мастера переплетами школьных учебников – не случайность. Как толь-

ко заканчивается очередной учебный год, почти все учебники гимназии оказываются на столах школьной переплетной мастерской. Их не просто подклеят в нужных местах, а любовно отреставрируют так, что от новых учебники отличишь только по году выпуска. Свыше 500 книг восстанавливается в студии за один только летний месяц. И знаете, что самое странное? Единственный человек во всей гимназии, кто имеет претензии к Анатолию Евгеньевичу, это заведующая школьной библиотекой! Руководителя школьной переплетной студии она встречает одним и тем же вопросом: «Когда вы наконец «Мертвые души» отреставрируете?» Эту книгу, изданную в начале XX века, библиотекаря выносит из-за стеллажей не в руках, а на плече: уж слишком тяжела! Между прочим, библиотека, в которой

Книгу с иконой Казанской Божьей Матери на так называемой «жуковине» переплетчик снабдил замками, сделанными точно под такие, какими книги закрывались триста-четыре года тому назад...

А эту пряжку от обычного брючного ремня поместить на книгу в виде замка придумали сами школьники

мы находимся, работает в этих стенах аж с 1878 года и считается одной из старейших в Пензе. Есть здесь даже полный «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», пару томов которого переплели дети из «Золотого фолианта». «Причем во французский переплет», – уточняет Анатолий Симбуховский. Когда мы покидаем библиотеку, Анатолий Евгеньевич наклоняется ко мне и шепчет с укоризной: «А самую ценную книгу, которую я переплел и школе подарил – не показала!»

История эта действительно интересна. Лет двадцать назад Анатолий Симбуховский купил по случаю древнюю Псалтырь. Продавала книгу маленькая старушка, просившая «только на молочко». Получила она, конечно, денег намного больше, чем просила, а довольный Анатолий Евгеньевич стал владельцем увесистого тома XVIII века. И только дома рассмотрел, что Псалтырь была снабжена «живыми» гравюрами (так называют первый оттиск с печатных форм. – Прим. ред.), значит, издание-то ценное. А дальше – сплошная мистика. Той же ночью Анатолий Евгеньевич очень четко услышал во сне: «Подари эту книгу». Симбуховский не стал долго раздумывать и сомневаться: его мать в это время лечилась от онкологического заболевания, и врачи советовали готовиться к худшему. Так что Анатолий Евгеньевич книгу отреставрировал и принес в гимназию, директором которой тогда была Ольга Викторовна Ивлиева. Она от удивления долго ничего сказать не могла, а потом позвала заведующую библиотекой Ольгу Евгеньевну Викторову. Та поверить не могла, что в дар библиотеке отдадут такую ценную книгу. Но Симбуховский решительно написал дарственное письмо и вложил его в книгу. Ольга Евгеньевна торжественно спрятала Псалтырь в сейф. А мама Анатолия Евгеньевича после этого три года прожила, даже правнучку успела поныанчить...

НАСЛЕДНИК ПЕРЕПЛЕТЧИКОВ

Гимназия, в которой трудится Симбуховский, самое старинное учебное заведение Пензы. Открыта она была по указу Екатерины II в 1786 году. Здесь учились литературный критик Виссарион Белинский, писатели Илья Салов, Василий Слепцов и Александр Малышкин, историк Василий Ключевский, маршал Тухачевский, участник Гражданской войны и Белого движения, автор книги «Ледяной поход» Роман Гуль. Восемь лет в гимназии преподавал математику и заведовал метеорологической станцией отец Ленина – Илья Николаевич Ульянов. А автор известных исторических романов Иван Лажечников был в гимназии директором. Кстати, отец Симбуховского очень любил читать вслух «Ледяной дом». У него-то наш герой и перенял навыки переплетного мастерства. Первую книгу Анатолий Евгеньевич самостоятельно переплел в 17 лет, учась еще на первом курсе Политехнического института (сейчас это Пензенский государственный университет).

Но отцовских уроков для хорошего переплета было маловато, а старые пензенские переплетчики секретами делились неохотно. Жили переплетчики в частных деревянных домишках, переплет был для них ремеслом, которым они подрабатывали. Многому Анатолий научился у переплетчиков Алексея Стяпина и Владимира Кошурова; первый был плотником, второй – фрезеровщиком на заводе. Нередко переплетчики, у которых учился Симбуховский, завещали свои инструменты единственному ученику. Дети переплетчиков продолжать их дело не желали, так что в Анатолии старики видели своего наследника.

Постепенно Анатолий Евгеньевич дорос до художественного переплета. И первое признание его мастерства случилось довольно скоро.

Его родная тетка ухаживала за тяжелобольной соседкой, жить

Эту книгу с золотыми обводами и российским гербом переплел не Анатолий Симбуховский, но к нему она имеет прямое отношение. В первый выпуск энциклопедии «Лучшие люди России» занесена его фамилия как руководителя единственной в стране школьной переплетной студии

В библиотеке гимназии бережно хранят предметы, связанные с историей старейшего учебного заведения Пензы

которой оставалось всего ничего. Вся жизнь соседка проработала на пензенском часовом заводе «Заря», богатства не нажила и своим единственным сокровищем считала книгу. Впрочем, не книга это была, а одно название... Толстый сборник индийских сказок был зачитан до

дыр. Страницы изорваны. Блок болтался. Обложки не было. Вот эту книгу умирающая женщина и попросила переплести: «Я через месяц умру, хочу внукам память оставить». И эту совершенно убитую книгу в 800 листов Анатолий Евгеньевич не только переплел, но и восстановил утраченные страницы, а на обложке нарисовал пальмы, слонов, тигров. Взяла женщина книгу в руки как величайшую драгоценность и стала ее целовать: «Какая красота! Я хоть перед смертью посмотрю!» В 80-е годы впервые выпустили собрание избранных произведений в четырех томах Валентина Пикуля, творчество которого Симбуховский любит безумно. Поэтому другие произведения писателя он переплел в обложки с точно таким же оформлением. С полуметра отличить невозможно! На книголюбов это произвело такое впечатление, что заказчики со всей Пензы выстроились в очередь.

Дальше – больше. В новом собрании сочинений Майн Рида ему не понравилось, что первый и последний тома слишком тонкие по сравнению с другими. Он дополнил их майн-ридовскими романами, которые в собрание сочинений не вошли. Переплел

в такие же обложки и сделал точную копию. И снова тут же посыпались заказы.

Затем Симбуховский переплел старые издания произведений Михаила Булгакова и оформил их как собрание сочинений. Эти переплетенные тома у него купила поклонница Булгакова, причем без конца сокрушалась: как человек может продавать совершенно новое собрание сочинений Булгакова? Анатолий Евгеньевич был польщен: ведь покупательница работала в типографии, а отличить самодельный переплет от фабричного не смогла.

Еще интереснее вышла история с писателем Фазилем Искандером. Он был в Пензе на празднике Лермонтова. Симбуховский переплел книги Искандера тоже как собрание сочинений, принес на встречу с писателем и попросил автограф. Писатель удивился: «Как? Я не в курсе, что выпускается мое собрание сочинений... Я разберусь». Узнав правду, классик посмеялся и автограф поставил.

Слава о переплетах Симбуховского пошла по городу такая, что однажды ему предложили сложнейший заказ. В областной библиотеке соглашались ровно на сутки выдать единственный экземпляр Библии XIX века с гравюрами Юстава Доре. Надо было расплести переплет, чтобы заказчик снял копии для репринтного издания с каждой страницы, а потом заново собрать и переплести. Анатолий Евгеньевич уложился ровно в срок.

ШКОЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Сам Анатолий Евгеньевич считает, что овладеть мастерством переплетчика ему помогла специальность инженера. 23 года он отработал начальником конструкторского бюро в научно-исследовательском институте. Между прочим, из-за своего увлечения Симбуховского не приняли в партию, парторг сказал: нельзя, он же книги переплетает, да еще церковные!

В 90-е годы Анатолий Евгеньевич остался без работы и без денег. Все достояние – толстая рукопись по переплетному делу. Бедствовал так, что книги в своих переплетах выносил на улицу продавать. Директор гимназии, в которой учился сын Симбуховского, зная о его мастерстве, позвал Анатолия Евгеньевича в школу преподавать переплетное дело. Отнесся Симбуховский к предложению как к эксперименту. На материале неизданной книги (той самой толстой рукописи) составил авторскую программу. Думал, года два-три понянчится с ребятней в школе и опять вернется в науку. Но вот пошел уже 22-й год, как Пензенская классическая гимназия №1 остается единственной в стране, где на уроках технологии ребят учат переплетать книги. А модным разговорам о «смерти бумажной книги» в гимназии просто нет места. – Да нет, ни разу ни от кого из родителей своих учеников не слышал претензий, что я, мол, учу мастерству, которое умирает, – пожимает плечами Анатолий Евгеньевич. – Я провожу предварительную работу с ро-

Помимо уникальных книг на уроках технологии ребята изготавливают своими руками пасхальные яйца и шкатулки... Рукотворные шедевры Симбуховского и его воспитанников неоднократно экспонировались на престижных российских и международных выставках и отмечались наградами

дителями. Беру книги в наших переплетах, показываю им, рассказываю о победах в конкурсах, говорю, где купить картон, бумвинил... Единственный вопрос, который мамы задают сразу же: «Когда начнете переплетать? А то бабушка свою старую книгу уже приготовила, переплести надо». Когда держишь в руках книги, переплетенные в «Золотом фолианте», то понимаешь, что это просто какой-то предмет любования. «Одетое» в бархат с бисером издание сейчас можно увидеть разве что в музее, а тут в школьном классе ученики «наряжают» книги не только в бархат, но и в кожу, сафьян, парчу, шелк. Все книги с золотым обрезом и золотым тиснением. И трудно поверить, что эта почти ювелирная работа – дело рук обычных школьников!

На уроках ученики Симбуховского без линейки режут на глаз материал, когда раскраивают его под переплетную крышку. Как и у него самого, рука у детей поставлена так, что кисточка набирает клея столько, чтобы его хватило ровно до конца проводимой линии! Добивается Анатолий Евгеньевич от учеников и привычки к терпению. Ведь в технологии переплета много длительных процессов. Сушка, например. На уроках времени довести переплет до конца, понятно, не хватало. И когда дети стали просить разрешения прийти и доделать работу после уроков, школа выделила помещение для студии. А старый преподаватель Евгений Гордеев принес и подарил древний винтовой пресс для книг. Он был приобретен гимназией еще в 1920 году, когда в школе действовал... кружок переплетного дела!

На занятия студии приходило так много ребят, что даже очередь образовывалась. Дело до фанатизма доходило. Втягивались так, что уходили вместе с руководителем в девять часов вечера. Ребята обходили родственников и знакомых в поисках старинных томов, проводили настоящую исследовательскую работу. Среди потрепанных книг, которые приносили Анатолию Евгень-

евичу в гимназию, оказались книги из типографии Струйского. Пензенский помещик, поэт, издатель XVIII века, дед поэта Полежаева – Николай Еремеевич Струйский в своем имении в селе Рузаевке достиг больших высот в полиграфии. Книжки из типографии Струйского Екатерина II дарилла иностранным послам. Ученики Симбуховского ездили на место бывшей усадьбы и типографии Струйского, написали об издателе доклады. А сама студия поставила своей целью возродить славу пензенских переплетов.

Славу-то возродили, но Анатолий Евгеньевич больше гордится совсем другим. Почти все, кто занимался в «Золотом фолианте», окончили школу с хорошими и отличными оценками. Ведь от своих юных помощников Симбуховский требовал читать книги, которые они переплетали, и называл это первым правилом переплетчика.

Все ученики Анатолия Евгеньевича после окончания гимназии получили свидетельства государственного образца, в которых указана специальность – «переплетчик». Полученные навыки позволяют им работать фальцовщиками, картонажниками, художниками-оформителями, резчиками по дереву и, конечно же, переплетчиками. Бывшие ученики потом сами рассказывали учителю, как подрабатывали в типографиях или рекламных агентствах. А некоторые благодаря своим заработкам даже оплачивали обучение в вузах.

Ученикам Анатолия Евгеньевича после окончания гимназии вручаются свидетельства государственного образца, в которых указана специальность – «переплетчик»

ПОТОМОК КЛЮЧЕВСКОГО

Работая в школе, Анатолий Евгеньевич постоянно изучал типы переплетов. Вскрывал, словно анатом, книги, смотрел, как они сделаны. Прочел множество трудов отечественных и зарубежных авторов по переплетному делу, открыл для себя много нового и узнал главное. Самым лучшим, как признает даже известный английский дизайнер Артур Джонсон, является русский переплет. По виду вязки блока надежнее его нет. Тетради прошиваются ремнями из

настоящей кожи, которые переплетчики называют «бинтами». Все видели на старинных книгах полукруглые выступы на корешках? Они и скрывают место, где проходят бинты. Сейчас эти кольца делают для имитации, кожей тетради больше не прошивают... Но Симбуховский все равно подробно рассказывает детям, какая кожа шла для вязки блоков, как она обрабатывалась, как окрашивалась. Рассказывает, что это в Голландии и Франции на обложки шел картон, а в России до XVIII века

книжные обложки были деревянными. Потому и жили книги долго. Этот материал Симбуховский по крупницам собирал и даже методичку выпустил в гимназии.

Зная, что Симбуховский учит детей переплетному делу, друзья приносят ему старые книги. Причем иногда среди таких подарков оказываются весьма редкие экземпляры. Вот недавно друг принес Псалтырь XVII века. «На, – говорит, – она все равно не переплетется, вот с учениками и поработаешь, практика для них будет!» Но Симбуховский с ребятами восстановили ее полностью. Только следы пальцев на страницах не смогли убрать. Оставили как знак времени.

Анатолий Евгеньевич учит детей работать со старыми книгами только в перчатках. Сначала книгу нужно поместить в карантин на санитарную обработку. Для этого том кладут в целлофановый пакет, в который взбрызгивается специальный спрей. Это делается для того, чтобы уничтожить насекомых и бактерии.

Еще Анатолий Симбуховский учит детей интересоваться, каким путем к хозяину попала книга. У людей, которые не могут объяснить, откуда у них взялась книга, лучше ее не брать. И эти нравственные уроки, которые дает Симбуховский детям, пожалуй, более ценны, чем технические.

«Для того чтобы книга служила долго, надо вложить в нее душу», – часто напоминает он ученикам. И всем его ученикам известно, что если пойти на службу в Успенский кафедральный собор Пензы, то за Царскими вратами можно увидеть старинное Евангелие, по которому ведутся праздничные богослужения. Реставрацией и переплетом этой книги занимался их учитель Анатолий Евгеньевич Симбуховский по просьбе настоятеля собора отца Сергея. Когда переплетенную книгу школьный учитель принес в собор, то отец Сергей, восхитившись работой, торжественно объявил: когда будет идти служба по этому Евангелию, будет прославляться имя мастера, его восстановившего. После этого о

По словам мастера, каждый ученик – это личность, поэтому и подход нужен индивидуальный. Но каков результат: книги, отреставрированные в школьной студии «Золотой фолиант», помимо России находятся еще в 17 странах!

Симбуховском пошла слава как о лучшем переплетчике церковных книг. Ни от одной подобной просьбы он не отказался.

Начав с бумвинила, которым он переплетал детективы и любовные романы, сейчас Анатолий Евгеньевич «кладет» книги под кожу и бархат. Но и, достигнув высот мастерства в переплетном деле, с бумвинилом Анатолий Евгеньевич не расстанется. В храме, прихожанином которого он является, его обязательно ждут после службы старушки. Обычно в руках они держат старые, развалившиеся молитвословы, завернутые в платки. Идут с молитвословами к Симбуховскому чуть ли не со всей Пензенской епархии. Знают, что не откажется переплести в простенький бумвинил книгу, по которой молитвы твердили чуть ли не все поколения семьи. И денег за это не попросит. Денег за эту работу Анатолий Евгеньевич и правда не берет, и даже материал свой использует. Но не только из-за уважения к сединам. Восстанавливая бесплатно молитвословы и Псалтыри, Анатолий Евгеньевич отдает дань памяти своим предкам. Ведь среди основателей пензенского Успенского кафедрального собора был и прадед Анатолия Евгеньевича – священник Симбуховский. Среди его предков вообще было много священников. А недавно пензенские краеведы нашли сведения о родоначальнике фамилии Симбуховских. Звали его Сим Бук. Петр I привез его из Голландии как мастера книжного переплета и дал поместье в Пензенской губернии. Фамилия, как водится, трансформировалась. А в начале XX века один из потомков голландца Сима Бука женился на младшей сестре уроженца Пензенской земли Василия Ключевского – Марии. Ее правнуком, оказывается, и является Симбуховский.

После этого открытия единственный потомок известного русского историка переплел вместе с помощниками книги предка и передал их Музею Ключевского в Пензе. ❧

ВЕЛИКАЯ КАША

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

НА КАШУ В КАШИН ЗАЗЫВАЛИ МЕНЯ ДАВНО: В ПРОШЛОМ ГОДУ В КАЛЯЗИНЕ НА ВОЛГЕ ПОПАЛ Я ПО СЛУЧАЮ ДНЯ ГОРОДА НА КОНФЕРЕНЦИЮ. КАЛЯЗИНЦЫ ОБ УТРАТАХ И ОБРЕТЕНИЯХ КАЛЯЗИНА, О ЕГО СВЯТОТАТЦАХ И ПОДВИЖНИКАХ, О РАЗРУШЕННОМ ТРОИЦКОМ МАКАРЬЕВОМ МОНАСТЫРЕ И О КАЛЯЗИНСКОЙ КОЛОКОЛЬНЕ ГОВОРИЛИ СОДЕРЖАТЕЛЬНО И УВЕРЕННО. ЧУВСТВОВАЛОСЬ, ЧТО ЭТИ ТЕМЫ У НИХ ХОРОШО РАЗРАБОТАНЫ И ДАЖЕ В ДОЛЖНОЙ МЕРЕ «ОБКАТАНЫ» НА ТУРИСТАХ. НО БЫЛИ СРЕДИ ПРИГЛАШЕННЫХ ЛЮДИ НЕ СТОЛЬ ГОВОРЛИВЫЕ, ПРИЕЗЖИЕ, С ВИДУ НЕСКОЛЬКО ДАЖЕ РОБКИЕ: У НИХ НЕ БЫЛО ЕЩЕ СВОЕЙ ГОРОДСКОЙ ЛЕГЕНДЫ.

О ДНАКО Ж ВЕЧЕРОМ, когда конференция переросла в праздничный ужин, ко мне подошли две милые девушки. Из Кашина. «Вы, – говорят, – к нам тоже на День города приезжайте». «А что у вас там в Кашине – каша?» – поинтересовался я. «Да, каша...» – ответили девушки так, будто каша в Кашине и вправду была особенная. – И вообще, у нас очень много чего интересного...».

ЗАМЕС ПЕРВЫЙ: ВАСИЛИЙ КОЛОТИЛЬЩИКОВ

Через год мы и приехали. За день до праздника. И, как выяснилось, не напрасно: ибо праздник Каши был обрамлен событиями, может быть, не столь масштабными (в этом году День города решено было отметить рекордом: сварить в одном котле тонну каши!), но тоже обрамляющими приближение праздника легким клокотанием, которым и должно сопровождаться настоящее кашеварство. Едва приехав, отправились мы на другой конец Кашина на открытие памятника Василию Арсеньевичу Колотильщикову: «гению места», фотографу, который запечатлел Кашин еще в дореволюционном его обличье. «Конец города», правда, оказался несколько метафизическим: здесь размещалась местная тюрьма, знаменитая тем, что именно в ней сидели когда-то арестованные члены ГКЧП, а еще дальше – Сергиевское кладбище. Неизбежный конец жизненного маршрута. И «открытие памятника» оказалось открытием памятника надгробного, поставленного на обнаруженной после шестидесяти лет забвения могиле Колотильщикова. Нашел могилу местный 80-летний энтузиаст. Деньги на памятник по рублику собрали у горожан трое краеведов. Колотильщиков был гением-самоучкой. В 1891-м он обустроил единственную в Кашине фотостудию. Его снимок «Идиллия», выполненный самодельной ручной камерой, был опубликован в приложении к «Фотографиче-

скому ежегоднику» за 1895 год. В 1908 году в Москве на международной фотографической выставке Колотильщиков был удостоен серебряной медали. Короткое время дела его шли в гору. Сейчас, оценивая масштаб его художественной и краеведческой работы, исследователи сходятся в одном: «Фактически он запечатлел Кашин так подробно, как не запечатлен до революции ни один другой город Тверской губернии». После 1917-го Колотильщиков прекрасно понимал ценность того, что снимает, понимал, что многое – усадебный быт, вид церквей, улиц, да и общий облик города – может измениться в ближайшее время. Его Кашин – патриархальный, уютный, пейзажный, необыкновенно красивый город. И даже не просто город – Град, весь, как костер, устремившийся в небо главами церквей и колоколен. Таким Кашин и вправду был до 1930-х годов, когда лишился большинства своих церковных вертикалей...

При всей фундаментальности работы Колотильщикова, подразумевающей, как будто, мало-мальски благополучную судьбу, он был очень несчастлив. У него рано умерла жена, потом

Очарование старого Кашина сохраняют его набережные

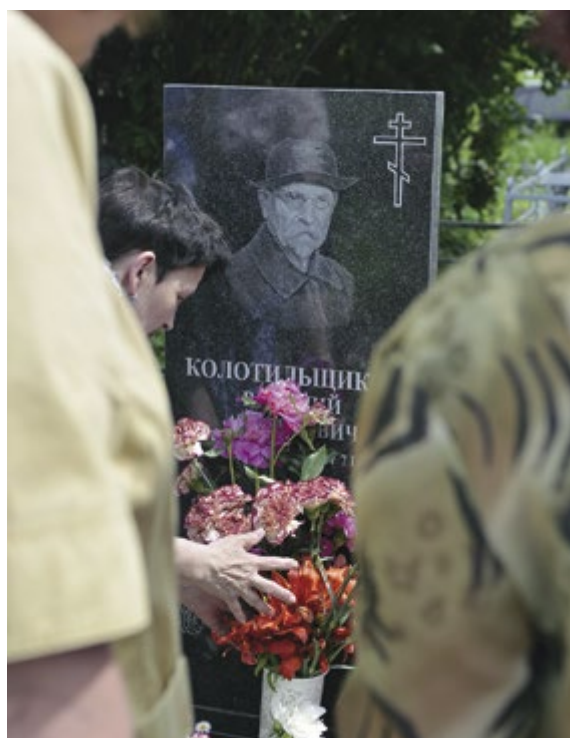
Могила В.А. Колотильщикова на Сергиевском кладбище отыскал Анатолий Михайлович Пожарнов

дочь. В 1930-м его «вычистили» из числа сотрудников краеведческого музея: его позиция явно не совпадала с основной «линией» власти, подразумевающей глубокое преобразование городского силуэта, которым он всю свою жизнь любовался, сохранял на своих фотопластинках и чудесным образом сберег для нас. Долгое время он жил в крошечной комнатке с сестрой, которая была его лаборанткой, и занимался частной практикой – снимал портреты. Под конец жизни ему дали небольшой дом с огромным участком: он отдавал участок под покосы, чем, собственно, и жил.

Когда в 1954 году Василий Арсеньевич умер, мгновенно разыскались какие-то родственники-наследники и первым делом решили продать его негативы.

Повезли их в Москву. Там за них предложили по 500 рублей (новыми или старыми, теперь, видимо, уже не имеет значения). Оскорбленные такой непомерно низкой ценой, «наследники» выбросили 300 бесценных фотопластинок на помойку! Случайно 200 негативов сохранил в сарае в Кашине неповрежденными другой человек. С них потом был напечатан альбом «Кашин – православный город». Все остальные фото Василия Колотильщикова – «пересъемки» с прижизненно напечатанных им фотографий...

Могила его потерялась совершенно, пока упавший и заросший травой памятник не отыскал на кладбище пенсионер Анатолий Михайлович Пожарнов. Я стал было его расспрашивать, почему это он на старости лет взялся за та-

кие розыски. И, в общем, какого-то внятного ответа не добился. Вот – как будто пришло время и шепнуло ему: «Пора». И, слушая выступающих возле надгробного памятника людям, я невольно ловил себя на мысли, что еще тридцать, двадцать и даже десять лет тому назад большинству из них было решительно все равно, был или не был такой Колотильщиков. А теперь вдруг стало не все равно. Теперь вдруг понадобилось, чтоб он был. И стало важно его помнить, любить, рассказывать, как детьми раз в год ходили фотографироваться «к дяде Васе», как приносили ему кто хлеба, кто молока...

Удивительно, что Колотильщиков, запечатлевший панораму города с высоты колокольни главного в городе Воскресенского собора, для нас оказался проводником к новой и почти фантастической интриге – на этот раз градостроительной.

ЗАМЕС ВТОРОЙ: КАШИН КАК СВЯТОЕ СЕРДЦЕ

Градостроительную кашу заварил академик архитектуры Геннадий Яковлевич Мокеев. И, надо сказать, прегустую. Хотя, если уж говорить о самом названии «Кашин», то, скорее всего, происходит оно не от каши, а от мерянского слова «кашина» – тростник *butumum umbellatus*, – которым и по сей день обильно зарастает медлительная, в белых кувшинках река Кашинка, ниже города впадающая в Волгу. Находясь на пограничье Московской и Тверской земли, город во все века умело уклонялся от соперничества великих князей Московских и Тверских. В конце XIV века он даже выделялся было в особый удел, чеканил свои серебряные деньги и медные пулы; Кашин, в отличие от Твери, послал в подмогу Дмитрию Донскому свою дружину на Куликово поле...

А градостроительная интрига начинается в годы царствования Ивана Грозного, когда в результате неудачной Ливонской войны Русь потеряла Иван-город как торговый порт на Балтике

Советские названия продолжают жить в древнем Кашине

и всю свою торговлю вынуждена была направить в Поморье, на единственное оставшееся Белое море. Трудно определить те векторы этого метафизического поворота Москвы на север, сумма которых привела к тому, что стены древнего Кашинского кремля впервые стали омывать благословенные воды торговли, оставляя повсюду золотые

чешуйки... Кашин на миг стал перекрестком: то ли в пространстве, то ли во времени. За этот миг и был воплощен в архитектуре план Кашина как священного града. Узловыми точками в этом чертеже были сакральные пространства – храмы, монастыри. Потом Смута стерла эти наброски, но к концу XVII века началось бурное возрождение города, и те же ориентиры были восстановлены, но уже в камне. Василий Колотильщиков застал и отснял Кашин еще в «идеальном» состоянии: ни одна из узловых точек волшебного пространства города-как-храма не была еще разрушена, кроме кремля, который, утратив свое оборонительное значение, мало-помалу сам сошел на нет...

А в конце XVII века городской ансамбль представлял собой единое сакральное пространство, в котором закодированы Крест (символ Христа), Круг (Небесный Иерусалим) и три треугольника – символы Троицы. Один из них, крепостной, был задан башнями Кашинского кремля, другой очерчивался окружающими кремль монастырями, а третий, внешний обозначал три главные высоты («поклонные горы») вокруг города, которые к XVII веку тоже были заняты монастырями: Сретенским девичьим (на въезде в город со стороны Москвы);

Дмитровским (на Бежецкой дороге) и Клобуковым (у Старо-угличской дороги). В каждом из этих монастырей была Троицкая церковь, и с каждой из этих церквей можно было видеть два Троицких храма в других монастырях. Все это непривычно для современного уха – нынешний век вообще нетерпим к любой «сакральности» – откуда и исходят все профанские попытки надругаться над святынями. Однако древние цивилизации Египта и Индии, Греции и Византии только и были заняты созданием сакральных пространств. Русское Возрождение XVII века породило сходные процессы во многих городах: необычайное обилие церквей в Суздале, Мо-

скве, Ярославле свидетельствует не столько о молитвенном усердии горожан, сколько о наличии некоего «высшего» замысла в градостроении. Г.Я. Мокеев писал: «...Главный собор Кашина (Воскресенский) посвящен Воскресению Христа... Поэтому кашинские мастера разработали символику Спасителя при развертывании композиции города. Но самым интересным здесь было то, что символика Христа уже как бы содержалась в кашинском ландшафте. Требовалось только явственнее проявить ее искусственными средствами...» Градостроительная интрига Кашина обусловлена характерной петлей речки Кашинки, которая образует полуостров в фор-

Провинциальная красота Кашина заключает в себе и такие шедевры, как Крестознаменская церковь XVIII века

ме сердца, с высокой горой на узком перешейке. Когда-то здесь и возведен был Кашинский кремль – Острог. А городской поса́д разместился на полуострове под горой вокруг Острога, заполняя изнутри пространство «сердца». Одна градостроительная ось прочерчивается через перешеек с юго-востока на северо-запад, другая – поперек «сердца», с юго-запада на северо-восток. Градостроительные оси были проявлены кашинскими зодчими строительством по ним храмов Воскресения Христова, Рождества Богородицы, Афанасия и Кирилла, Варвары, Параскевы Пятницы. К XVII веку, когда город расстроился и вокруг полуострова на «длинной» оси «креста» насчитывалось 17 храмов, на «короткой» – 16, что в сумме дает нам число 33 – возраст Христа, когда он принял крестную муку. В круге, обрамляющем «сердце», также заключена цифровая символика – 24 храма по окоему и один, Воскресения Христова, в центре «сердца». 24+1. Это – символ горного престола в храмах, заимствованный из «Откровения» Иоанна Богослова: «...и вот, престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий; ...И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца...»

В Кашине столько церквей, что возродить их сразу невозможно

КАША ПОСПЕВАЕТ

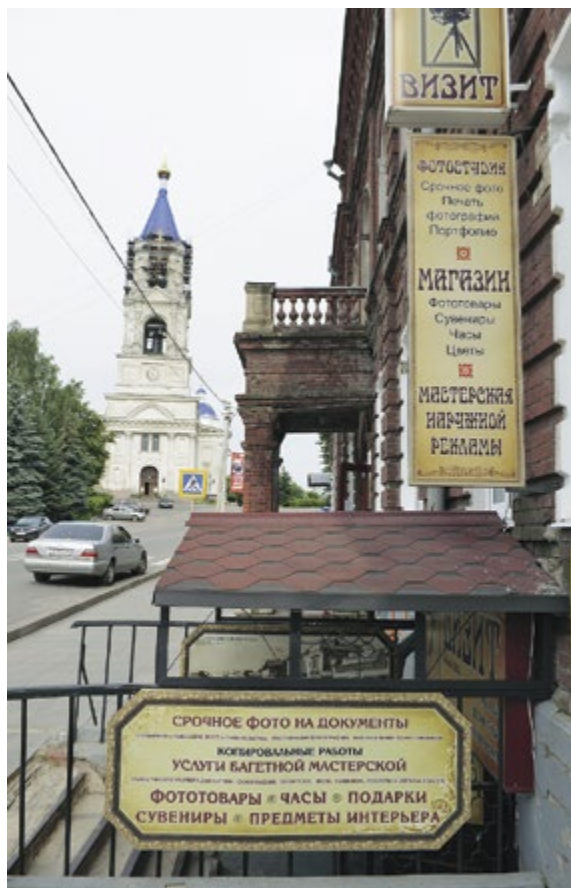
...Собачку звали Евриком, но я назвал ее Шиллингом и не на шутку обидел: Еврик был старожил двора и не привык, чтоб над ним насмехались. После этого инцидента было решено ехать в городской сад и поглядеть – что там насчет каши? Что-нибудь уже двинулось? Городской сад находится внутри кашинского «сердца», на месте бывшего Свято-Духова монастыря, на Духовой горе.

Любопытно, что из всех образов Кашина в качестве туристического бренда была выбрана первая же ассоциация: Кашин – каша. Сумел же город Мышкин всего себя осмыслить, оживить и выстроить из такой малости, как обычная мышь. Правда, для этого понадобился Владимир Гречухин, который, написав несколько книг, создал для Мышкина настоящую, не требующую ни дополнений, ни изъятий легенду.

Было время, ездили кашинцы и к Гречухину. Спрашивали, где взять деньги. А тот им ответил:

В центре старого
Кашина

Торговые ряды

«Вам не деньги нужны, а один сумасшедший человек».

В результате «сумасшедших» оказалось несколько: Наталья Ивановна Ковшун, директор мебельного магазина, и молодежь из фирмы туристической: и ей, и им внезапно захотелось создать музей каши. А потом возникла идея варить кашу в городском саду.

Купленный под расширение магазина старый особняк Наталья Ивановна отдала под музей, а ребята в три месяца придумали всю его концепцию и к прошлому Дню города в особняке музей открыли. Ну а раз Музей каши есть – как ее, кашу, не попробовать? Так, что называется, на глазах родилась традиция: встречать День города приготовлением Великой каши на Духовой горе.

Туда-то, в городской сад, мы и подъехали, везя переданные добровольцами ведро меда и ведро масла. Под древними ли-

пами уже стоял на металлической шестигранной подставе, сверху напоминающей по форме огромный пчелиный сот, тускло блестящий тысячелитровый стальной котел, закрытый двумя деревянными крышками. Дрова под котлом уже пылали, из-под крышки шел пар – мужики испытывали, как быстро закипит вода. «А крупы привезли?» – спросил я. «Не, крупы к вечеру привезут, – ответил один из них. – Триста килограммов». «Какую?» – «Грешную...».

Про Великую кашу, готовящуюся попасть в Книгу рекордов России, по городу ходили слухи самые необычайные: говорили, что варить ее будут ночью специально приглашенные повара. Что привезут из Москвы целый автобус журналистов. И что каждого – чего требуют правила Книги рекордов – придирчиво расспросят о том, хороша ли каша, по вкусу ли, а за-

одно будут все фиксировать на видео и фото. И правда, когда уже затемно наведальсь мы на Духову гору в другой раз, в сумерках под деревьями тлели красноватые огни; туман поднимался над тихой Кашинкой, заливая прохладой Тургеневскую набережную и Пушкинскую набережную, застроенные красивыми старинными и аккуратно вписанными в городской ландшафт новыми особняками. Костры, однако, тлели едва-едва. При их красноватых отблесках мужики пилили и складывали привезенные дрова в правильную поленницу. «Ладно вам ходить, – усмехались они. – Все равно варить только утром начнем...».

ЗАМЕС ТРЕТИЙ: ПРИНЦ ГУСТАВ ВАЗА

Помимо памятника Колотильщикову в день накануне праздника возле развалин Дмитровского монастыря открыт был камень в память принца Густава Вазы, сына шведского короля и алхимика, который именно в стенах этого монастыря провел последние годы жизни и умер. Расчищать от мусора и дикого мелколесья склон холма, на котором установлен был камень, помог молодежный совет при главе районной администрации. Выступавший на открытии бывший председатель этого совета, Дмитрий Серов, был молодым, симпатичным и энергичным человеком

Мемориал
воинам-
землякам,
павшим
в Великой
Отечественной
войне

Праздник
начинается
с разрезания
ленточки

с живыми глазами. Мы стали спрашивать, почему его называют «бывшим». «При оптимизации сократили», – обронила женщина из администрации. «Интересно, – не преминул заметить фотограф Андрей Семашко. – Оптимизация это у вас что? Объединить – и уничтожить?»

Такой дерзости не ждали даже от приезжих, произошла легкая пикировка, в результате чего часть истории шведского принца от нас ускользнула.

Но вечер мы провели у Ольги и Натальи Сергеевны Никитиных – знатоков кашинской старины, да и вообще больших энтузиастов, где и восполнили свои знания о шведском принце.

Легко понять, что судьба принца Густава была неординарна. Его отец, король Швеции Эрик XIV, сделал то, чего королям не положено: женился по любви на дочери тюремного охранника, бывшей трактирной служанке – единственной в истории коронованной представительнице финского народа Карин Монсдоттер. Ее называют «финской золушкой». Но королевой Швеции она пробыла всего лишь 87 дней. Вскоре после официального бракосочетания в кафедральном соборе Стокгольма 4 июля 1568 года ее муж Эрик был обвинен своими братьями в сумасшествии, свергнут с престола, заточен в башню и отравлен мышьяком. Однако сын его Густав, дитя страстной любви, родившийся еще до свадьбы, считался законным сыном короля и наследником престола.

Братья короля Эрика хотели умертвить и его, но кому-то из них пришла в голову хитрая мысль: отправить юного принца учиться в католический колледж. Принц так увлечен своими мыслями, что ничего и не заметит, а протестантская Швеция потом не примет короля-католика. В 7 лет его оторвали от матери, сосланной в замок Турку в Финляндии, и отдали в польский иезуитский колледж. Окончив его, принц Густав

знал четыре иностранных языка, меж коими и славянский, и имел славу Теофраста Парацельса за свое увлечение алхимией. Совсем молодым он отправляется в Запорожскую Сечь, чтобы испытать себя в боях с врагами христианской веры – турками и татарами, потом объявляется в Италии, в Падуанском университете, изучает математику и медицину, живет в Германии – в общем, ведет жизнь обычного принца-изгнанника, – пока не попадает на Русь, к Борису Годунову. Годунов захотел женить принца Густава на своей красавице-дочери Ксении и сделать его королем вассального Ливонского королевства. Будущему королю Густаву показали войско, с которым он должен был это королевство завоевать. Ему отдают во владение Калугу и еще несколько городов, осыпают подарками и милостями. До поры. Ведь чтобы жениться на дочери Годунова, принц Густав должен был принять православие. А он почему-то не соглашается. И дальше все начинает развиваться для него далеко не столь благоприятно. Для начала Густава отсылают в Углич – пока в качестве правителя, но уже под боярский надзор. Смерть Годунова не облегчила участи шведского принца. Напротив, самозванец Лжедмитрий I велел перевести его в Ярославль и содержать как пленника, чтобы не портить отношений со шведами. Ну а по свержении Тушинского вора царь Василий Шуйский отправил принца в Дмитриев монастырь в Кашин. В монастыре Густав занимался своей любимой алхимией, обладая познаниями в медицине, лечил местных жителей. 22 февраля 1607 года он умер в возрасте 38 лет, и, где похоронен, до сих пор неизвестно.

Последующие годы были самыми трагичными в истории Кашина. Вторая волна Смуты, голод, пожары, моровая язва... За десять лет лишений и кровопролитий успели забыть, где

Ольга Никитина – энтузиастка создания Музея каши

находится могила шведского принца. Но память о нем осталась. Местные краеведы до сих пор занимаются поиском места захоронения. Легенды о сокровищах шведской королевской семьи, якобы тайно переданных принцу Густаву матерью, при всей своей неправдоподобности продолжают терзать искателей сокровищ. Изредка приезжают в Кашин делегации из Швеции.

Нелегко было провидеть столь печальный конец принца после его рождения в лоне королевской семьи. Но задумаемся: был ли конец его таким уж печальным? Возможно, принц Густав Ваза был настоящим христианином и поступал лишь так, как велел ему голос сердца: занимался любимой алхимией, лечил людей, жил и умер здесь, на этой земле, которая неожиданно стала последним прибежищем для него, нищего странника. Кстати, матушка Варвара, настоятельница и единственная монахиня восстановленного из руин Николаевского Клобукова монастыря, считает, что принц был истинным подвижником: он не отступился от своей веры, сколь бы выгодным или полезным для него это ни казалось.

ЗАМЕС ЧЕТВЕРТЫЙ, ИЛИ ВВЕДЕНИЕ В КАШЕВЕДЕНИЕ

Музей каши... Из него уходишь с ощущением, что каша не так проста, как кажется: каша, в ее высоком, изначальном смысле, есть вещь метафизическая и даже эзотерическая. И скоро выясняется, что добрая половина экскурсантов, вскормленная разного рода хлопьями да пакетиковыми кашами-пятиминутками, настоящей-то каши из цельного пшеничного или овсяного зерна отродясь не едала: она есть принадлежность иного века, иной, по сути, культуры, которая противится торопливости повседневной жизни. Настоящую кашу заценить может только приверженец медленной и вдумчивой кулинарии – но тогда и свойства облюбованного блюда раскроются целиком. Вот, к примеру, овсянка. На Руси ее всегда варили из цельного зерна: сначала его промывали, потом замачивали, и только потом час томили на медленном огне. Признаюсь, вернувшись из командировки, я такую кашу изготовил. И вот что скажу: по сравнению даже с простым «Геркулесом» это вещь такая сытная, что, позавтракав ею, можно

льняной рубаше – так расписывал свойства «белой» пшенной каши, пшеничной полбы, гречневой семенухи, всяких распылух, размазни и крупеников (жаренной на сковороде каши с творогом, молоком, маслом и яйцами), так напирал на целебные свойства ржаной соломы, льняного семени и пара в русской печи – при этом источая такое здоровье, радость и доброжелательность, что хотелось немедленно бросить торопливую московскую жизнь и начать жить заново, по-древнерусски. Разумеется, каша имела и обрядовое, ритуальное значение – в качестве священной пищи сопровождая человека от рождения до смерти. Крестильной кашей в старину в кашинских

семьях называлась смесь хрена, перца и других приправ, подносимая повивальной бабкой отцу новорожденного, которую тот, морщась, ел под смех гостей и платил бабке деньги.

Свадьба тоже не обходилась без каши: по выходе из церкви молодых осыпали зерном, символизирующим богатство и жизненные силы. На свадебном пиру дружка трижды бил завернутый в полотенце горшок с кашей и с третьего раза раскалывал его. Кашу относили молодым, по осколкам горшка считали число будущих детей в молодой семье.

А замыкала круг человеческой жизни поминальная каша – кутья. Зерно или семя – символ жизни. Посеянное в землю семя, умирая, приносит плод. Подобно ему и умерший человек собирает в вечности плоды посеянных в земной жизни семян, поэтому с православной точки зрения кутья символизирует веру живых в Царствие Небесное, вечную жизнь и Воскресение. Такая вот «философия каши». На Руси были праздники, непредставимые без каши – например, в день памяти святой мученицы Акулины, или Акулины Гречишницы, крестьяне угощали кашей всю нищую братию. На Аграфену Купальницу кашей обязательно кормили работников, занятых на молотье, а день святых бессребреников Космы и Дамиана в народе так и назывался «Кашником»...

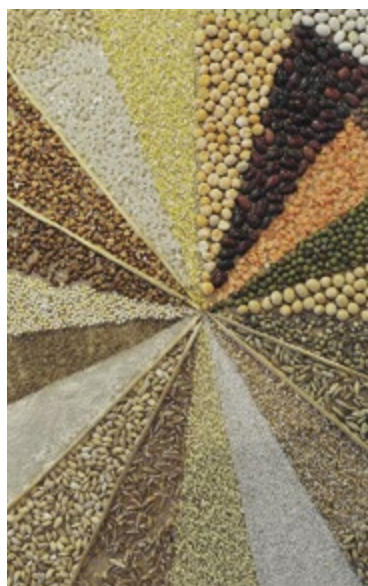
не есть до ужина. Ну а по своим энергетическим свойствам это, скажу вам, братцы, натурально лошадиная сила!

Из не очищенного от шелухи вареного овса варили богатый витаминами и клейковиной кисель, целебный для всех пищеварительных органов и для печени. Таким киселем отпаивали и ослабевших больных. А «молодильную» кашу красавицы, заботившиеся о красоте кожи и волос, делали из ржи молочной спелости. Беременным женщинам – чтоб дети здоровые родились – рекомендовали перловку из цельного, опять же, ячменя. Она вообще для здоровья, для иммунитета – первая.

Экскурсовод – таинственный, как ведун, мужик в красной

Экскурсовод в Музее каши дружески представляется: «Домовой Василич»

Эстетика злаков

ВЕЛИКАЯ КАША

Утро в День города ознаменовалось противным мелким дождем. Но когда мы прибыли в городской сад, стало очевидно, что на этом основании отменять праздник никто не собирается. Огромный котел уж отпыхтел свое, под ним тлели два-три полена, поддерживающие температуру невероятного по объему содержимого, да изредка вырывался из-под деревянной крышки вкусный гречневый аромат. Потом вдалеке послышались звуки музыки. Трубы, тромбоны и геликоны мало-помалу сладили довольно бравый маршевый ритм, против памятника святой благоверной великой кня-

гине Анне Кашинской народ воспрял, и, когда эта процессия, подбадриваемая буханьем барабана, заполнила городской сад, стало ясно, что народ хочет праздника. Быстро образовалась очередь.

Из котла большими поварешками насыпали кашу в пластиковые ведра и раздавали по порциям, сдобрив медом и маслом. Городской голова влез на два магазинных поддона и без выражения по бумажке прочитал горожанам поздравление с праздником, на чем счел свою локомотивную роль сыгранной. Но что удивительно: праздник удался и без него. Что-то люди получали вместе с этой кашей из

Каша поспела...

огромного котла. Может быть, чувство единства? Их спланировал этот величественный котел с кашей, им почему-то был дорог забытый фотограф Василий Колотильщиков, они видели своей покровительницей преподобную Анну Кашинскую... Им это было нужно. В общем, это было согласие на какую-то городскую легенду. Она оформляется ведь не только в виде Музея каши и празднично-ритуального ее поедания. Нужно, чтобы народ поверил... В кашу хотя бы. В кашу как в судьбу. Как в поэму. Сейчас повсюду, где мы ни ездим, складываются местного значения мифы и поэмы. Земля обретает голос. 🍲

Творцы Великой каши:
Андрей Кириллов,
Алексей Гаращенко,
Николай Лысов, Игорь Скрипников
и Николай Попов

